

**ДЖАННИ
РОДАРИ**

**ИПОЛИНО
И
ДРУГИЕ**

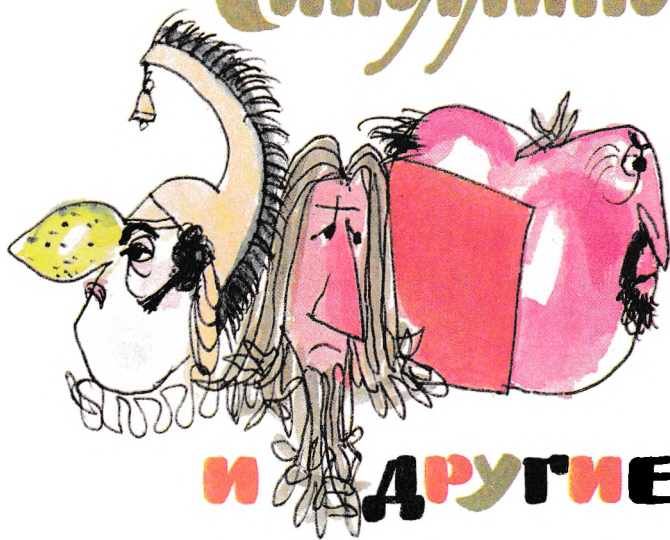

**ДЖАННИ
РОДАРИ**

**У
липурино**

И ДРУГИЕ

**СТИХИ, СКАЗКИ,
РАССКАЗЫ**

ПЕРЕВОД С ИТАЛЬЯНСКОГО

МОСКВА · ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА · 1984

И (Итал)
Р60

РИСУНКИ М. МАЙОФИСА

СОСТАВИТЕЛЬ Л. ВЕРШИНИН

Р 4803020000—418 415—83
М101(03)84

© Состав. Перевод на русский язык. Иллюстрации.
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА». 1984 г.

О ДЖАННИ РОДАРИ

Когда я был маленьким, одной из моих любимых книжек была сказка «Золотой ключик, или Приключения Буратино» замечательного нашего писателя Алексея Николаевича Толстого. Уверен, что и вы, наши юные читатели, любите веселую, остроумную и поучительную книгу о деревянном человечке Буратино.

Вы, наверно, знаете, что сказка А. Н. Толстого была написана по мотивам другой увлекательной книги — сказочной повести итальянского писателя Карло Коллоди «Приключения Пиноккио».

В Италии этой книгой зачитывались все от мала до велика, она и по сей день остается самой популярной детской книгой.

Джанни Родари помнил «Приключения Пиноккио» почти наизусть. На своих уроках — а он в молодости был учителем младших классов — пересказывал Родари своим шумным, непоседливым ученикам целые главы из этой книги. И класс мгновенно затихал. Но только вот из-за этого самого «почти» Родари приходилось порой, точь-в-точь как и Толстому в детстве, сочинять и свои эпизоды, а заодно и стихи, которых в сказке Коллоди не было вовсе.

Сказка Карло Коллоди «Приключения Пиноккио» ввела Родари в чудесный мир фантазии. Она же натолкнула его на мысль написать свою собственную сказочную историю, только уже на современную тему. Так родилась повесть-сказка «Приключения Чиполлино». Со сказкой Коллоди ее роднит искрометный юмор, всегда сплетенный с иронией, а подчас и с горькой усмешкой, любовь к своим никогда не унывающим героям, из среды простых, скромных тружеников. Эти люди, по глубокому убеждению Родари, и есть соль земли итальянской. При чем тут люди, удивитесь вы, ведь Чиполлино — мальчик-луковка. А потому, отвечает сам Родари, что «говорить о людях можно и рассказывая о котах, и говорить о важных, серьезных вещах, рассказывая веселые сказки».

В повести-сказке «Приключения Чиполлино», да и в других сказках Родари, много стихов. И вот что любопытно: стать поэтом его тоже «вынудили обстоятельства». Когда после войны Родари поселился в Милане и начал работать там в газете итальянской компартии «Унита», ему поручили вести рубрику «Для родителей». Но по давней привычке школьного учителя он обращался сразу и к родителям, и к детям. Однажды читательница «Униты» попросила Родари написать стихотворение для ее больного сынишки по имени Чиччо. Родари написал такое стихотворение, вы его найдете в этой книге, и оно очень понравилось ребятам. С тех пор он написал уже не отдельные стихотворения, а целые книги детских стихов: «Поезд стихов», «Стихи в небе и на земле», «Путешествия Джованнино Бездельника» и множество других.

В этой книге, дорогие ребята, кроме «Приключений Чиполлино» и подборки избранных стихов Джанни Родари, вы найдете и новеллы-сказки из более поздней книги Родари «Новеллы на пишущей машинке». Здесь уж Родари дал волю своей фантазии, да не просто фантазии, а научной. Ну, если точнее, то не совсем научной, а... наполовину. Чего только не случается в этих уди-

вительных историях: крокодил-знаток участвует в телевизионном конкурсе, новорожденный Карлино умеет читать мысли на расстоянии и решать сложнейшие математические задачи, начальник станции превращается в кота, а целое семейство венецианцев — в рыб.

По замыслу Родари за этой книгой должны были последовать новые «Почти научно-фантастические истории». Вообще замыслов и планов у него было не перечесть.

Увы, осуществить их Родари не успел. Он умер 14 апреля 1980 года, не дожив нескольких месяцев до своего шестидесятилетия. Но остались его книги. Добрые, живые книги, написанные человеком искренним, по-детски веселым и лукавым, наделенным редким даром фантазии. И я верю — эта книга, изданная у нас, в стране, где писатель обрел свою вторую родину, тоже послужит светлой памяти Джанни Родари, замечательного итальянского сказочника из маленького городка Оменья, по праву завоевавшего любовь ребят всей нашей планеты.

Л. Вершинин

Ч ПРИКЛЮЧЕНИЯ ИПОДЛИНО

ПОВЕСТЬ - СКАЗКА

Глава первая,
в которой Чиполлоне отдал ногу
принцу Лимону

Чиполлино был сыном Чиполлоне. И было у него семь братьев: Чиполлетто, Чиполлотто, Чиполлочча, Чиполлучча и так далее — самые подходящие имена для честной луковой семьи. Люди они были хорошие, надо прямо сказать; да только не везло им в жизни.

Что ж поделаешь: где лук, там и слезы.

Чиполлоне, его жена и сыновья жили в деревянной лачуге чуть побольше ящичка для огородной рассады. Если богачам случалось попадать в эти места, они недовольно морщили носы, ворчали: «Фу, как несет луком!» — и приказывали кучеру ехать быстрее.

Однажды бедную окраину собрался посетить сам правитель страны, принц Лимон. Придворные ужасно беспокоились, не ударит ли луковый запах в нос его высочеству.

— Что скажет принц, когда почувствует этот запах бедности?

— Можно опрыскать бедняков духами! — предложил Старший Камергер.

На окраину немедленно отправили дюжину солдат-Лимончи-

ков, чтобы надушить тех, от кого пахнет луком. На этот раз солдаты оставили в казармах свои сабли и пушки и взвалили на плечи огромные бидоны с опрыскивателями. В бидонах были: цветочный одеколон, фиалковая эссенция и даже самая лучшая розовая вода.

Командир приказал Чиполлоне, его сыновьям и всей родне выйти из домишек. Солдаты построили их в ряды и хорошенько опрыскивали с головы до ног одеколоном. От этого душистого дождя у Чиполлино с непривычки сделался сильнейший насморк. Он стал громко чихать и не расслышал, как издали донесся протяжный звук трубы.

Это на окраину прибыл сам правитель со свитой Лимонов, Лимонишек и Лимончиков. Принц Лимон был одет во все желтое с ног до головы, а на желтой шапочке у него побрякивал золотой колокольчик.

У придворных Лимонов колокольчики были серебряные, а у солдат-Лимончиков — бронзовые. Все эти колокольчики звенели не переставая, так что получалась великолепная музыка. Послушать ее сбежалась вся улица. Народ решил, что пришел бродячий оркестр.

Чиполлоне и Чиполлино оказались в первом ряду. Им обоим досталось немало толчков и пинков от тех, кто напирал сзади. Наконец бедный старик Чиполлоне не выдержал и закричал:

— Назад! Осади назад!..

Принц Лимон насторожился. Это что такое?

Он подошел к Чиполлоне, величаво переступая своими короткими, кривыми ножками, и строго посмотрел на старика:

— Чего это ты кричишь «назад»? Мои верноподданные так жаждут увидеть меня, что рвутся вперед, а тебе это не нравится, да?

— Ваше высочество, — прошептал на ухо принцу Старший Камергер, — мне кажется, что этот человек — опасный мятежник. Его нужно взять под особое наблюдение.

Тотчас же один из солдат-Лимончиков направил на Чиполлоне подзорную трубу, которою пользовались для наблюдения за возмутителями спокойствия. У каждого Лимончика была такая труба.

Чиполлоне позеленел от страха.

— Ваше высочество, — пробормотал он, — да ведь они меня затолкают!

— И прекрасно сделают, — прогремел принц Лимон. — Так тебе и надо!

Тут Старший Камергер обратился к толпе с речью.

— Возлюбленные наши подданные, — сказал он, — его высочество благодарит вас за выражение преданности и за усердные пинки, которыми вы потчуете друг друга. Толкайтесь посильнее, напирайте всюю!

— Но ведь они и вас самих, чего доброго, с ног сшибут, — попытался возразить Чиполлино.

Но сейчас же другой Лимончик направил на мальчика подзорную трубу, и Чиполлино счел за лучшее скрыться в толпе.

Сначала задние ряды напирали на передние не слишком сильно. Но Старший Камергер так свирепо поглядывал на нерадивых, что в конце концов толпа заволновалась, как вода в кадushке. Не выдержав напора, старый Чиполлоне завертелся кубарем и нечаянно наступил на ногу самому принцу Лимону. Его высочество, на ногах у которого были изрядные мозоли, сразу увидел все звезды небесные без помощи придворного астронома. Десять солдат-Лимончиков кинулись со всех сторон на несчастного Чиполлоне и надели на него наручники.

— Чиполлино, Чиполлино, сынок! — звал, растерянно оглядываясь по сторонам, бедный старик, когда его уводили солдаты.

Чиполлино в эту минуту находился очень далеко от места происшествия и ничего не подозревал, но зеваки, сновавшие вокруг, уже всё знали и, как бывает в подобных случаях, знали даже больше того, что было на самом деле.

— Хорошо, что его вовремя схватили,— говорили досужие болтуны. — Вы только подумайте, он хотел заколоть его высочество кинжалом!

— Ничего подобного: у злодея пулемет в кармане!

— Пулемет? В кармане? Быть этого не может!

— А разве вы не слышите стрельбы?

На самом деле это была вовсе не стрельба, а треск праздничного фейерверка, устроенного в честь принца Лимона. Но толпа так перепугалась, что шарахнулась во все стороны от солдат-Лимончиков.

Чиполлино хотел было крикнуть всем этим людям, что в кармане у его отца не пулемет, а только небольшой окурок сигары, но, подумав, решил, что болтунов все равно не переспоришь, и благоразумно промолчал.

Бедный Чиполлино! Ему вдруг показалось, что он стал плохо видеть, — это потому, что у него на глаза навернулась большая слезища.

— Назад, глупая! — прикрикнул на нее Чиполлино и стиснул зубы, чтобы не зареветь.

Слеза испугалась, попятилась и больше уже не показывалась.

Короче говоря, старого Чиполлоне приговорили к тюремному заключению не только на всю жизнь, но и на много-много лет после смерти, потому что при тюрьмах принца Лимона были и кладбища.

Чиполлино добился свидания со стариком и крепко обнял его:

— Бедный ты мой отец! Тебя засадили в каталажку, как преступника, вместе с ворами и бандитами!..

— Что ты, что ты, сынок,— ласково перебил его отец,— да ведь в тюрьме полным-полно честных людей!

— А за что же они сидят? Что плохого они сделали?

— Ровно ничего, сынок. Вот за это-то их и засадили. Принцу Лимону порядочные люди не по нутру.

Чиполлино призадумался.

— Значит, попасть в тюрьму — это большая честь? — спросил он.

— Выходит, что так. Тюрьмы построены для тех, кто ворует и убивает, но у принца Лимона все наоборот: воры и убийцы у него во дворце, а в тюрьме сидят честные граждане.

— Я тоже хочу быть честным гражданином, — заявил Чиполлино, — но только в тюрьму попадать не желаю. Потерпи немного, я вернусь сюда и всех вас освобожу!

— Не слишком ли ты на себя надеешься? — улыбнулся старик. — Это дело нелегкое!

— А вот увидишь. Я своего добьюсь.

Тут явился какой-то Лимонишка из стражи и объявил, что свидание окончено.

— Чиполлино, — сказал на прощание отец, — теперь ты уже большой и можешь сам о себе подумать. О твоей маме и братишках позаботится дядя Чиполла, а ты отправляйся странствовать по белу свету, поучись уму-разуму.

— Как же мне учиться? Книжек у меня нет, да и купить их не на что.

— Не беда, жизнь научит. Только гляди в оба — старайся видеть насквозь всяких плутов и мошенников, особенно тех, которые имеют власть.

— А потом? Что мне потом делать?

— Сам поймешь, когда придет время.

— Ну пошел, пошел, — прикрикнул Лимонишка, — довольно болтать! А ты, оборвыш, держись подальше отсюда, ежели не хочешь сам попасть за решетку.

Чиполлино ответил бы Лимонишке насмешливой песенкой, да подумал, что не стоит попадать за решетку, пока не успеешь как следует взяться за дело.

Он крепко поцеловал отца и убежал.

На следующий день он поручил свою мать и семерых братьев заботам доброго дяди Чиполлы, которому повезло в жизни чуть-чуть больше, чем остальным родственникам, — он служил где-то привратником.

Попрощавшись с дядей, матерью и братьями, Чиполлино завязал свои вещи в узелок и, нацепив его на палку, пустился в путь. Он пошел куда глаза глядят и, должно быть, выбрал верную дорогу.

Через несколько часов добрался он до маленькой деревушки — такой маленькой, что никто даже не потрудился написать ее название на столбе или на первом доме. Да и дом-то этот был, собственно говоря, не дом, а какая-то крохотная конурка, которая годилась разве что для таксы. У окошечка сидел старик с рыжеватой бородкой; он грустно поглядывал на улицу и, казалось, был чем-то очень озабочен.

Глава вторая

Как Чиполлино заставил кавалера Помидора заплакать в первый раз

— Дяденька,— спросил Чиполлино,— что это вам взбрело в голову забраться в этот ящик? Хотел бы я знать, как вы из него вылезете!

— О, это довольно легко! — отвечал старичок. — Вот войти гораздо труднее. Я бы с удовольствием пригласил вас к себе, мальчик, и даже угостил бы стаканчиком холодного пива, но здесь вдвоем не поместишься. Да, правду сказать, у меня и пива-то нет.

— Ничего,— сказал Чиполлино,— я пить не хочу... Так это, значит, ваш дом?

— Да,— отвечал старик, которого звали кум Тыква.— Домик, правда, тесноват, но когда нет ветра, тут неплохо.

Надо сказать, что кум Тыква только накануне этого дня закончил постройку своего дома. Чуть ли не с самого детства мечтал он о том, что у него будет когда-нибудь собственный домик, и каждый год покупал по одному кирпичу для будущей постройки.

Но только, к сожалению, кум Тыква не знал арифметики и должен время от времени просить сапожника, мастера Виноградинку, посчитать за него кирпичи.

— Посмотрим, — говорил мастер Виноградинка, почесывая затылок шилом. — Шестью семь — сорок два... девять долой... Словом, всего у тебя семнадцать кирпичей.

— А как ты думаешь, хватит этого на дом?

— Я бы сказал, что нет.

— Как же быть?

— Это уж твое дело. Не хватает на дом — сложи из кирпичей скамеечку.

— Да на что же мне скамеечка! Скамеечек и без того в парке много, а когда они заняты, я и постоять могу.

Мастер Виноградинка молча почесывал шилом сначала за правым ухом, потом за левым и уходил в свою мастерскую.

А кум Тыква думал-думал и в конце концов решил работать побольше, а есть поменьше. Так он и сделал.

Теперь ему удавалось покупать по три, по четыре кирпича в год.

Он стал худым, как спичка, зато груда кирпичей росла.

Народ говорил:

«Посмотрите-ка на кума Тыкву! Можно подумать, что он вытаскивает кирпичи из собственного брюха. Каждый раз, как у него прибавляется кирпичик, сам он худеет на килограмм».

Так шел год за годом. Наконец наступил день, когда кум Тыква почувствовал, что становится стар и не может больше работать. Он снова пошел к мастеру Виноградинке и сказал ему:

— Будь так добр, посчитай мои кирпичи.

Мастер Виноградинка, захватив с собой шило, вышел из мастерской, посмотрел на груду кирпичей и начал:

— Шестью семь — сорок два... девять долой... Словом, всего у тебя теперь сто восемнадцать штук.

— Хватит на дом?

— По-моему, нет.

— Как же быть?

— Не знаю, право, что тебе сказать... Построй курятник.

— Да у меня ни одной курицы нет!

— Ну так посели в курятнике кошку. Знаешь, кошка — зверь полезный. Она мышей ловит.

— Это-то верно, но ведь кошки у меня тоже нет, а правду сказать, и мыши еще не завелись. Не с чего да и негде...

— Чего же ты от меня хочешь? — засопел мастер Виноградинка, ожесточенно почесывая затылок шилом. — Сто восемнадцать — это сто восемнадцать, ни больше ни меньше. Так ведь?

— Тебе виднее — ты арифметике учился.

Кум Тыква вздохнул разок-другой, но, видя, что от его вздохов кирпичей не прибавляется, решил без лишних слов начать постройку.

«Я сложу из кирпичей совсем-совсем маленький домик, — думал он, работая. — Мне ведь дворца не нужно, я и сам невелик. А если кирпичей не хватит, пушу в ход бумагу».

Кум Тыква работал медленно и осторожно, боясь слишком быстро израсходовать все свои драгоценные кирпичи.

Он клал их один на другой так бережно, будто они были стеклянные. Он-то хорошо знал, чего стоит каждый кирпичик!

— Вот это, — приговаривал он, взяв один из кирпичей и поглаживая его, словно котенка, — это тот самый кирпич, что я раздобыл десять лет тому назад к рождеству. Я купил его на те деньги, что припас на курицу к празднику. Ну, курятиной я полакомлюсь потом, когда кончу свою постройку, а пока обойдусь и без нее.

Над каждым кирпичом он выпускал глубокий-преглубокий вздох. И все же, когда кирпичи кончились, у него осталось в запасе еще очень много вздохов, а домик вышел крохотный, как голубятня.

«Кабы я был голубем, — думал бедный Тыква, — мне было бы здесь очень, очень уютно!»

И вот домик был совсем готов.

Кум Тыква попытался было в него войти, но угодил коленом в потолок и чуть не обрушил все сооружение.

«Стар я становлюсь и неуклюж. Надо быть поосторожнее!»

Он стал на колени перед входом и, вздыхая, вполз внутрь на четвереньках. Но тут обнаружились новые затруднения: нельзя встать без того, чтобы не пробить головой крышу; нельзя растянуться на полу, потому что пол слишком короток, а повернуться на бок невозможно из-за тесноты. Но главное, как быть с ногами? Если ты залез в домик, то надо втянуть внутрь и ноги, а то они, чего доброго, промокнут под дождем.

«Вижу, — подумал кум Тыква, — что мне остается только жить в этом доме сидя».

Так он и сделал. Он уселся на пол, осторожно переводя дух, и на лице его, показавшемся в окошечке, было выражение самого мрачного отчаяния.

— Ну, как ты себя чувствуешь, сосед? — полюбопытствовал мастер Виноградинка, высунувшись из окна своей мастерской.

— Спасибо, недурно!.. — со вздохом ответил кум Тыква.

— А тебе не узко в плечах?

— Нет, нет. Ведь я строил дом как раз по своей мерке.

Мастер Виноградинка почесал, как всегда, шилом затылок и пробормотал что-то непонятное.

Между тем со всех сторон собирался народ, чтобы поглазеть на домик кума Тыквы. Примчалась и целая орава мальчишек. Самый маленький вспрыгнул на крышу домика и стал приплясывать, распевая:

Как у Тыквы-старика
В кухне правая рука,
В спальне левая рука.
Если ноги
На пороге,
Нос — в окошке чердака!

— Осторожней, мальчики! — взмолился кум Тыква. — Эдак вы мне дом обрушите — он ведь еще такой молоденький, новенький, ему и двух дней нет!

Чтобы задобрить ребят, кум Тыква вытащил из кармана горсть красных и зеленых леденцов, которые завалялись у него уж и не знаю с каких времен, и роздал их мальчикам. Те с радостным визгом схватили леденцы и сейчас же передрались между собой, деля добычу.

С этого дня кум Тыква, как только у него заводилось несколько сольдо, покупал конфеты и клал их на подоконник для ребят, словно хлебные крошки для воробьев.

Так они и подружились.

Иной раз Тыква разрешал мальчикам по очереди влезать в домик, а сам зорко поглядывал снаружи, как бы они не наделали беды.

Вот обо всем этом кум Тыква и рассказывал юному Чиполлино как раз в ту минуту, когда на краю деревни показалось густое облако пыли. Тотчас же, словно по команде, все окна, двери и ворота стали со стуком и скрипом закрываться. Жена мастера Виноградинки тоже поспешила запереть свою калитку.

Народ попрыгался по домам, словно перед бурей. Даже куры, кошки и собаки и те кинулись искать себе надежное убежище.

Чиполлино еще не успел расспросить, что такое здесь творится, как облако пыли с треском и грохотом прокатилось по деревне и остановилось у самого домика кума Тыквы.

В середине облака оказалась карета, которую тянула четверка лошадей. Собственно говоря, это были не совсем лошади, а скорее, огурцы, потому что в стране, о которой идет речь, все люди и животные были сродни каким-нибудь овощам или фруктам.

Из кареты, пыхтя и отдуваясь, вылез толстяк, одетый во все зеленое. Его красные, пухлые, надутые щеки, казалось, вот-вот лопнут, как перезрелый помидор.

Это и был кавалер Помидор, управитель и эконом богатых помещиц — графинь Вишен. Чиполлино сразу понял, что от этой особы нельзя ждать ничего хорошего, если все удирают при первом же ее появлении, и сам счел за лучшее держаться в стороне.

Сначала кавалер Помидор не делал никому ничего дурного. Он только смотрел на кума Тыкву. Смотрел долго и пристально, зловеще покачивая головой и не говоря ни слова.

А бедный кум Тыква рад был в эту минуту провалиться сквозь землю вместе со своим крошечным домиком. Пот ручьями

струился у него со лба и попадал в рот, но кум Тыква не осмеливался даже поднять руку, чтобы вытереть лицо, и покорно глотал эти соленые и горькие капли.

Наконец он закрыл глаза и стал думать так: «Никакого синьора Помидора тут больше нет. Я сижу в своем домике и плыву, как моряк в лодочке, по Тихому океану. Вокруг вода — синяя-синяя, спокойная-спокойная... Как мягко она колышет мою лодочку!..»

Конечно, никакого моря вокруг не было и в помине, но домик кума Тыквы и в самом деле покачивался то вправо, то влево. Это происходило оттого, что кавалер Помидор ухватился за край крыши обеими руками и стал трясти домик изо всех сил. Крыша ходила ходуном, и аккуратно уложенная черепица разлеталась во все стороны.

Кум Тыква поневоле открыл глаза, когда синьор Помидор издал такое грозное рычание, что двери и окна в соседних домах закрылись еще плотнее, а тот, кто запер дверь только на один оборот ключа, поспешил повернуть ключ в замочной скважине еще разок или два.

— Злодей! — кричал синьор Помидор. — Разбойник! Вор! Мятежник! Бунтовщик! Ты построил этот дворец на земле, которая принадлежит графиням Вишням, и собираешься провести остаток своих дней в безделье, нарушая священные права двух бедных престарелых синьор — вдов и круглых сирот. Вот я тебе покажу!

— Ваша милость, — взмолился кум Тыква, — уверяю вас, что у меня было разрешение на постройку домика! Мне его дал когда-то сам синьор граф Вишня!

— Граф Вишня умер тридцать лет тому назад — мир его праху! — а теперь земля принадлежит двум благополучно здравствующим графиням. Поэтому убирайся отсюда вон без всяких разговоров! Остальное тебе разъяснит адвокат... Эй, Горошек, где вы тут? Живо!

Синьор Зеленый Горошек, деревенский адвокат, очевидно, был наготове, потому что немедленно высочил откуда-то, словно горошинка из стручка.

Каждый раз, когда Помидор являлся в деревню, он звал этого расторопного малого, чтобы тот подтвердил его распоряжения подходящими статьями закона.

— Я здесь, ваша милость, к вашим услугам... — пролепетал синьор Горошек, низко кланяясь и зеленея от страха.

Но он был такой маленький и юркий, что его поклона никто и не заметил. Боясь показаться недостаточно вежливым, синьор Горошек подпрыгнул повыше и задрогал ногами в воздухе.

— Эй, как вас там, скажите-ка этому бездельнику Тыкке, что, по законам королевства, он должен немедленно убираться отсюда прочь. И объявите всем здешним жителям, что графини Вишни намерены посадить в эту конуру самую злую собаку, для того чтобы стеречь графские владения от мальчишек, которые с некоторого времени стали вести себя крайне непочтительно.

— Да, да, действительно непочтительно... то есть... — бормотал Горошек, еще пуще зеленея от страха. — То есть недействительно почтительно!

— Что там — «действительно» или «недействительно»? Адвокат вы или нет?

— О да, ваша милость, специалист по гражданскому, уголовному, а также и каноническому праву. Окончил университет в Саламанке. С дипломом и званием...

— Ну, ежели с дипломом и званием, так, стало быть, вы подтвердите, что я прав. А затем можете убираться восвояси.

— Да-да, синьор кавалер, как вам будет угодно!.. — И синьор адвокат, не заставляя себя просить дважды, ускользнул прочь быстро и незаметно, как мышиный хвост.

— Ну что, ты слышал, что сказал адвокат? — спросил Помидор кума Тыкву.

— Да ведь он ровно ничего не сказал! — слышался чей-то голос.

— Как? Ты осмеливаешься еще спорить со мною, несчастный?

— Ваша милость, я и рта не открывал... — пролепетал кум Тыква.

— А кто же, если не ты? — И кавалер Помидор с угрожающим видом осмотрелся вокруг.

— Мошенник! Плут! — снова слышался тот же голос.

— Кто это говорит? Кто? Наверно, этот старый мятежник, мастер Виноградинка! — решил кавалер Помидор. Он подошел к мастерской сапожника и, ударив дубинкой в дверь, прорычал: — Я прекрасно знаю, мастер Виноградинка, что в вашей мастерской за частую произносятся дерзкие, мятежные речи против меня и благородных графинь Вишен! Вы не питаете никакого почтения к этим престарелым знатым синьярам — вдовам и круглым сиротам. Но погодите: придет и ваш черед. Посмотрим, кто будет смеяться последним!

— А еще раньше придет твой черед, синьяр Помидор! Ох, лопнешь ты скоро, непременно лопнешь!

Слова эти произнес не кто иной, как Чиполлино. Засунув руки в карманы, он так спокойно и уверенно подошел к грозному кавалеру Помидору, что тому и в голову не пришло, что правду в глаза осмелился ему высказать этот жалкий мальчуган, этот маленький бродяга.

— А ты откуда взялся? Почему не на работе?

— Я еще не работаю, — ответил Чиполлино. — Я пока только учусь.

— А что ты изучаешь? Где твои книги?

— Я изучаю мошенников, ваша милость. Как

раз сейчас передо мной стоит один из них, и я ни за что не упущу случая изучить его как следует.

— Ах, ты изучаешь мошенников? Это любопытно. Впрочем, в этой деревне все мошенники. Если ты нашел нового, покажи-ка мне его.

— С удовольствием, ваша милость, — ответил Чиполлино, лукаво подмигнув.

Тут он поглубже засунул руку в левый карман и вытащил оттуда маленькое зеркальце, которым он обычно пускал солнечных зайчиков. Подойдя совсем близко к синьору Помидору, Чиполлино повертел зеркальцем перед самым его носом:

— Вот он, этот мошенник, ваша милость. Если вам угодно, посмотрите-ка на него хорошенько. Узнаёте?

Кавалер Помидор не удержался от искушения и одним глазом посмотрел в зеркальце.

Неизвестно, что он надеялся там увидеть, но, конечно, увидел только свою собственную красную, как огонь, физиономию со злыми маленькими глазками и широким ртом, похожим на прорезь копилки.

Тут-то синьор Помидор наконец понял, что Чиполлино попросту издевается над ним.

Ну и взбесился же он! Весь побагровев, он вцепился обеими руками Чиполлино в волосы.

— Ой-ой-ой! — закричал Чиполлино, не теряя присущей ему веселости. — Ах, как силен этот мошенник, которого вы увидели в моем зеркальце! Уверяю вас, он один стоит целой шайки разбойников!

— Я покажу тебе, плут!.. — заорал кавалер Помидор и так сильно дернул Чиполлино за волосы, что одна прядь осталась у него в руках.

Но тут случилось то, что и должно было случиться.

Вырвав у Чиполлино прядь луковых волос, грозный кавалер Помидор вдруг почувствовал едкую горечь в глазах и в носу. Он

чихнул разок-другой, а потом слезы брызнули у него из глаз, как фонтан. Даже как два фонтана. Струйки, ручьи, реки слез текли по обеим его щекам так обильно, что залили всю улицу, словно по ней прошелся дворник со шлангом.

«Этого еще со мной никогда не бывало!» — думал перепуганный синьор Помидор.

И в самом деле, он был такой бессердечный и жестокий человек (если только можно назвать помидор человеком), что никогда не плакал, а так как он был к тому же богат, ему ни разу в жизни не приходилось самому чистить лук. То, что с ним произошло, так напугало его, что он вскочил в карету, хлестнул лошадей и умчался прочь. Однако, удирая, обернулся и прокричал:

— Эй, Тыква, смотри же, я тебя предупредил!.. А ты, подлый мальчишка, оборванец, дорого заплатишь мне за эти слезы!

Чиполлино покатывался со смеху, а кум Тыква только утирал пот со лба.

Двери и окна начали понемножку открываться во всех домах, кроме дома, в котором жил синьор Горошек.

Мастер Виноградинка распахнул настежь свою калитку и выскочил на улицу, ожесточенно почесывая затылок шилом.

— Клянусь всей дратвой в мире, — воскликнул он, — наконец-то нашелся парнишка, который заставил плакать кавалера Помидора!.. Откуда ты взялся, мальчик?

И Чиполлино рассказал мастеру Виноградинке и его соседям свою историю, которую вы уже знаете.

Глава третья,

*в которой рассказывается о профессоре Груше,
о Луке Порее и о Тысяченожках*

С этого самого дня Чиполлино начал работать в мастерской Виноградинки и скоро достиг больших успехов в сапожном деле: натирал воском драгву, подбивал подметки, ставил набойки, снимал мерку с ног заказчиков и при этом не переставал шутить.

Мастер Виноградинка был доволен им, и дела у них шли отлично не только потому, что они усердно работали, но и потому, что многие заходили в мастерскую, чтобы посмотреть на смелого мальчишку, который заставил плакать самого кавалера Помидора. За короткое время Чиполлино приобрел много новых знакомых.

Первым пришел профессор Груша, учитель музыки, со скрипкой под мышкой. За ним влетело целое облако мух и ос, потому что скрипка профессора Груши была сделана из половинки ароматной, сочной груши, а мухи, как известно, большие охотницы до всего сладкого.

Очень часто, когда профессор Груша давал концерт, слушатели кричали ему из зала:

— Профессор, обратите внимание — на вашей скрипке сидит большая муха! Вы из-за нее фальшивите!

Тут профессор прерывал игру и гонялся за мухой до тех пор, пока ему не удавалось прихлопнуть ее смычком.

А иногда в его скрипку залезал червяк и проделывал в ней длинные извилистые коридоры. Инструмент от этого портился, и профессору приходилось обзаводиться новым, чтобы играть как следует, а не фальшивить.

Вслед за профессором Грушей явился огородник Лук Порей. У него был густой чуб, спадающий на лоб, и длинные-предлинные усы.

— Из-за этих усов, — жаловался Лук Порей Чиполлино, — у меня немало неприятностей. Когда моя жена собирается сушить белье, она сажает меня на балкон, привязывает мои усы за кончики к двум гвоздям и вешает на них свои простыни, рубашки и чулки. А я должен сидеть на солнце до тех пор, пока белье не высохнет. Вот видишь, какие у меня следы на усах!

Действительно, на усах Лука Порей виднелись следы от деревянных защипок.

Однажды в мастерскую пришло семейство Тысяченожек: отец и двое сыновей — Тысяченожка и Тысячелапка. Сыновья ни одной минуты не могли спокойно постоять на месте.

— Они у вас всегда такие непоседы? — спросил Чиполлино.

— Что вы! — вздохнул Тысяченожка-отец. — Сейчас-то они еще спокойны, как ангелы, а вот вы бы посмотрели, что с ними делается, когда моя жена их купает! Пока она моет им переднюю сотню ног, они успевают загрязнить задние; вымоет задние — глядь, а передние снова чернее черного. Она возится с ними без конца и каждый раз изводит целый ящик мыла.

Мастер Виноградинка почесал затылок и спросил:

— Ну что, снимать с ваших малышей мерку?

— Да что вы, бог с вами, разве я могу заказать столько башмаков! Мне пришлось бы работать всю жизнь, чтобы заплатить за тысячу пар ботинок.

— Верно, — согласился мастер Виноградинка. — Да у меня на них и кожи в мастерской не наберется.

— Ну, так вы посмотрите, какие из ботинок больше всего изнашивались. Сменим хотя бы несколько пар.

Пока мастер Виноградинка и Чиполлино осматривали у ребят подметки и набойки, Тысяченожка и Тысячелапка изо всех сил старались стоять спокойно, но это у них не очень-то выходило.

— Ну вот, — сказал сапожник, — этому мальцу нужно переменить первые две пары и еще трехсотую пару.

— Нет, трехсотая пока еще годится, — торопливо возразил отец Тысяченожка. — Подбейте ему только каблук.

— А другому мальчугану надо сменить десять башмаков подряд на правой стороне.

— Сколько я им твержу, чтобы они не шаркали ногами! Да разве эти ребята умеют ходить? Они скачут, приплясывают,

прыгают на одной ноге. И что же получается в конце концов: все правые башмаки стоптались раньше левых. Вот как туго приходится нам, Тысяченожкам!

Мастер Виноградинка только рукой махнул:

— Эх, все дети одинаковы! Две у них ноги или тысяча — это, в сущности, все равно. Они способны изорвать тысячу пар ботинок на одной-единственной ноге.

Наконец семья Тысяченожек засемила прочь. Тысяченожка и Тысячелапка умчались, как на колесах. Папа Тысяченожка не умел так быстро передвигаться — он немного прихрамывал. Совсем чуть-чуть, всего только на сто восемнадцать ног.

Глава четвертая

*о том, как Чиполлино одурачил пса Мастино,
которому очень хотелось пить*

Что же стало с домиком кума Тыквы?

В один далеко не прекрасный день кавалер Помидор снова прикатил в своей карете, в которую были запряжены четыре огурца, но на этот раз его сопровождала дюжина Лимончиков. Без долгих разговоров кума Тыкву выгнали из домика и вместо него поселили там здоровенного сторожевого пса по имени Мастино.

— Вот вам! — заявил Помидор, угрожающе посматривая вокруг. — Теперь все ваши мальчишки научатся уважать меня, а прежде всего — тот пришлый оборванец, которого мастер Виноградинка взял к себе в дом.

— Правильно! Правильно! — глухо пролаял Мастино.

— Что же касается старого дурака Тыквы, — продолжал синьор Помидор, — то это научит его повиноваться моим приказаниям. А если ему очень хочется иметь крышу над головой, то для него всегда найдется уютное, удобное местечко в тюрьме. Там на всех хватит места.

— Правильно! Правильно! — снова подтвердил Мастино.

Мастер Виноградинка и Чиполлино, стоя на пороге мастер-

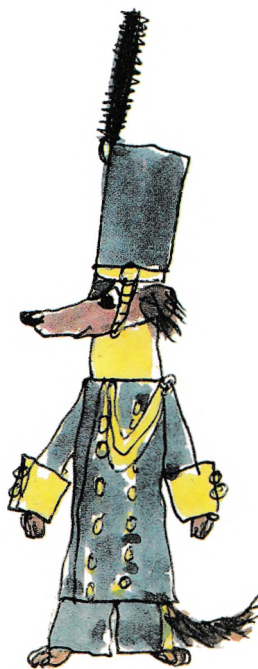
ской, видели и слышали все, что происходит, но не могли ничем помочь старику.

Кум Тыква печально сидел на тумбе и щипал себя за бороду. Каждый раз при этом у него в руке оставался клочок волос. В конце концов он решил бросить это занятие, чтобы не остаться совсем без бороды, и начал тихонько вздыхать — ведь вы помните, что у кума Тыквы был большой запас вздохов!

Наконец синьор Помидор влез в свою карету. Мастино сделал стойку и отдал хозяину честь хвостом.

— Смотри сторожи хорошенько! — приказал ему кавалер на прощание, хлестнул по огурцам, и карета умчалась в облаке пыли.

Был чудесный, жаркий летний день. После отъезда хозяина Мастино немножко погулял перед домиком взад и вперед, высунув от жары язык и обмахиваясь хвостом, как веером. Но это

не помогало. Мастино изнемог от жажды и решил, что ему не повредил бы добрый стаканчик холодного пива.

Он огляделся по сторонам, высматривая какого-нибудь мальчишку, чтобы послать его за пивом в ближайший трактир, но на улице, как назло, никого не было.

Правда, в сапожной мастерской перед открытой дверью сидел Чиполлино и усердно вошил дратву, но от него шел такой горький луковый запах, что Мастино не решался позвать его.

Однако Чиполлино сам увидел, что пес изнывает от жары.

«Будь я не Чиполлино, если я не сыграю с ним шутку!» — подумал он.

А зной становился все сильнее, потому что солнце поднималось все выше. Бедному Мастино так хотелось пить!

«Чего это я наелся сегодня утром? — припоминал он. — Может быть, мой суп пересолили? Во рту горит, а язык тяжелый, будто на него налипло фунтов двадцать замазки».

Тут Чиполлино выглянул из двери.

— Эй! Эй! — окликнул его Мастино слабым голосом.

— Вы ко мне обращаетесь, синьор?

— К вам, к вам, юноша! Сбегайте и принесите мне, пожалуйста, холодного лимонаду.

— Ах, я бы с великой радостью сбегал, синьор Мастино, но, видите ли, мой хозяин только что дал мне починить этот ботинок, так что я никак не могу отлучиться. Очень жалею.

И Чиполлино без лишних слов вернулся к себе в мастерскую.

— Лентяй! Невежа! — буркнул пес, проклиная цепь, которая мешала ему самому забежать в трактир.

Через некоторое время Чиполлино показался снова.

— Синьорино, — проскулил пес, — может быть, вы принесете мне хоть стакан простой воды?

— Да я бы с большим удовольствием, — отозвался Чиполлино, — но только сейчас мой хозяин приказал мне починить каблуки на туфлях синьора священника.

По правде сказать, Чиполлино от души жалел бедного пса, который томился от жажды, но ему было очень не по душе то ремесло, которым занимался Мастино, а кроме того, ему хотелось еще разок проучить синьора Помидора.

К трем часам дня солнце стало припекать так, что даже камни на улице вспотели. Мастино чуть ли не взбесился от жары и жажды. Наконец Чиполлино поднялся со своей скамеечки, налил в бутылку воды и подсыпал туда белого порошку, который жена мастера Виноградинки принимала на ночь от бессонницы.

Заткнув пальцем горлышко бутылки и поднеся ее к губам, он сделал вид, что пьет.

— Ах,— сказал он, поглаживая себя по животу,— какая чудесная, холодная, свежая вода!

У Мастино потекли слюнки, так что ему на минутку стало даже легче.

— Синьор Чиполлино,— сказал он,— а эта вода чистая?

— Еще бы! Она прозрачнее слезы!

— А в ней нет микробов?

— Помилуйте! Эту воду очистили и процедили два знаменитых профессора. Микробы они оставили себе, а воду дали мне за то, что я починил им туфли.

И Чиполлино снова поднес бутылку ко рту, притворяясь, будто пьет.

— Синьор Чиполлино,— спросил удивленный Мастино,— как это у вас получается, что бутылка все время остается полной?

— Дело в том,— ответил Чиполлино,— что эта бутылка — подарок моего покойного дедушки. Она волшебная и никогда не бывает пустой.

— А вы мне не позволите отхлебнуть немного — хоть глоточек? Один глоточек!

— Глоточек? Да пейте сколько хотите! — ответил Чиполлино. — Я же сказал вам, что моя бутылка никогда не пустеет!

Можете себе представить, как обрадовался Мастино. Он без

конца благодарил доброго синьора Чиполлино, лизал ему ноги и вилял перед ним хвостом. Даже со своими хозяйками — графинями Вишнями он никогда не бывал так обходителен.

Чиполлино охотно протянул Мастино бутылку. Пес схватил ее и с жадностью осушил до дна одним глотком. Посмотрев на пустую бутылку, он удивился:

— Как, уже все? А вы же мне сказали, что бутыл...

Не успел он договорить это слово, как свалился и заснул.

Чиполлино снял с него цепь, взвалил пса на плечи и понес к замку, где жили графини Вишни и кавалер Помидор. Обернувшись назад, он увидел, что кум Тыква уже вновь завладел своим домиком. Лицо старика, высунувшего из окошечка растрепанную рыжую бородку, выражало неопишемую радость.

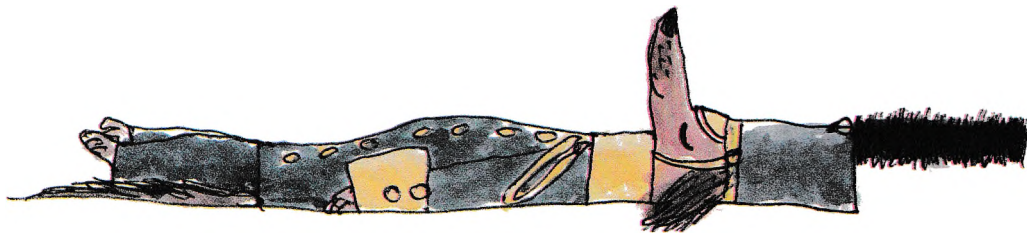
«Бедный пес! — думал Чиполлино, идя к замку. — Ты уж прости меня, пожалуйста, но я должен был сделать это. Неизвестно только, как ты отблаговаришь меня за свежую воду, когда проснешься!»

Ворота замка были открыты. Чиполлино положил собаку на траву в парке, ласково погладил ее и сказал:

— Передай от меня привет кавалеру Помидору. И обоим графиням тоже.

Мастино ответил блаженным ворчанием. Ему снилось, будто он купается в горном озере, в приятной, прохладной воде. Плавая, он пьет вволю и сам постепенно превращается в воду: у него сделался водяной хвост, водяные уши и четыре лапы, легкие и длинные, как струи фонтана.

— Спи спокойно! — добавил Чиполлино и пошел обратно в деревню.

Глава пятая

*Кум Черника вешает над дверью
колокольчик для воров*

Возвратившись в деревню, Чиполлино увидел, что у домика Тыквы собралось много народу. Люди тревожно, вполголоса спорили между собой. Видно было, что они не на шутку напуганы.

— Что-то еще выкинет кавалер Помидор? — спрашивал профессор Груша печально и озабоченно.

— Я думаю, что эта история плохо кончится. Как ни верти, они здесь хозяева — вот они и делают что хотят, — говорила кума Тыквочка.

Жена Лука Порей сразу же согласилась с ней и, ухватив мужа за усы, как за вожжи, крикнула:

— А ну-ка, заворачивай домой, пока не случилось чего похуже!

Даже мастер Виноградинка в тревоге покачивал головой:

— Кавалер Помидор остался в дураках уже два раза. Он непременно захочет отомстить!

Не беспокоился только кум Тыква. У него опять нашлись в кармане леденцы, и он угощал ими всех присутствующих, чтобы отпраздновать радостное событие.

Чиполлино взял одну конфетку, пососал ее в раздумье и сказал:

— Я тоже думаю, что Помидор так легко не сдастся.

— Но тогда... — испуганно вздохнул Тыква.

Счастливая улыбка сразу сошла с его лица, будто солнце скрылось за тучей.

— Я думаю, нам остается одно: спрятать домик.

— Как это так — спрятать?

— Да очень просто. Если б это был дворец, нам бы, конечно, спрятать его не удалось. Но ведь домик такой маленький, что его можно увезти на тележке тряпичника.

Фасолинка, сын тряпичника, сбегал домой и тотчас же вернулся с тележкой.

— Вы хотите погрузить домик на тележку? — озабоченно спросил кум Тыква.

Он боялся, как бы его драгоценный домик не рассыпался на куски.

— Не беспокойся, ничего с твоим домиком не сделается! — засмеялся Чиполлино.

— А куда мы его повезем? — снова спросил кум Тыква.

— Можно пока затащить его ко мне в погреб, — предложил мастер Виноградинка, — а там посмотрим.

— А если синьор Помидор как-нибудь об этом узнает?

Тут все разом посмотрели на адвоката Горошка, который словно ненароком проходил мимо, делая вид, будто это вовсе не он.

Адвокат покраснел и стал клясться и божиться:

— От меня кавалер Помидор никогда ничего не узнает. Я не доносчик, я честный адвокат!

— В погребе домик отсыреет и может рассыпаться, — робко возразил кум Тыква. — Почему бы не спрятать его в лесу?

— А кто за ним там присмотрит? — спросил Чиполлино.

— В лесу живет мой знакомый, кум Черника, — сказал

профессор Груша.— Можно поручить домик ему. А там видно будет.

На том и порешили.

В несколько минут домик был погружен на тележку. Кум Тыква со вздохом попрощался с ним и отправился к своей внучке, куме Тыквочке, отдохнуть после всех пережитых волнений.

А Чиполлино, Фасолинка и Груша повезли домик в лес. Везти его было нетрудно: он весил не больше, чем птичья клетка.

Кум Черника проживал в прошлогодней каштановой скорлупе, толстой, с шипами. Это была очень тесная квартира, но кум Черника удобно устроился в ней со всем своим имуществом, которое состояло из одной половинки ножниц, заржавленной бритвы, иголки с ниткой и корочки сыра.

Когда кум Черника услышал, о чем его просят, он сначала страшно встревожился:

— Жить в таком большом доме? Нет, я на это никогда не соглашусь. Это невозможно! Что я буду делать один в огромном и пустом дворце? Мне хорошо и в моей каштановой скорлупке. Знаете пословицу: в своем доме и стены помогают.

Однако когда кум Черника узнал, что нужно оказать услугу куму Тыкве, он сразу согласился:

— Я всегда сочувствовал старику. Однажды я предупредил его, что к нему за шиворот заползла гусеница. Ведь я этим, можно сказать, спас его от гибели!

Домик поставили у подножия большого дуба. Чиполлино, Фасолинка и Груша помогли куму Чернике перенести в новую квартиру все его богатства и распрощались, но обещали скоро вернуться с хорошими вестями.

Оставшись один, кум Черника не на шутку обеспокоился: а вдруг к нему нагрянут воры!

«Теперь, когда у меня такой большой дом,— думал он,— меня, конечно, попытаются обокрасть. Кто знает, может быть,

меня убьют во сне, вообразив, что у меня спрятаны невесть какие сокровища!»

Он подумал-подумал и решил повесить над дверью колокольчик, а под ним записку, на которой было выведено печатными буквами:

«Покорнейшая просьба к синьорам ворам позвонить в этот колокольчик. Их сейчас же впустят, и они своими глазами убедятся, что здесь красть нечего».

Написав записку, он успокоился и после заката солнца мирно улегся спать.

В полночь его разбудил звонок.

— Кто там? — спросил кум Черника, выглянув в окно.

— Воры! — ответил грубый голос.

— Иду, иду! Подождите, пожалуйста, я только халат накину, — сказал кум Черника, вставая.

Он надел халат, отпер дверь и пригласил воров осмотреть весь дом. Воры оказались двумя здоровенными, высокими парнями — с черными бородами. Они по очереди, осторожно, чтобы не набить шишку, всунули головы в домик и очень скоро удостоверились, что тут действительно нечем поживиться.

— Видите, синьоры? Убедились? — радовался кум Черника, потирая руки.

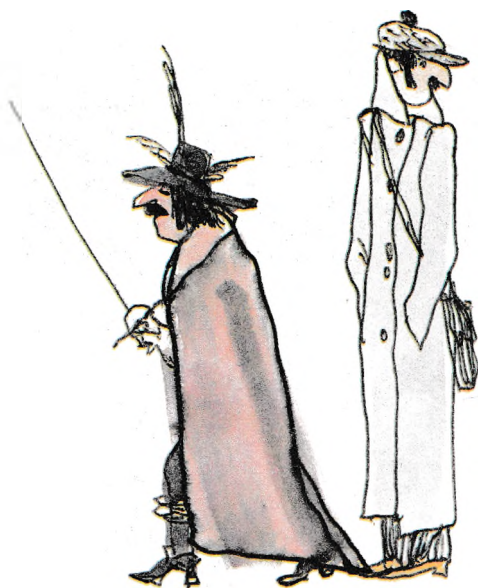
— Хм, да... — пробурчали разочарованные воры.

— Поверьте, мне очень неприятно отпускать вас с пустыми руками, — продолжал Черника. — Не могу ли я чем-нибудь услужить вам? Хотите побриться? У меня здесь есть бритва — правда, старенькая: это наследство моего прадедушки. Но мне кажется, что она еще кое-как бреет.

Воры согласились. Они с грехом пополам побрились ржавой бритвой и ушли, несколько раз поблагодарив хозяина. В общем, они оказались славными ребятами.

Кто знает, отчего им пришлось заняться таким нехорошим ремеслом!

Кум Черника вновь улегся в постель и заснул.

В два часа ночи его разбудил второй звонок. Пришли еще двое воров.

— Войдите! — сказал кум Черника. — Но поодиночке, чтобы дом не обрушился.

У этих воров бород не было, но у одного из них не оказалось и пуговиц на куртке.

Ни единой пуговицы! Кум Черника подарил ему иголку с ниткой и посоветовал повнимательнее смотреть под ноги во время прогулок.

— Знаете, на дороге всегда валяется очень много пуговиц, — объяснил он вору.

Эти вору тоже ушли по своим делам.

Словом, каждую ночь кума Чернику будили вору, которые звонили в колокольчик, заглядывали в домик и уходили хоть и без добычи, но очень довольные знакомством с этим добрым и вежливым маленьким хозяином.

Итак, домик кума Тыквы был, как видите, в хороших руках. Давайте пока расстанемся с ним и посмотрим, что происходит в других местах.

Глава шестая,

*в которой рассказывается о том,
как много хлопот и неприятностей
доставили графиням их родственники —
барон Апельсин и герцог Мандарин*

Теперь нам нужно заглянуть в замок графинь Вишен, которые, как вы уже, вероятно, поняли, были владелицами всей деревни, ее домов, земель и даже церкви с колокольней.

В тот день, когда Чиполлино увез в лес домик кума Тыквы, в замке царило необычное оживление: к хозяевам приехали родственники.

Родственников было двое: барон Апельсин и герцог Мандарин. Барон Апельсин был двоюродным братом покойного мужа синьоры графини Старшей, а герцог Мандарин приходился двоюродным братом покойному мужу синьоры графини Младшей. У барона Апельсина был необыкновенно толстый живот. Впрочем, ничего удивительного в этом не было, потому что он только и делал, что ел, давая челюстям отдых всего лишь на часок-другой во время сна.

Когда барон Апельсин был еще молод, он спал с вечера до утра, чтобы успеть переварить все, что съел за день. Но потом он сказал себе: «Спать — это только время терять: ведь когда я сплю, я не могу есть!»

Поэтому он решил питаться и ночью, оставив для пищеваре-

ния часа два в сутки. Чтобы утолить голод барона Апельсина, из его многочисленных владений, раскинувшихся по всей области, к нему ежедневно направлялись обозы с самой разнообразной снедью. Бедные крестьяне уж и не знали, чего бы ему еще послать.

Он пожирал яйца, кур, свиней, коз, коров, кроликов, фрукты, овощи, хлеб, сухари, пироги... Двое слуг запихивали ему в рот все, что привозилось. Когда они уставали, их сменяли двое других.

В конце концов крестьяне послали сказать ему, что у них больше не осталось ничего съестного. Весь скот съеден, все плоды с деревьев обобраны.

— Ну так пришлите мне деревья! — приказал барон.

Крестьяне послали ему деревья, и он сожрал их, обмакивая листья и корни в оливковое масло и посыпая солью.

Когда наконец все садовые деревья были уничтожены, барон начал продавать свои земли и на вырученные деньги покупать еду. Продав все поместья, он написал письмо синьоре графине Старшей и напросился к ней в гости.

По правде сказать, синьора графиня Младшая была не очень-то довольна:

— Барон проест все наше состояние. Он проглотит наш замок, точно блюдо макарон!

Синьора графиня Старшая заплакала:

— Ты не хочешь принимать моих родственников. Ах, ты никогда не любила моего толстого, бедного барона!

— Хорошо, — сказала графиня Младшая, — зови своего барона. Но тогда я приглашу герцога Мандарина, двоюродного брата моего бедного покойного мужа.

— Сделай одолжение! — презрительно ответила графиня Старшая. — Уж этот-то ест меньше, чем цыпленок. У твоего бедного мужа — мир его праху! — родственники такие маленькие и тощие, что их и от земли не видно. А у моего бедного покой-

ного мужа — мир его праху! — родственники все как на подбор: высокие, толстые, видные.

И в самом деле, барон Апельсин был очень видной особой — он даже за версту казался целой горой. Пришлось сразу же нанять для него слугу, который возил бы его живот, — сам барон уже не в состоянии был таскать свое внушительное брюхо.

Помидор послал за тряпичником Фасолью, чтоб тот доставил в замок свою тележку. Но Фасоль не нашел тележки — ведь, как вы знаете, ее взял его сынишка, Фасолинка. Поэтому он прикатил тачку вроде той, в какой каменщики возят известку.

Синьор Помидор помог барону Апельсину уложить в тачку его толстое брюхо и крикнул:

— Ну, пошел!

Фасоль изо всех сил налег на ручки старой, расшатанной тачки, но не сдвинул ее и на сантиметр: барон только что очень сытно позавтракал.

Позвали еще двух слуг. С их помощью барону удалось наконец совершить небольшую прогулку по аллеям парка. При этом колесо тачки то и дело насакивало на самые большие и острые камни. Эти толчки так отдавались в животе у бедного барона, что он обливался холодным потом.

— Будьте поосторожнее, тут булыжник! — кричал он.

Фасоль и слуги стали заботливо объезжать все камни на дороге. Но из-за этого тачка угодила в яму.

— Эй вы, ротозеи, ради самого неба, объезжайте ямы! — взмолился барон.

Однако, несмотря на толчки и ушибы, он не прерывал своего излюбленного занятия и по дороге старательно обгладывал жареного индюка, приготовленного синьорой графиней Старшей ему на закуску.

Герцог Мандарин тоже причинял хозяйкам и слугам немало хлопот. Служанка синьоры графини Младшей, бедная Земляничка, с утра до вечера гладила Мандарину рубашки. Когда же она приносила выглаженное белье, герцог делал недовольную гримасу, фыркал, всхлипывал, а потом залезал на шкаф и кричал на весь дом:

— Помогите, умираю!

Синьора графиня Младшая прибегала сломя голову:

— Милый Мандарино, что с тобой?

— Ах, у вас так плохо погладили мои рубашки, что мне остается только умереть! Видно, я никому, никому на свете больше не нужен!

Чтобы уговорить его остаться в живых, синьора графиня Младшая дарила Мандарину одну за другой шелковые рубашки своего покойного мужа.

Герцог осторожно слезал со шкафа и начинал примерять рубашки.

Через некоторое время из его комнаты опять слышались крики:

— О небо, я умираю!

Синьора графиня Младшая снова мчалась к нему, хватаясь за сердце:

— Мой дорогой Мандарино, что случилось?

Герцог кричал с верхушки зеркала:

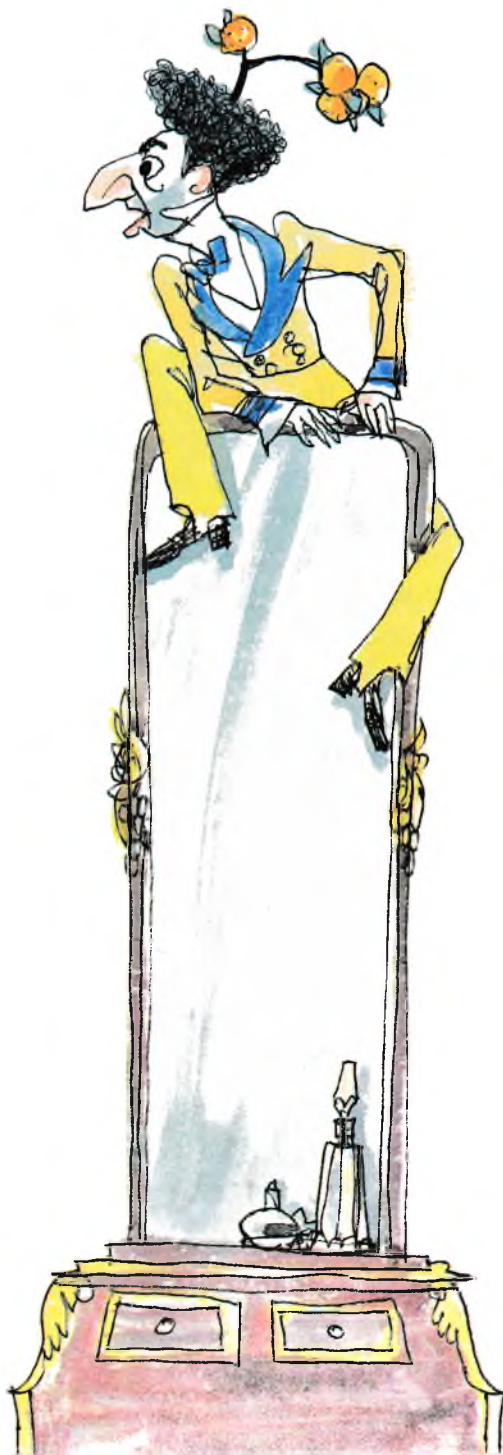
— О, я потерял самую лучшую запонку от воротничка и не хочу больше жить на свете! Это такая тяжелая утрата!

Чтобы утихомирить герцога, графиня Младшая в конце концов подарила ему все запонки своего покойного мужа, а запонки эти были из золота, серебра и драгоценных камней.

Словом, не успело закатиться солнце, как у графини Младшей не осталось больше никаких драгоценностей, а герцог Мандарин набрал полные чемоданы подарков и самодовольно потирал руки.

Непомерная жадность обоих родственников не на шутку беспокоила и огорчала графинь, и они срывали гнев на своем племяннике, бедном Вишенке, у которого не было ни отца, ни матери.

— Дармоед! — кричала на него синьора графиня Старшая. — Сейчас же иди решать задачи!

— Да я уже все решил...

— Решай другие! — сурово приказывала синьора графиня Младшая.

Вишенка послушно отправлялся решать другие задачи. Каждый день он решал столько задач, что исписывал несколько тетрадей, и за неделю у него накапливалась их целая гора.

В день приезда родственников графини то и дело накидывались на Вишенку:

— Что ты тут вертишься, лентяй?

— Я только хотел немножко погулять по парку...

— В парке гуляет барон Апельсин, — там не место таким бездельникам, как ты. Сейчас же убирайся учить уроки!

— Да ведь я их уже выучил...

— Учи завтрашние!

Послушный Вишенка учил завтрашние уроки. Каждый день он учил столько уроков, что давно уже вызубрил на память все свои учебники и прочел все книги из библиотеки замка. Но когда графини видели в руках у Вишенки книгу, они сердились еще больше:

— Сейчас же положи книгу на место, озорник! Ты ее порвешь.

— Но как же мне учить уроки без книг?

— Учи наизусть!

Вишенка уходил в свою комнату и учился, учился, учился — уже без книг, разумеется. От непрерывного ученья у него начинала болеть голова, и тогда графини снова кричали на него:

— Ты вечно болеешь, потому что слишком много думаешь! Перестань думать — меньше будет расходов на лекарства.

Словом, что бы ни делал Вишенка, графини были им недовольны.

Вишенка не знал, как и ступить, чтобы не получить новой взбучки, и чувствовал себя ужасно несчастным.

Во всем замке у него был только один друг — служанка Земляничка.

Она жалела этого бедного маленького мальчика в очках, которого никто не любил. Земляничка была ласкова с Вишенкой и по вечерам, когда он ложился спать, тайком приносила ему кусочек чего-нибудь вкусного.

Но в этот вечер все вкусное съел за обедом барон Апельсин.

Герцогу Мандарину тоже хотелось сладкого. Он бросил на пол салфетку, взобрался на буфет и завопил:

— Держите меня, а не то я брошусь вниз!

Однако на этот раз вопли ему не помогли: барон преспокойно доел сладкое, не обращая никакого внимания на Мандарина.

Синьора графиня Старшая стала перед буфетом на колени и со слезами на глазах умоляла своего дорогого родственника не умирать во цвете лет. Конечно, нужно было бы пообещать ему

какой-нибудь подарок, чтобы он согласился слезть, но у графини уже ничего не осталось.

В конце концов герцог Мандарин понял, что поживиться ему больше нечем, и после долгих уговоров решил спуститься вниз с помощью кавалера Помидора, который от волнения и натуги был весь в поту.

В эту самую минуту синьору Помидору и принесли весть о таинственном исчезновении домика кума Тыквы.

Кавалер не стал долго думать: он немедленно послал жалобу принцу Лимону и попросил его отрядить в деревню десятка два Лимончиков-полицейских.

Лимончики прибыли на следующий день и сразу же навели в деревне порядок: обошли все дома и арестовали тех, кто попался им под руку.

Одним из первых был арестован мастер Виноградинка. Сапожник захватил с собой шило, чтобы почесывать на досуге затылок, и, ворча, последовал за полицейскими. Но Лимончики отобрали у него шило.

— Ты не имеешь права брать с собой в тюрьму оружие! — сказали они мастеру Виноградинке.

— А чем же мне чесать затылок?

— Когда захочешь почесаться, скажи кому-нибудь из начальства. Уж мы тебе почешем голову!

И Лимончик пощекотал сапожнику затылок своей острой саблей.

Арестовали и профессора Грушу.

Тот попросил разрешения захватить с собой скрипку и свечку.

— А зачем тебе свечка?

— Жена говорит, что в подземелье замка очень темно, а мне надо разучить новые ноты.

Словом, были арестованы все жители деревни.

Остались на свободе только синьор Горошек, потому что он был адвокат, и Лук Порей, потому что его попросту не нашли.

А Лук Порей вовсе и не прятался: он преспокойно сидел у себя на балконе. Усы его были натянуты вместо веревок, и на них сушилось белье. Увидев простыни, рубашки и чулки, Лимончики прошли мимо, не заметив хозяина, завешенного бельем.

Кум Тыква шел за Лимончиками, по своему обыкновению глубоко вздыхая.

— Чего это ты так часто вздыхаешь? — сурово спросил его офицер.

— Как же мне не вздыхать! Весь век свой я работал и только вздохи копил. Каждый день по вздоху... Сейчас у меня их набралось несколько тысяч. Нужно же их как-нибудь в дело пустить!

Из женщин арестовали только одну куму Тыквочку, а так как идти в тюрьму она отказалась, полицейские сшибли ее с ног и докатили до самых ворот замка. Ведь она была такая кругленькая!

Но как ни хитры были Лимончики, а все-таки им не удалось арестовать Чиполлино, хоть все это время он сидел на заборе вместе с одной девочкой, которую звали Редиской, и задорно поглядывал на полицейских.

Проходя мимо, Лимончики даже спросили у него и Редиски, не видели ли они где-нибудь поблизости опасного мятежника по имени Чиполлино.

— Видели, видели! — закричали в ответ оба. — Он только что залез под треуголку вашему офицеру.

И, хохоча во все горло, ребята удрали прочь.

В тот же день Чиполлино и Редиска отправились к замку на разведку. Чиполлино решил во что бы то ни стало освободить пленников, и Редиска, разумеется, обещала помогать ему во всем.

Глава седьмая,
*в которой Вишенка не обращает внимания
на объявление синьора Петрушки*

Замок графинь Вишен стоял на вершине холма. Его окружал огромный парк. У ворот парка висело объявление, на одной стороне которого было написано: «Вход воспрещен», а на другой: «Выход воспрещен».

Лицевая сторона объявления была предназначена для деревенских ребят, чтоб отбить у них охоту перелезть через железную ограду. А другая — обратная — сторона была предостережением для Вишенки, чтоб ему не вздумалось как-нибудь выйти из парка и отправиться в деревню к ребятам.

Вишенка гулял по парку один-одинешенек. Он осторожно ходил по ровным дорожкам, все время думая о том, как бы не наступить ненароком на клумбу и не растоптать грядки. Его наставник, синьор Петрушка, развесил по всему парку объявления, в которых было указано, что Вишенке разрешается и что ему запрещается. Так, у бассейна с золотыми рыбками висела надпись:

«Запрещается Вишенке окунать руки в воду!»

Было тут и другое объявление:

«Запрещается разговаривать с рыбами»

ЗАПРЕЩАЕТСЯ РАЗТОВАРИВАТЬ С РЫБАМИ

НЕ
РВАТЬ
ТРАВУ!

НЕ ШУМИ!

ТУДА НЕЛЬЗЯ!

НЕ ХОДИ!

БЕРЕГИ
ЦВЕТЫ!

В самой середине цветущей клумбы красовалась надпись:

«Запрещается трогать цветы!

Нарушитель будет оставлен без сладкого».

Было здесь даже такое предостережение:

«Тот, кто помнет траву, должен будет написать две тысячи раз слова: «Я — неблаговоспитанный мальчик».

Все эти надписи придумал синьор Петрушка, домашний учитель и воспитатель Вишенки.

Мальчик попросил как-то у своих высокородных теток разрешения ходить в деревенскую школу вместе с теми ребятами, которые так весело пробегали мимо замка, размахивая ранцами, словно флагами. Но синьора графиня Старшая пришла в ужас:

— Как может граф Вишня сидеть на одной парте с каким-нибудь простым крестьянином! Это немыслимо!

Синьора графиня Младшая подтвердила:

— Вишни никогда не сидели на жесткой школьной скамье! Этого не было и никогда не будет!

В конце концов Вишенке наняли домашнего учителя, синьора Петрушку, который обладал удивительным свойством выскакивать неизвестно откуда и всегда некстати. Например, если Вишенка, готовя уроки, обратит внимание на муху, которая забралась в чернильницу, чтобы тоже поучиться писать, — сейчас же, откуда ни возмись, появится синьор Петрушка. Он развернет свой огромный платок с красными и синими клетками, громко высморкается и начнет отчитывать бедного Вишенку:

— Несдобровать тем мальчикам, которые отрываются от своих занятий и смотрят на мух! С этого начинаются все несчастья. За одной мухой — другая, за ней — третья, четвертая, пятая... Потом эти мальчишки пялят глаза на пауков, кошек, на всех прочих животных и, конечно, забывают готовить уроки. Но ведь тот, кто не учит уроков, не может стать благонравным мальчиком. Неблагонравному мальчику не бывать благонадежным человеком. А неблагонадежные люди рано или поздно попадают

в тюрьму. Итак, Вишенка, если ты не хочешь окончить свои дни в тюрьме, не смотри больше на мух!

А если Вишенка возьмет после уроков альбом, чтобы порисовать немножко, — глядь, синьор Петрушка опять тут как тут. Он медленно разворачивает клетчатый платок и снова заводит свое:

— Несдобровать тем мальчикам, которые теряют время на бумагомарание! Кем они станут, когда вырастут? В лучшем случае — малярами, теми грязными, плохо одетыми бедняками, которые по целым дням малюют узоры на стенах, а потом попадают в тюрьму, как того и заслуживают! Вишенка, разве ты хочешь угодить в тюрьму? Подумай, Вишенка!

Боясь тюрьмы, Вишенка прямо не знал, за что ему приняться.

К счастью, иной раз синьору Петрушке случалось немного поспать или посидеть в свое удовольствие за бутылочкой виноградной водки. В эти редкие минуты Вишенка был свободен. Однако синьор Петрушка и тут ухитрялся напоминать Вишенке о себе: повсюду были развешаны его поучительные надписи. Это давало ему возможность подремать лишний часок. Отдыхая под тенистым деревом, он был уверен, что его воспитанник не теряет времени даром и, гуляя по парку, усваивает полезные наставления. Но когда Вишенка проходил мимо этих объявлений, он обычно снимал очки. Таким образом, он не видел того, что было написано на дощечках, и мог спокойно думать, о чем хотел.

Итак, Вишенка гулял по парку, предаваясь своим мыслям. Как вдруг он услышал, что кто-то зовет его тоненьким голоском:

— Синьор Вишенка! Синьор Вишенка!

Вишенка обернулся и увидел за оградой мальчика примерно одних с ним лет, бедно одетого, с веселым и смышленным лицом. За мальчиком шла девочка лет десяти. Волосы у нее были заплетены в косичку, которая была похожа на хвостик редиски.

Вишенка вежливо поклонился и сказал:

— Здравствуйте, синьоры! Я не имею чести знать вас, но знакомство с вами будет мне весьма приятно.

— Так почему же вы не подойдете поближе?

— К сожалению, не могу: тут у нас вывешено объявление о том, что мне запрещено разговаривать с детьми из деревни.

— Да мы и есть дети из деревни, а ведь вы с нами уже разговариваете!

— А, в таком случае я сейчас к вам подойду!

Вишенка был очень благовоспитанный и застенчивый мальчик, но в решительные минуты умел действовать смело, без оглядки. Он двинулся напрямик по траве, позабыв, что топтать ее запрещается, и подошел к самой решетке ограды.

— Меня зовут Редиска,— представилась девочка.— А вот это Чиполлино.

— Очень приятно, синьорина. Весьма рад, синьор Чиполлино. Я о вас уже слышал.

— От кого же это?

— От кавалера Помидора.

— Ну, так, наверно, он ничего хорошего обо мне не сказал.

— Конечно, нет. Но именно потому я и подумал, что вы, должно быть, замечательный мальчик. И вижу, что не ошибся.

Чиполлино улыбнулся:

— Ну и чудесно! Так почему же мы так церемонимся и говорим на «вы», словно старые придворные? Давай на «ты»!

Вишенка сразу вспомнил надпись на дверях кухни, которая гласила: «Никому не говорить «ты»!» Это объявление учитель вывесил после того, как застал однажды Вишенку и Земляничку за дружеской беседой. Тем не менее Вишенка решил нарушить теперь и это правило. Он весело ответил:

— Согласен. Будем на «ты».

Редиска была ужасно довольна:

— А что я тебе говорила, Чиполлино? Видишь, Вишенка очень славный мальчик!

— Благодарю вас, синьорина,— сказал Вишенка с поклоном. Но тут же покраснев, добавил просто: — Спасибо, Редисочка!

Все трое весело засмеялись. Сначала Вишенка улыбался лишь уголком рта, не забывая наставлений синьора Петрушки, который не раз говорил, что благовоспитанным мальчикам смеяться вслух не подобает. Но потом, услышав, как громко хохочут Чиполлино и Редиска, он тоже начал смеяться от всего сердца.

Такого звонкого и веселого хохота никогда еще не слыхивали в замке. Обе благородные графини в эту минуту сидели на веранде и пили чай. Синьора графиня Старшая услышала взрывы смеха и промолвила:

— Я слышу какой-то странный шум!

Синьора графиня Младшая кивнула головой:

— Я тоже слышу какие-то звуки. Должно быть, это дождь.

— Осмелюсь заметить вам, сестрица, что никакого дождя нет, — поучительно изрекла синьора графиня Старшая.

— Нет, так будет! — решительно возразила синьора графиня Младшая и посмотрела на небо, чтобы найти там подтверждение своим словам.

Однако небо было таким чистым, словно его подмели и обмыли пять минут назад. На нем не виднелось ни одного облачка.

— Я думаю, что это шумит фонтан, — снова начала синьора графиня Старшая.

— Наш фонтан не может шуметь. Вам же известно, что в нем нет воды.

— Очевидно, садовник его починил.

Помидор тоже услышал странный шум и взволновался.

«В подземелье замка, — подумал он, — сидит много арестованных. Надо быть настороже, а то как бы чего не вышло!»

Он решил обойти парк и вдруг позади замка, там, где проходила дорога на деревню, наткнулся на всех троих ребят, которые весело болтали между собой.

Если бы разверзлось небо и оттуда на землю посыпались ангелы, кавалер Помидор не был бы так поражен.

Вишенка топчет траву! Вишенка по-приятельски беседует с двумя оборванцами!.. Да мало того: в одном из этих двух оборванцев синьор Помидор сразу же узнал мальчишку, который заставил его недавно проливать горькие слезы!

Кавалер Помидор пришел в бешенство. Лицо его так запыла-

ло, что если бы поблизости оказались пожарные, они бы немедленно подняли тревогу.

— Синьор граф! — завопил Помидор не своим голосом.

Вишенка обернулся, побледнел и прижался к решетке.

— Друзья мои, — прошептал он, — бегите, пока Помидор еще далеко. Мне-то он ничего не посмеет сделать, а вам несдобровать! До свидания!

Чиполлино и Редиска помчались со всех ног, но долго еще слышали за собой неистовые крики кавалера.

— На этот раз, — со вздохом сказала Редиска, — наш поход не удался!

Но Чиполлино только улыбнулся:

— А по-моему, сегодня очень удачный день. У нас появился новый друг, а это уже немало!

Оставшись один, этот новый друг, то есть Вишенка, ждал неминуемой головомойки, самого сурового возмездия от синьора Помидора, от синьора Петрушки, от синьоры графини Старшей, от синьоры графини Младшей, от барона Апельсина и герцога Мандарина.

Оба знатных родственника давно уже поняли, что всякий, кто изводит Вишенку, доставляет этим удовольствие его теткам графиням, и не упускали случая кольнуть беззащитного мальчика. Ко всему этому он давно уже привык.

Но на этот раз у Вишенки стоял комок в горле, и он с трудом сдерживал слезы. Его ничуть не пугали все эти крики, укоры, угрозы. Какое дело было ему до пронзительных визгов обеих графинь, до скучных нравоучений синьора Петрушки и беззубых насмешек герцога Мандарина! И все-таки он чувствовал себя очень несчастным. В первый раз в жизни он нашел друзей, впервые вдоволь наговорился и посмеялся от всего сердца — и вот теперь он снова один...

С той минуты, как Чиполлино и Редиска сбежали вниз с холма, они пропали для него навсегда. Увидит ли он их когда-ни-

будь? Чего бы только Вишенка не отдал, чтобы опять быть вместе с ребятами там, на свободе, где нет объявлений и запрещений, где можно бегать по траве и рвать цветы!

В первый раз в жизни Вишенка ощутил в сердце ту странную нестерпимую боль, которая называется страданием. Это было слишком много для него, и Вишенка почувствовал, что не может вынести такой муки.

Он бросился на землю и отчаянно зарыдал.

Кавалер Помидор поднял его, сунул под мышку, словно узелок, и пошел по аллее в замок.

Глава восьмая

Как прогнали из замка доктора Каштана

Вишенка проплакал целый вечер. Герцог Мандарин только и делал, что поддразнивал его.

— Наш юный граф весь изойдет слезами,— говорил он.— От Вишенки разве только косточка останется!

У барона Апельсина, как это бывает у некоторых очень толстых людей, еще сохранилось немного добродушия. Чтобы утешить Вишенку, он предложил ему кусочек своего торта. Правда, очень маленький кусочек, всего одну крошку. Но, принимая во внимание прожорливость барона, следует оценить его щедрость. Зато обе графини не только не пытались утешить Вишенку, а даже издевались над его слезами.

— Наш племянник может заменить собой испорченный фонтан в парке! — говорила синьора графиня Старшая.

— Фонтан слез! — смеялась синьора графиня Младшая.

— Завтра,— пригрозил Вишенке синьор Петрушка,— я заставлю тебя написать три тысячи раз: «Я не должен плакать за столом, ибо я мешаю пищеварению взрослых».

Когда наконец стало ясно, что Вишенка не собирается перестать плакать, его отправили в постель.

Земляничка пыталась, как умела, успокоить бедного мальчика, но ничего не помогало. Девушка так огорчилась, что и сама стала плакать вместе с ним.

— Сейчас же перестань реветь, негодная девчонка, — пригрозила синьора графиня Старшая, — не то я тебя выгоню!

От горя Вишенка даже заболел. У него начался такой озноб, что под ним тряслась кровать, а от его кашля дрожали в окнах стекла.

В бреду он все время звал:

— Чиполлино! Чиполлино! Редиска! Редиска!

Синьор Помидор заявил, что ребенок, видимо, заболел оттого, что его до смерти напугал опасный преступник, который бродит в окрестностях замка.

— Завтра же я прикажу его арестовать, — сказал он, чтобы успокоить больного.

— О нет, нет, пожалуйста, не надо! — всхлипывал Вишенка. — Арестуйте лучше меня, бросьте меня в самое темное и глубокое подземелье, но не трогайте Чиполлино. Чиполлино такой хороший мальчик, Чиполлино — мой единственный, мой настоящий друг!

Синьор Петрушка испуганно высморкался:

— Ребенок бредит. Очень тяжелый случай!..

Послали за самыми знаменитыми врачами.

Сначала пришел доктор синьор Мухомор и прописал микстуру из сушеных мух. Но микстура ничуть не помогла. Тогда явился доктор Черемуха и заявил, что сушеные мухи очень опасны при заболеваниях такого рода и что гораздо полезнее было бы обернуть больного в простыню, пропитанную соком японской черемухи.

Дюжину простынь перепачкали соком черемухи, но Вишенке лучше не стало.

— По-моему, — предложил доктор Артишок, — нужно обложить его сырыми артишоками!

— С колючками? — испуганно спросила Земляничка.

— Обязательно, иначе лекарство не принесет пользы.

Стали лечить Вишенку сырыми артишоками прямо с грядки: бедный мальчик кричал и подскакивал от уколов, словно с него сдирали кожу.

— Видите, видите? — говорил, потирая руки, доктор Артишок. — У юного графа сильная реакция. Продолжайте лечение!

— Все это вздор и чепуха! — воскликнул известный профессор, синьор Салато-Шпинато. — Какой это осел прописал артишоки? Попробуйте лечить его свежим салатом.

Земляничка потихоньку послала за доктором Каштаном, который жил в лесу под большим каштаном. Его называли доктором бедняков, потому что он прописывал больным очень мало лекарств и платил за лекарства из собственного кармана.

Когда доктор Каштан подошел к воротам замка, слуги не хотели его впустить, потому что он прибыл не в карете, а пешком.

— Доктор без кареты — наверняка шарлатан и проходимец, — сказали слуги и собирались уже захлопнуть дверь перед носом у доктора, когда появился синьор Петрушка.

Петрушка, как вы помните, всегда выскакивал неизвестно откуда. Но на этот раз он подвернулся кстати и приказал впустить врача. Доктор Каштан внимательно осмотрел больного, велел показать язык, пощупал пульс, тихо задал Вишенке несколько вопросов, а потом вымыл руки и сказал очень печально и серьезно:

Ничего не болит у больного:
Пульс в порядке, и сердце здорово,
Не больна у него селезенка...
Одиночество губит ребенка!

— На что вы намекаете? — грубо оборвал его Помидор.

— Я не намекаю, а говорю правду. Этот мальчик ничем не болен — у него просто меланхолия.

— Что это за болезнь? — спросила синьора графиня Старшая.

Она очень любила лечиться, и стоило ей услышать название какой-нибудь новой, неизвестной болезни, как она сейчас же находила ее у себя. Ведь графиня была так богата, что расходы на докторов и лекарства ее ничуть не пугали.

— Это не болезнь, синьора графиня, — это тоска, печаль. Ребенку нужна компания, нужны товарищи. Почему вы не пошлете его играть с другими детьми? ✓

Ох, лучше бы уж он не говорил этого! На бедного доктора со всех сторон посыпался град упреков и оскорблений.

— Немедленно убирайтесь вон, — приказал синьор Помидор, — не то я велю слугам вытолкать вас в шею!

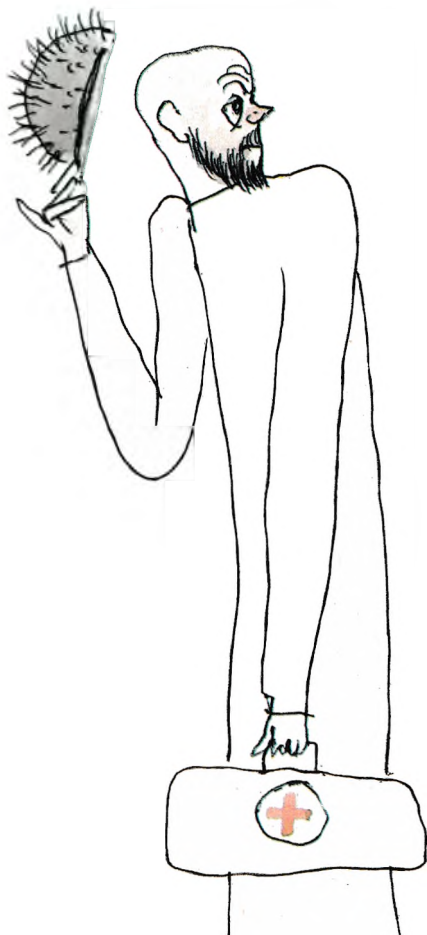
— Стыдитесь! — добавила синьора графиня Младшая. — Стыдитесь, что так гнусно злоупотребили нашим гостеприим-

ством и доверчивостью! Вы обманом проникли в наш дом. Если б я только захотела, я могла бы подать на вас в суд за самовольное и насильственное вторжение в частные владения. Не правда ли, синьор адвокат?

И она повернулась к синьору Горошку, который всегда оказывался поблизости, когда требовалась его помощь.

— Разумеется, синьора графиня! Это тягчайшее уголовное преступление!

И адвокат сейчас же пометил в своей записной книжке: «За консультацию графиням Вишням по делу о насильственном вторжении доктора Каштана в частные владения — десять тысяч лир».

Глава девятая

*Мышиный главнокомандующий вынужден
дать сигнал к отступлению*

Вы, конечно, хотите знать, что поделывают арестованные, то есть кум Тыква, профессор Груша, мастер Виноградинка, кума Тыковочка и другие жители деревни, которых кавалер Помидор приказал арестовать и бросить в подземелье замка.

К счастью, профессор Груша захватил с собой огарок свечи, зная, что в подземельях бывает очень темно и полным-полно мышей. Чтобы отогнать мышей, профессор начал играть на скрипке: мыши не любят серьезной музыки. Услышав пронзительные звуки скрипки, они пустились наутек, проклиная противный инструмент, голос которого так напоминал им кошачье мяуканье.

Однако в конце концов музыка вывела из себя не только мышей, но и мастера Виноградинку. Профессор Груша был особой меланхолического темперамента и всегда играл только грустные мелодии, от которых хотелось плакать.

Поэтому все арестованные попросили скрипа́ча прекратить игру.

Но едва только наступила тишина, мыши, как вы сами понимаете, сейчас же пошли в атаку. Двигались они тремя колонна-

ми. Главнокомандующий — генерал Мышь-Долгохвост руководил наступлением:

— Первая колонна заходит слева и прежде всего должна захватить свечку. Но горе тому, кто посмеет ее съесть! Я — ваш генерал, и мне надлежит первому вонзить в нее зубы. Вторая колонна зайдет справа и бросится на скрипку. Эта скрипка сделана из половинки сочной груши и, должно быть, превосходна на вкус. Третья колонна ударит в лоб и должна истребить врага.

Командиры колонн объяснили задачу рядовым мышам. Генерал Мышь-Долгохвост выехал в танке. Собственно говоря, это был не танк, а глиняный черепок, привязанный к хвостам десяти здоровенных мышей.

Трубачи протрубили атаку, и в несколько минут битва была окончена.

Однако сожрать скрипку мышам не удалось, так как профессор поднял ее высоко над головой. Но свеча исчезла, как будто ее ветром сдуло, и наши друзья остались в темноте.

Исчезла и еще одна вещь, но вы узнаете потом, какая именно.

Кум Тыква был безутешен:

— Ох, и все это из-за меня!

— Почему из-за тебя? — буркнул мастер Виноградинка.

— Кабы я не вбил себе в голову, что мне нужно иметь свой домик, с нами не стряслась бы эта беда!

— Да успокойтесь, пожалуйста! — воскликнула кума Тыковочка. — Ведь не вы же посадили нас в тюрьму!

— Я уже старик, зачем мне дом?.. — продолжал сокрушаться кум Тыква. — Я мог бы ночевать под скамейкой в парке — там я бы никому не помешал. Друзья, пожалуйста, позовите тюремщиков и скажите им, что я подарю домик кавалеру Помидору и укажу место, где мы его спрятали.

— Ты не скажешь им ни одного словечка! — рассердился мастер Виноградинка.

Профессор Груша печально пощипал струны своей скрипки и прошептал:

— Если ты отроешь тюремщикам, где спрятан твой домик, ты впутаешь в это дело и кума Чернику и...

— Ш-ш-ш! — зашипела кума Тыквочка. — Не называйте имен: здесь и у стен есть уши!

Все притихли и стали испуганно озираться по сторонам, но без свечки было так темно, что они никак не могли увидеть, есть ли у стен уши.

А уши у стен и в самом деле были. Вернее, одно ухо: круглая дырка, от которой шла труба — нечто вроде секретного телефона, передававшего все, что говорилось в подземелье, прямо-хонько в комнату кавалера Помидора. К счастью, в эту минуту синьор Помидор не подслушивал, потому что суетился у постели больного Вишенки.

В наступившей тишине снова слышались протяжные звуки трубы: мыши готовились повторить атаку. Они были полны решимости захватить скрипку профессора Груши.

Чтобы напугать их, профессор приготовился дать концерт: он приложил скрипку к подбородку, вдохновенно взмахнул смычком, и все затаили дыхание.

Ожидание длилось довольно долго; в конце концов арестованные перевели дух, а злополучный инструмент так и не издал ни единого звука.

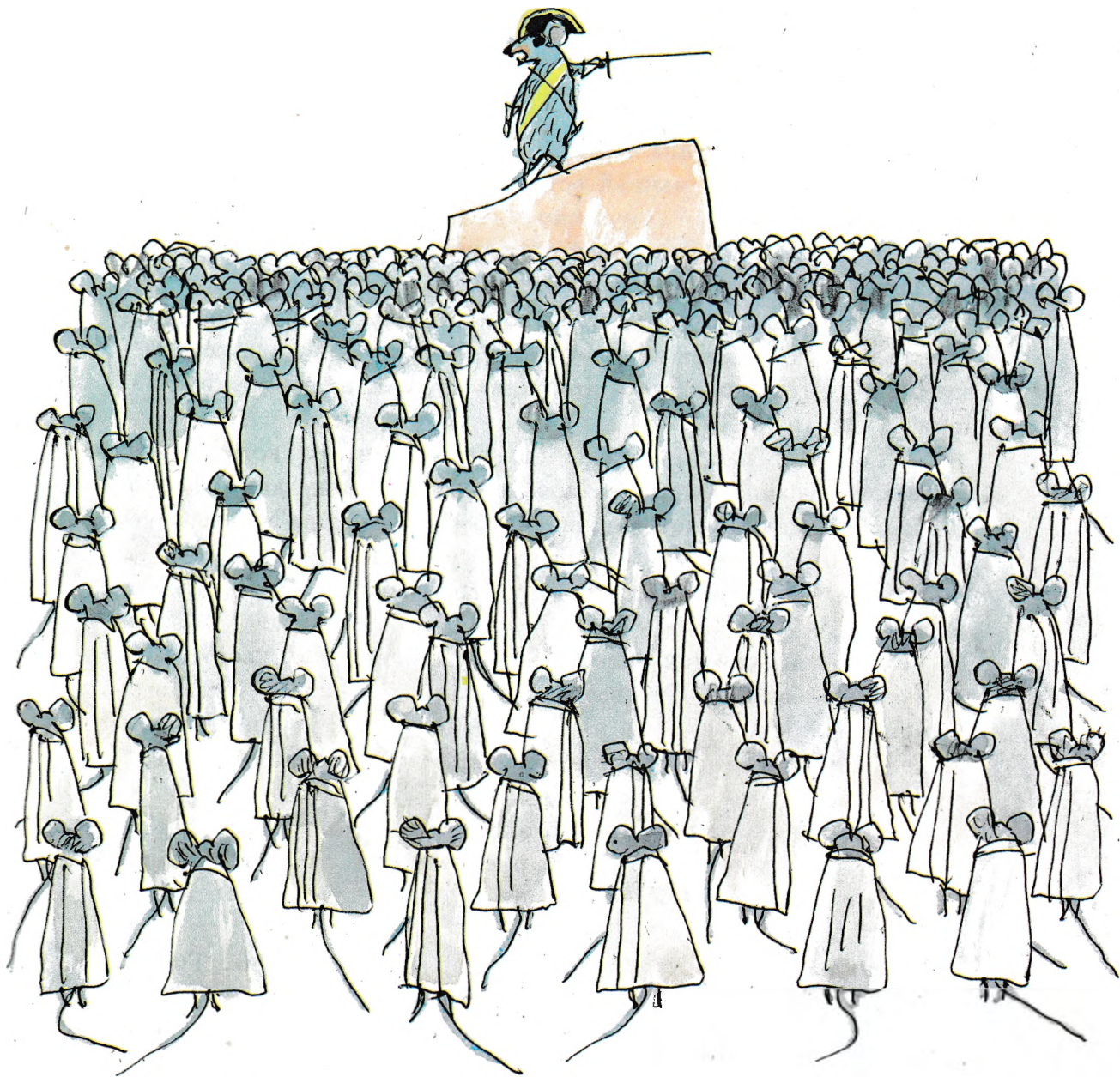
— Что, не получается? — осведомился мастер Виноградинка.

— Ах, мыши отъели у меня половину смычка! — воскликнул Груша со слезами в голосе.

Действительно, смычок был весь обглодан, так что от него осталось всего несколько сантиметров. Без смычка играть, конечно, нельзя было, а мыши уже перешли в наступление, испуская грозные, воинственные клики.

— Ох, и все это из-за меня! — вздыхал кум Тыква.

— Перестань вздыхать и помоги нам, — сказал мастер

Виноградинка.— Если уж ты так хорошо умеешь вздыхать и стонать, то, наверное, умеешь и мяукать.

— Мяукать? — обиделся кум Тыква.— Удивляюсь я тебе: кажется, серьезный ты человек, а в такую минуту шутки шутишь!

Мастер Виноградинка не стал ему и отвечать, а так мастерски замяукал, что армия мышей остановилась.

— Мя-а-у! Мяу! — тянул сапожник.

— Мяу! Мяу! — жалобно вторил ему профессор, не переставая оплакивать бесславную гибель своего смычка.

— Клянусь памятью моего покойного деда, Мыша Третьего, короля всех погребов и кладовых, что они привели сюда кота! — воскликнул генерал Мышь-Долгохвост, разом затормозив свой танк.

— Генерал, нас предали! — завопил один из командиров колонн, подбежав к нему.— Моя колонна столкнулась с целой дивизией чердачных котов и кошек, вооруженных до зубов!

На самом-то деле его войска не встретили ни одного кота — они только очень испугались. А у страха, как известно, глаза велики.

Генерал Мышь-Долгохвост потерял лапкой свой хвост. Когда он бывал озабочен, то всегда тер лапкой хвост, и от частого трения эта часть его тела так пострадала, что мыши-солдаты втихомолку называли своего командира генералом Бесхвостым.

— Памятью моего покойного предка, Мыша-Долгохвоста Первого, императора всех амбаров, клянусь, что предатели поплатятся за свое коварство! А сейчас дайте сигнал к отступлению.

Командиры не заставили его повторять приказание. Трубы заиграли отбой, и вся армия немедленно удалилась во главе с генералом Бесхвостым, который немилосердно нахлестывал мышей, тащивших его танк.

Таким образом наши друзья мужественно отразили нападение противника.

Поздравляя друг друга с одержанной победой, они вдруг услышали, что кто-то зовет тоненьким голоском:

— Кум Тыква! Кум Тыква!

— Это вы зовете меня, профессор?

— Нет,— сказал Груша,— не я.

— А мне слышалось, что меня кто-то кличет.

— Кума Тыквочка, а кума Тыквочка! — снова раздался тот же голосок.

Тыквочка обернулась к мастеру Виноградинке:

— Мастер Виноградинка, это вы так пицците?

— Да что с тобой? Я вовсе не думаю пиццать! Я только почесываю затылок, потому что у меня в голове так и зудит одна мысль.

— Кума Тыквочка, да отзовитесь же! — снова слышался голос.— Это я, Земляничка!

- Да где же ты?
- Я в комнате кавалера Помидора и говорю с вами по его секретному телефону. Вы слышите меня?
- Да, слышим.
- И я вас прекрасно слышу. Помидор скоро придет сюда. Меня просили вам кое-что передать.
- Кто просил?
- Ваш друг Чиполлино. Он говорит, чтобы вы не тревожились. Положитесь на него. Он уже постарается освободить вас из тюрьмы. Только не говорите синьору Помидору, где находится домик Тыквы. Не сдавайтесь! Чиполлино все устроит.
- Мы ничего никому не скажем и будем ждать! — ответил за всех мастер Виноградинка. — Но передай Чиполлино, чтобы он поторопился, потому что нас тут осаждают мыши и мы не

знаем, сколько времени продержимся. Не можешь ли ты как-нибудь доставить нам свечу и спички. У нас был огарок, но его съели мыши.

— Подождите немного, я сейчас вернусь.

— Конечно, подождем. Куда нам деваться!

Через некоторое время снова послышался голосок Землянички:

— Ловите, я бросаю свечку!

Послышался шорох, и что-то стукнуло кума Тыкву по носу.

— Тут, тут она! — радостно закричал старик.

В пакетике была целая сальная свечка и коробка спичек.

— Спасибо, Земляничка! — закричали все хором.

— До свидания, мне надо удирать: Помидор идет!

Действительно, в этот самый миг синьор Помидор вошел в свою комнату. Увидев Земляничку, которая возилась около его секретного телефона, кавалер страшно обеспокоился:

— Ты что тут делаешь?

— Чищу вот эту ловушку.

— Какую ловушку?

— Вот эту... Разве это не мышеловка?

Помидор вздохнул с облегчением. «Слава богу,— подумал он,— служанка так глупа, что приняла мой секретный телефон за мышеловку!»

Он повеселел и даже подарил Земляничке бумажку от конфеты.

— Вот держи,— сказал он великодушно,— можешь облизать эту бумажку. Она сладкая, год назад в нее была завернута карамелька с ромом.

Земляничка поклонилась и поблагодарила кавалера:

— За семь лет службы вы дарите мне уже третью бумажку от конфет, ваша милость.

— Вот видишь! — пропыхтел Помидор.— Значит, я добрый хозяин. Веди себя хорошо, и ты будешь довольна.

— Кто волен, тот и доволен, — ответила Земляничка пословицей и, еще раз поклонившись, убежала по своим делам.

Кавалер Помидор потерял руки, думая про себя: «Вот теперь я посижу у моего секретного телефона и послушаю, о чем болтают арестованные. Узнаю, наверно, много интересных вещей. Может быть, мне даже удастся открыть, где они прячут этот проклятый домик».

Однако заключенные, которых вовремя предупредила Земляничка, услышали, что синьор Помидор подходит к слуховому отверстию, и, решив доставить ему несколько приятных минут, принялись ругать его на все корки.

Помидора так и подмывало крикнуть: «Вот я вас!» — но в то же время ему не хотелось себя обнаружить.

Поэтому, чтобы не слышать больше обидных слов, он счел за лучшее улечься на покой. Перед сном он плотно заткнул тряпкой свой самодельный телефон, у которого вместо трубки была самая обыкновенная воронка, какую употребляют для разлива вина в бутылки.

А в подземелье мастер Виноградинка зажег новую свечу.

Все посмотрели наверх и, обнаружив в углу потолка дырку от секретного телефона, всласть посмеялись над синьором Помидором, который, должно быть, лопался от злости, подслушав разговоры заключенных.

Однако веселье длилось в тюрьме недолго. Мышь-разведчик, увидев в камере свет, разнюхала, как обстоят дела, и, не тратя времени даром, помчалась с докладом к генералу Бесхвостому.

— Ваше превосходительство, — отрапортовала она весело, — коты ушли, а у людей новая свечка!

— Что? Свечка?

У Бесхвостого потекли слюнки, и он облизал усы, еще сохранявшие запах и вкус первого огарка.

— Трубите сбор! — приказал он в ту же минуту.

Когда войско было построено, генерал Долгохвост — то есть генерал Бесхвостый — произнес пламенную речь:

— Храбрецы! Наше подземелье в опасности. Атакуйте врага и добудьте с бою сальную свечку. Съем ее, конечно, я сам, но перед этим позволю каждому из вас по очереди облизать ее. Вперед, грызуны!

Мыши запищали от восторга, подняли хвосты и снова ринулись в бой.

Но на этот раз мастер Виноградинка предусмотрительно поставил свечку в маленькое углубление в стене, между двумя кирпичами, высоко от пола. Напрасно мыши пытались вскарабкаться по гладкой, скользкой стенке — им так и не удалось добраться до свечи. Самые ловкие поглодали немножко скрипку профессора Груши. Но и этим смельчакам пришлось убраться восвояси, потому что генерал Бесхвостый, разъяренный неудачей, решил прибегнуть к строгости.

Без долгих разговоров он выстроил свое войско в шеренгу и приказал казнить каждого десятого за трусость и мародерство.

В эту же ночь произошло неожиданное событие.

Чиполлино, Земляничка и Редиска встретились в саду у изгороди, чтобы обсудить положение, и обсуждали его с таким жаром, что ничего не замечали вокруг.

Не заметили они и пса Мастино, который совершал в это время свой сторожевой обход.

Пес обнаружил ребят и накинулся на них как бешеный.

С девочками-то он связываться не стал, но зато сшиб с ног Чиполлино и, навалившись ему на грудь, лаял до тех пор, пока не явился синьор Помидор и не арестовал мальчика.

Можете себе представить, как был доволен кавалер!

— Чтобы доказать тебе мое особое расположение, — говорил

он, издеваясь над Чиполлино, — я засажу тебя в особую, темную камеру. Простая тюрьма недостойна такого негодяя, как ты.

— Сделайте одолжение! — отвечал Чиполлино, не смущаясь.

Да и мог ли он ответить иначе? Или, может быть, вы полагаете, что ему следовало заплакать и попросить пощады?

Нет, Чиполлино был из той честной луковой семьи, которая кого угодно может заставить плакать, а сама не заплачет ни при каких обстоятельствах!

Глава десятая
*Путешествие Чиполлино и Крота
из одной тюрьмы в другую*

Ночью Чиполлино проснулся. Ему почудилось, будто кто-то постучал в дверь. «Кто бы это мог быть? — подумал он. — Может быть, этот стук мне только приснился?»

Пока Чиполлино раздумывал, что же именно могло его разбудить, шум слышался снова. Это был какой-то глухой равномерный гул, словно кто-то неподалеку работал киркой.

«Кто-то роет подземный ход», — решил Чиполлино, приложив ухо к той стене, откуда доносился шум.

Едва успел он прийти к такому выводу, как вдруг со стенки посыпалась земля, потом отвалился кирпич и вслед за кирпичом кто-то впрыгнул в подземелье.

— Куда это, черт возьми, я попал? — раздался глухой голос.

— В мою камеру, — отвечал Чиполлино, — то есть в самое темное подземелье замка графинь Вишен. Извините, что в этой проклятой тьме я не могу рассмотреть вас и поздороваться с вами как следует.

— А вы кто такой? Извините, но я привык к темноте, а здесь для меня слишком светло. Я при свете ничего не вижу.

— Вот как? Значит, вы — Крот?

— Совершенно верно,— ответил Крот.— Я уж давно хотел прорыть ход в этом направлении, но никак не мог улучшить для этого свободную минутку. Ведь мои галереи тянутся на десятки километров под землей. Их надо осматривать, ремонтировать, чистить. То и дело просачивается вода — из-за этого у меня постоянный насморк. А тут еще эти несносные червяки, которые лезут куда попало и не умеют уважать чужой труд! Вот я и откладывал это дело с недели на неделю. Но сегодня утром я сказал себе: «Синьор Крот, если вы и в самом деле любознательны и хотите увидеть мир, то настало время прорыть новый коридор». Ну, я и пустился в путь...

Но тут Чиполлино прервал рассказ синьора Крота и счел необходимым представиться ему:

— Меня зовут Чиполлино, что значит «луковка». Я пленник кавалера Помидора.

— Не утруждайте себя объяснениями,— сказал Крот.— Я вас сразу же узнал по запаху. Мне вас искренне жаль. Вы принуждены днем и ночью оставаться в таком чертовски светлом месте, а ведь это, должно быть, настоящая пытка!

— Я-то нахожу это место довольно-таки темным...

— Вы шутите! Но мне вас чрезвычайно жаль. Да, люди злы. Я так считаю, уж если вы хотите заключить кого-нибудь в темницу, так пусть это будет и в самом деле темное место, где глаза могут по-настоящему отдохнуть.

Чиполлино понял, что нет никакого смысла заводить спор по поводу света и тьмы с Кротом, который, привыкнув к мраку своих галерей, естественно имел по этому вопросу совершенно особое мнение.

— Да, я должен признаться, что свет и мне очень досажает,— притворно вздохнул Чиполлино.

— Вот видите! А что я вам говорил!

Крота очень растрогали слова Чиполлино.

— Если бы вы были поменьше... — начал он.

— Я? Да разве я большой? Уверяю вас, что я вполне пролезу в любую кротовую дырку, то есть норку.

— Может быть, может быть, юноша. Только сделайте милость, не называйте мои галереи норками или дырками. Так вот, может быть, мне удастся вывести вас отсюда.

— Я легко могу пролезть в ту галерею, которую вы только что выкопали, — сказал Чиполлино. — Только, пожалуйста, идите первым, потому что я боюсь заблудиться. Я слышал, что ваши галереи очень запутанные.

— Возможно, — ответил Крот. — Мне надоедает ходить всегда одной и той же дорогой. Хотите, выроем новый ход?

— А в какую сторону? — спросил Чиполлино.

— Да в какую хотите, — ответил Крот. — Только бы добраться до темного места и не угодить в такую же ослепительно светлую пещеру, как эта, будь она проклята!

Чиполлино сразу же подумал о темнице, в которой томились Тыква, Виноградинка и прочие. Вот удивятся они, если он проберется к ним подземным ходом!

— Я думаю, нужно рыть вправо, — предложил он Кроту.

— Вправо или влево — мне все равно. Если вы так предпочитаете, пойдем направо.

И недолго думая Крот уткнулся головой в стенку и принялся так быстро рыть нору, что осыпал Чиполлино сырой землей с головы до ног.

Мальчик поперхнулся и закашлялся на добрые четверть часа. Перестав наконец кашлять и чихать, он услышал голос Крота, который нетерпеливо звал его:

— Что же, молодой человек, идете вы за мной или нет?

Чиполлино протиснулся в прорытую Кротом галерею, которая оказалась достаточно широкой, чтобы он мог без особых усилий двигаться вперед. Крот уже прорыл несколько метров, работая с молниеносной быстротой.

— Я здесь, я здесь, синьор Крот! — бормотал Чиполлино,

отплевываясь и заслоняясь руками от комьев земли, которые все время летели ему в рот из-под лап Крота.

Однако прежде чем пойти за Кротом, Чиполлино успел заделать дырку в стене своей тюрьмы.

«Когда Помидор обнаружит мой побег, — подумал он, — пускай он не знает, в какую сторону я удрал».

— Как вы себя чувствуете? — спросил Крот, продолжая работать.

— Спасибо, великолепно, — отвечал Чиполлино. — Здесь такая непроглядная, беспросветная тьма!

— Я же вам говорил, что вы сразу почувствуете себя лучше! Хотите, остановимся на минуточку? Впрочем, я бы предпочел продолжать путь, потому что немного тороплюсь. Но, может быть, с непривычки вам трудно так быстро передвигаться по моим галереям?

— Нет, нет, пойдем дальше! — ответил Чиполлино, рассчитывая, что при такой скорости они раньше доберутся до подземелья, где находятся его друзья.

— Прекрасно! — И Крот стал быстро пробираться вперед. Чиполлино с трудом поспевал за ним.

А через четверть часа после побега Чиполлино дверь его камеры открылась. В темницу, насвистывая веселую песенку, вошел синьор Помидор.

С каким злорадством предвкушал эту минуту храбрый кавалер! Когда он спускался в подземелье, ему казалось, что он стал легче по крайней мере килограммов на двадцать.

«Чиполлино в моих руках, — самодовольно думал он. — Я заставляю его во всем признаться, а потом повешу. Да, да, повешу! После этого я выпущу мастера Виноградинку и остальных дурней — их-то мне бояться нечего. А вот и дверь камеры, где сидит мой арестант... Ах, как мне приятно думать об этом маленьком негодяе, который, должно быть, уже все слезы выплакал за это время! Он, конечно, бросится к моим ногам и будет умолять о

прощении. Я готов поклясться, что он будет лизать мне башмаки. Что ж, я позволю ему поваляться у меня в ногах и даже подам ему некоторую надежду на спасение, а потом объявлю приговор: смерть через повешение!»

Однако когда кавалер Помидор отпер большим ключом дверь и зажег карманный фонарик, то не нашел и следа преступника. Камера была пуста, совершенно пуста!

Помидор не верил своим глазам. Тюремщики, стоявшие рядом с ним, увидели, что он покраснел, пожелтел, позеленел, посинел и, наконец, почернел от злости.

— Куда же этот мальчишка мог скрыться? Чиполлино, где ты, негодяй этакий, прятешься?

Вопрос был довольно праздный. В самом деле: куда бы мог спрятаться Чиполлино в тесной камере, где были только голые, гладкие стены, скамейка и кувшин с водой?

Кавалер Помидор заглянул под скамейку, посмотрел в кувшин с водой, на потолок, исследовал пол и стены сантиметр за сантиметром, но все было напрасно: пленник исчез, словно испарился.

— Кто выпустил его? — грозно спросил Помидор, повернувшись к Лимончикам.

— Не знаем, синьор кавалер! Ведь ключ-то у вас, — осмелился заметить начальник стражи.

Помидор почесал затылок: действительно, ключ был у него. Чтобы разгадать тайну, он решил сесть на скамейку.

Сидя легче думать, чем стоя. Но и в сидячем положении он ничего не мог придумать.

Вдруг внезапный порыв ветра захлопнул дверь.

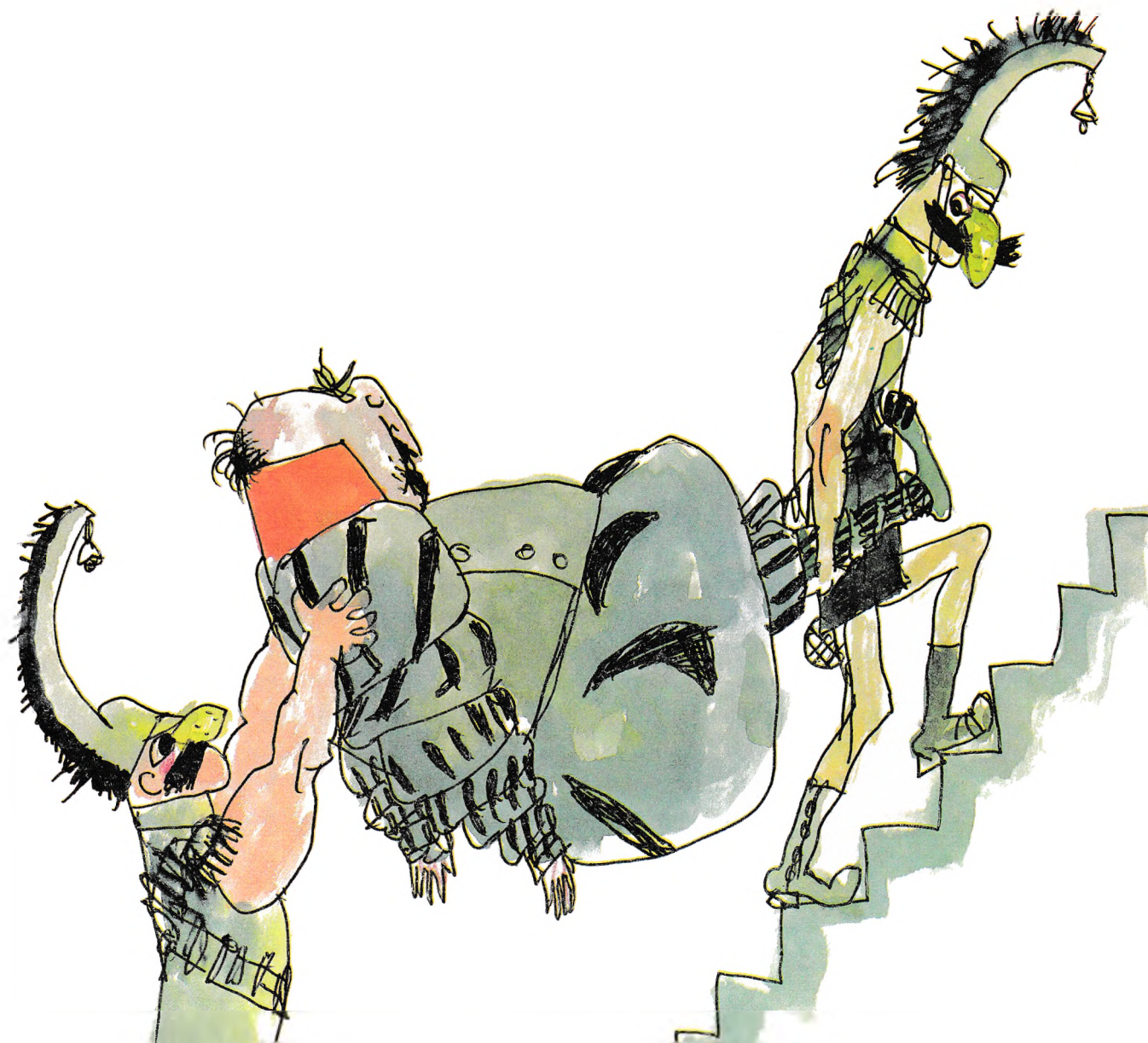
— Откройте, бездельники! — завизжал Помидор.

— Ваша милость, это невозможно. Вы слышали, как щелкнул замок?

Кавалер Помидор попробовал открыть дверь ключом. Но замок был так устроен, что отпирался только снаружи.

В конце концов синьор Помидор убедился, что посадил самого себя в тюрьму, и едва не лопнул от бешенства.

Он опять почернел, посинел, позеленел, покраснел, пожелтел и стал грозить, что расстреляет немедленно всех тюремщиков, если они в два счета не освободят его.

Короче говоря, для того чтобы открыть дверь, надо было взорвать ее динамитом. Так и сделали.

От сотрясения синьор Помидор полетел вверх тормашками, и его засыпало землей с головы до ног. Лимончики кинулись откапывать кавалера и после долгих усилий вытащили его, облепленного грязью, словно картофелину из борозды. Потом его понесли наверх, потряхнули и стали осматривать, целы ли у него голова, нос, ноги, руки.

Голова у Помидора была цела, зато нос и в самом деле изрядно пострадал. Ссадину залепили пластырем, и кавалер тотчас же улегся в постель.

Ему было стыдно показаться на глаза людям с этой нашлепкой на носу.

Чиполлино и Крот были уже очень далеко, когда услышали отголосок взрыва.

— Что бы это могло быть?..— спросил мальчик.

— О, не беспокойтесь,— объяснил ему Крот,— это, наверно, военные маневры! Принц Лимон считает себя великим полководцем и не успокоится до тех пор, пока не затеет какую-нибудь войну, хотя бы и не всамделишную.

Усердно роя подземный коридор, Крот не переставал расхваливать темноту и бранить свет, который он ненавидел от всей души.

— Однажды,— сказал он,— мне довелось взглянуть одним глазом на свечку... Клянусь, я убежал со всех ног, когда узнал, что это за штука!

— Еще бы! — вздохнул Чиполлино.— Иные свечки горят очень ярко.

— Да нет,— ответил Крот,— эта свечка не горела! К счастью, она была потушена. Но что бы со мной было, если бы ее зажгли!

Чиполлино удивился, как это может повредить зрению потушенная свеча, но в этот миг Крот внезапно остановился.

— Я слышу голоса! — сказал он.

Чиполлино насторожился: до него донесся отдаленный говор, хоть он и не мог еще различить отдельные голоса.

— Слышите? — сказал Крот. — Где человеческие голоса, там, конечно, и люди. А где люди, там и свет. Лучше пойдем в другую сторону!

Чиполлино снова прислушался и на этот раз отчетливо услышал знакомый голос мастера Виноградинки. Он только не мог разобрать, что именно сапожник говорит.

Мальчику захотелось закричать во все горло, чтоб его услышали, узнали, но он тут же подумал: «Нет, пускай Крот пока еще не знает, что это мои друзья. Сначала надо убедить его прорыть ход в подземелье — иначе он может заупрямиться и все мои планы рухнут».

— Синьор Крот, — осторожно начал Чиполлино, — я слышал об одной очень-очень темной пещере, которая, по моим расчетам, должна находиться именно здесь, в этих местах.

— Темней, чем моя галерея? — спросил Крот с явным сомнением.

— Гораздо темнее! — решительно сказал Чиполлино. — Вероятно, люди, голоса которых мы с вами слышим, пришли в эту пещеру для того, чтобы дать отдых своим усталым глазам.

— Хм... — пробурчал Крот. — Тут что-то не так... Но уж если вам очень хочется побывать в этой пещере, пусть будет по-вашему. На ваш страх и риск, разумеется!

— Пожалуйста, синьор Крот! Я буду вам чрезвычайно признателен! — попросил Чиполлино. — А вы познакомитесь с новой пещерой. Век живи — век учись, не так ли?

— Ну ладно, — согласился Крот. — Но если у меня заболят глаза от слишком яркого света, вам же будет хуже!

Через несколько минут голоса прозвучали уже совсем близко.

Чиполлино ясно расслышал, как тяжело вздыхает кум Тыква:

— Ох, это я во всем виноват!.. Я... Ах, если бы пришел Чиполлино и выручил нас из беды!

— Если я не ошибаюсь,— сказал Крот,— там называли ваше имя!

— Мое имя? — переспросил Чиполлино, будто бы ничего не понимая. — Не может быть! Я не слышу, о чем там говорят.

Но тут раздался голос мастера Виноградинки:

— Чиполлино дал слово, что придет освободить нас,— значит, он непременно придет. Я ничуть в этом не сомневаюсь.

Крот стоял на своем:

— Слышите? Про вас говорят, про вас! Нет, нет, не уверяйте меня, что вы не расслышали! Скажите лучше, с какими намерениями вы заставили меня прийти сюда?

— Синьор Крот,— признался Чиполлино,— может быть, и в самом деле было бы лучше, если бы я с самого начала сказал вам всю правду! Но позвольте мне хоть сейчас рассказать вам, в чем дело. Голоса, которые вы слышите, доносятся из темницы замка графинь Вишен. Там томятся в неволе мои друзья, которых я обещал освободить.

— И вы решили сделать это с моей помощью?

— Вот именно. Синьор Крот, вы были настолько добры, что уже прорыли такой длинный-предлинный коридор! Не согласитесь ли вы поработать еще немножко, чтоб освободить моих друзей?

Крот подумал немного и сказал:

— Хорошо, я согласен. Мне, в сущности, все равно, в каком направлении рыть землю. Так и быть, я вырою галерею и для ваших друзей.

Чиполлино с удовольствием расцеловал бы старого Крота, но все лицо у мальчика было так залеплено землей, что он и сам не знал, где у него, собственно говоря, рот.

— От всего сердца благодарю вас, синьор Крот! До самой смерти буду вам признателен!

— Ладно уж... — пробормотал растроганный Крот. — Не будем терять времени на болтовню и поскорее доберемся до ваших друзей.

Он снова принялся за работу и через несколько секунд пробуровил стену подземелья. Однако, к несчастью, в тот самый миг, когда Крот пролез в камеру, мастер Виноградинка зажег спичку, чтобы посмотреть, который час.

Вспышка света произвела такое впечатление на бедного Крота, что он тут же попятился к выходу и пропал во мраке.

— До свидания, синьор Чиполлино! — прокричал он на прощание. — Вы хороший паренек, и я искренне хотел помочь вам. Но вы обязаны были предупредить меня, что нас встретят таким ослепительным светом. Вы не должны были обманывать меня на этот счет!

Он удрал так быстро и стремительно, что своды только что прорытой галереи обрушились за ним, стены ее осели и весь коридор засыпало землей.

Вскоре Чиполлино перестал слышать голос Крота. Он печально попрощался с ним, пробормотав про себя: «До свидания, старый, добрый Крот! Мир тесен — может быть, мы еще встретимся когда-нибудь и я попрошу прощения за то, что обманул вас!»

Расставшись таким образом со своим товарищем по путешествию, Чиполлино вытер, насколько это было возможно, лицо платком и вбежал к своим приятелям, веселый и беспечный, словно пришел на праздник.

— Добрый день, друзья мои! — закричал он звонким голосом, который прозвучал в подземелье, как труба.

Вообразите себе радость заключенных! Они бросились к Чиполлино в объятия и стали осыпать его поцелуями. В один миг очистили они его от всей грязи, которая на него насела.

Кто обнимал его, кто дружески щипал, кто хлопал по плечу.

— Тише, тише,— уговаривал их Чиполлино,— вы меня на куски разорвете!

Не сразу успокоились друзья. Но их радость перешла в отчаяние, когда Чиполлино рассказал им о своих злоключениях.

— Значит, и ты, брат, в плену, как мы? — спросил мастер Виноградинка.

— Выходит, что так! — ответил Чиполлино.

— Но ведь когда явится стража, она тебя найдет?

— Ну, это необязательно,— сказал Чиполлино.— Я всегда могу забраться в скрипку профессора Груши. Ведь я, к счастью, невелик ростом.

— Ой, но кто же нас отсюда выведет! — прошептала кума Тыквочка.

— И все это по моей вине! — тяжело вздохнул кум Тыква.— Все из-за меня!..

Чиполлино хотел было приободрить приунывшую компанию, но все его усилия ни к чему не привели. Да и у самого у него, как говорится, на сердце кошки скребли в эту минуту.

Глава одиннадцатая,
*из которой видно, что кавалер Помидор
имеет обыкновение спать в чулках*

Разумеется, синьор Помидор скрыл от всех, что Чиполлино сбежал. Лимончикам, которые побывали с ним в подземелье, он велел помалкивать. Если же кто-нибудь спросит, отвечать, что преступника перевели в общую камеру. А чтобы никто не увидел нашлапки у него на носу, кавалер не вставал с постели и никого не принимал. Земляничка во все глаза следила за ним, но ей никак не удавалось узнать, где же прячет он ключи от подземелья.

Наконец она решилась посоветоваться с Вишенкой, который, как вы знаете, все еще болел и безутешно плакал. Но едва только Земляничка рассказала ему, что произошло, Вишенка вытер слезы и вскочил на ноги:

— Чиполлино в тюрьме? Он не должен оставаться в тюрьме ни одной минуты!.. Дай-ка мне поскорей мои очки!

— Что ты хочешь делать?

— Я освобожу его, — решительно заявил Вишенка. — Его и всех остальных!

— Но как же ты достанешь ключи у Помидора?

— Утащу. Ты только приготовь хороший шоколадный торт и подсыпь в него немного сонного порошка, который найдешь

у моих теток. Синьор Помидор очень любит шоколад, и, когда он заснет, ты мне дай знать. А пока я побегу и поразведаю, как идут дела.

Земляничка не верила своим глазам: откуда взялась у хрупкого и нежного Вишенки такая смелость и решительность!

— Как он изменился! Батюшки мои, как он изменился! — шептала она.

То же самое сказали все, кто встретил Вишенку в этот день. Обе графини, сеньор Петрушка и герцог Мандарин с удивлением смотрели на мальчика.

— Но он совсем выздоровел! — воскликнула графиня Старшая, увидев, как блестят у него глаза и горят щеки.

— Я же вам говорил, что он вовсе и не был болен! — заявил герцог. — Он попросту притворялся.

Графиня Младшая поспешила согласиться со своим капризным кузенком, а то бы он, чего доброго, опять взобрался на шкаф и пригрозил покончить с собой, если его не умиловивят каким-нибудь подношением.

Между тем Вишенка выведал у одного из Лимончиков, что Чиполлино бежал из тюрьмы. Это его очень порадовало. Однако он решил не успокаиваться до тех пор, пока не освободит остальных пленников.

— Друзья Чиполлино — и мои друзья! — сказал он и сейчас же приступил к делу.

Разговорившись с тюремщиками, он выпытал у них, что синьор Помидор носит ключи от подземелья в особом кармашке, подшитом к изнанке чулка.

«Ну, дело плохо, — подумал Вишенка. — Ведь всем известно, что Помидор всегда ложится спать в чулках. Значит, нужно усыпить его до бесчувствия, чтобы можно было вытащить из чулка ключ, не разбудив кавалера».

И он попросил Земляничку подсыпать в торт двойную порцию сонного порошка.

Когда наступила ночь, служанка принесла кавалеру чудесный мармеладно-шоколадный торт. Синьор Помидор обрадовался и проглотил его в один миг.

— Тебе не придется жаловаться на твоего хозяина, — обещал он ей. — Когда я поправлюсь, я непременно подарю тебе бумажку от шоколадки, которую я съел в прошлом году. Она очень ароматная и сладкая, эта бумажка!

Земляничка в знак благодарности низко поклонилась кавалеру, а когда она выпрямилась, Помидор уже храпел, как целый оркестр, состоящий из контрабасов и флейт.

Земляничка сбегала за Вишенкой. Держась за руки, они на цыпочках пустились в путь по коридорам замка, направляясь к спальне кавалера.

Они прошли мимо комнаты герцога Мандарина, который до поздней ночи упражнялся в прыжках. Для того чтобы совершать головокружительные прыжки, когда нужно выклянуть что-нибудь у синьоры графини Младшей, требовалась хорошая тренировка.

Посмотрев по очереди в замочную скважину, Земляничка и Вишенка увидели, что герцог, как ошалевшая кошка, прыгает со шкафа на люстру, со спинки кровати на зеркало и необыкновенно быстро карабкается вверх по портьерам. За короткое время он стал настоящим акробатом.

В комнате синьора Помидора было светло: Земляничка предусмотрительно оставила ставни открытыми, так что в окно лился яркий свет луны.

Кавалер по-прежнему громко храпел. В эту минуту ему снилось, будто Земляничка принесла ему еще один шоколадный торт величиной по крайней мере с велосипедное колесо.

Но только хотел он приняться за еду, как в комнату ворвался барон Апельсин и потребовал, чтобы синьор Помидор отдал ему добрую половину торта. Защищая свои права, кавалер вытащил шпагу. В конце концов барон отступил, нещадно нахлестывая

бедного тряпичника, который обливался потом под тяжестью тачки. Синьор Помидор снова принялся было за торт, но на смену барону Апельсину явился герцог Мандарин, который взобрался на верхушку очень высокого тополя и завопил: «Дайте, дайте

мне половину торта — или я брошусь отсюда на землю вниз головой!»

Словом, сон Помидора был очень тревожен: знакомые и незнакомые люди хотели во что бы то ни стало отнять у него злосчастный торт, а потом и сам этот проклятый торт принес кавалеру одно только горькое разочарование: из шоколадного он почему-то превратился вдруг в картонный. Синьор Помидор вонзил в него зубы, ничего не подозревая, и рот у него наполнился картоном — жестким, клейким и безвкусным.

В то время как синьора Помидора одолевали эти тревожные сновидения, Земляничка осторожно сняла с его ноги чулок, а Вишенка вытащил из чулка связку ключей.

— Дело сделано! — прошептал он на ухо Земляничке.

Девочка посмотрела на своего спящего хозяина:

— Ох и обозлится же синьор Помидор, когда проснется и узнает, что с ним проделали!

— Бежим, пока он не проснулся!

— Да нет, этого опасаться нечего. Я насыпала столько сонного порошка, что его хватило бы по крайней мере на десять человек!

Они потихоньку вышли из комнаты, закрыли за собой дверь и бросились бежать вниз по лестнице, едва переводя дух.

Вдруг Вишенка остановился и прошептал:

— А стража?

В самом деле, об этом они не подумали.

Земляничка засунула палец в рот: это ей всегда помогало в трудные минуты. Пососешь палец — и в голову тебе придет дельная мысль.

— Придумала! — сказала она наконец. — Я зайду за угол дома и начну изо всех сил звать на помощь, будто на меня напали разбойники. А ты вызови тюремную стражу и пошли ее ко мне на выручку. Ну, а как только останешься один, поверни вот этот ключ два раза, и дверь камеры откроется.

Так они и сделали. Обман удался на славу. Земляничка кричала «караул» так отчаянно, что, кажется, и деревья готовы были вырвать из земли свои корни, чтобы кинуться ей на помощь. Тюремщики переполошились и помчались на шум, как борзые за зверем.

— Скорее, скорее, ради самого бога! Там бандиты, бандиты! — кричал им вслед Вишенка.

Оставшись один, он сунул ключ в скважину, отпер тяжелую дверь и проник в подземелье. Каково же было его удивление, когда среди заключенных он увидел своего приятеля Чиполлино!

— Ты здесь, Чиполлино! Так ты, значит, не бежал?

— Я тебе потом все расскажу, Вишенка, а сейчас нам нельзя терять время.

И правда, беглецам надо было торопиться.

— Сюда, сюда! — задыхаясь, говорил Вишенка, указывая

друзьям тропинку, которая вела прямо в лес. — Не беспокойтесь, тюремщики вас не увидят — они побежали в противоположную сторону.

Куму Тыквочку, которая была слишком толста, чтобы бежать достаточно быстро, покатали по дорожке, как настоящую тыкву.

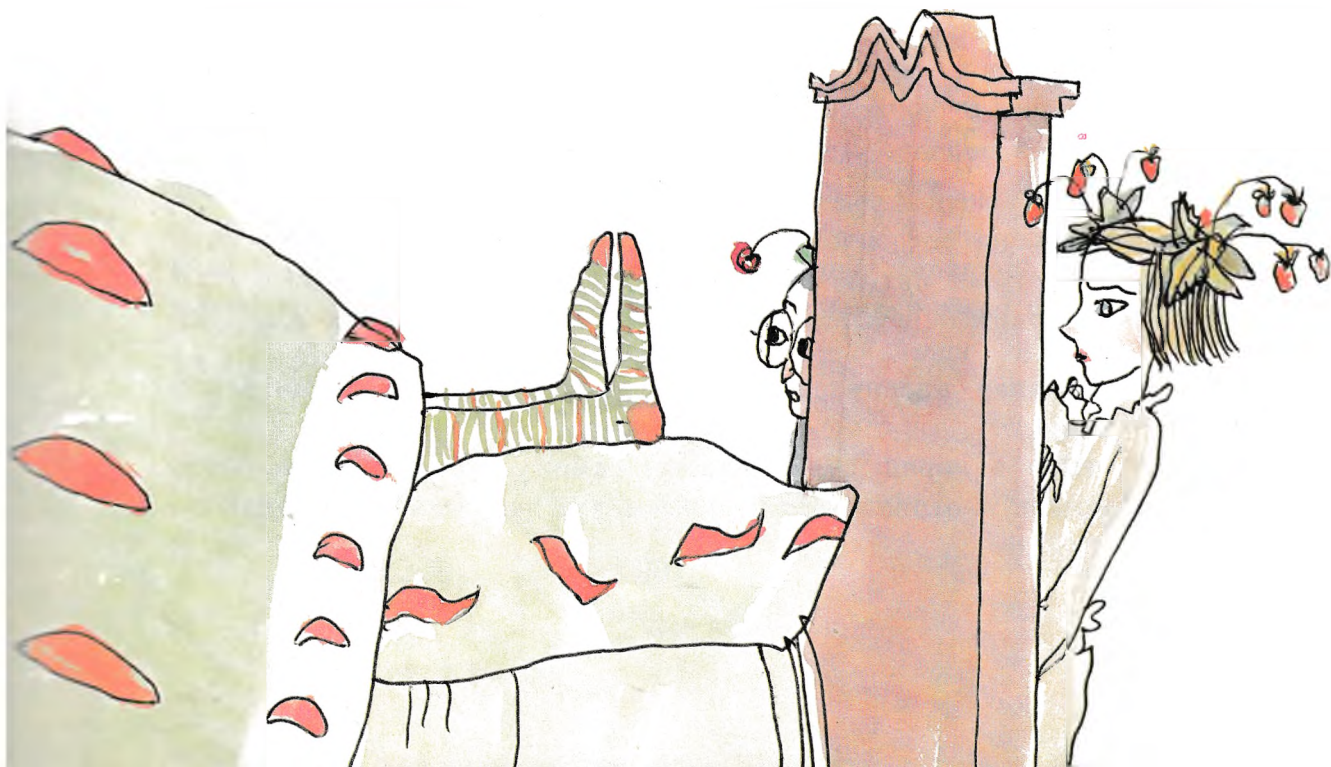
Чиполлино на минуту отстал от товарищей и горячо поблагодарил Вишенку, у которого глаза блестели от слез.

— Ты молодец! — сказал ему Чиполлино. — Я не верил, что ты в самом деле болен, и не раз хотел пробраться к тебе, пока был на свободе.

— Беги, беги скорей, а то они тебя схватят!

— Ладно, бегу, но мы скоро с тобой опять увидимся. Обещаю тебе, что мы еще доставим Помидору немало приятных минут!

В два прыжка догнал он своих приятелей и помог им катить

вперед куму Тыквочку. А Вишенка поспешил в замок, чтобы положить ключи на место, то есть в правый чулок синьора Помидора.

Но что же было в это время с тюремной стражей, которая побежала спасать Земляничку от бандитов?

Тюремщики застали Земляничку в слезах. До их прихода она разорвала на себе передник и расцарапала лицо, чтобы они поверили, будто на нее и в самом деле напали бандиты.

— В какую сторону они удрали? — спросили Лимончики, задыхаясь от быстрого бега.

— Вон туда! — отвечала Земляничка, указывая на дорогу, ведущую в деревню.

Тюремщики помчались по этой дороге. Два или три раза обежали они всю деревню и, не найдя ничего на улице, в конце концов арестовали одного деревенского Кота, несмотря на его решительные протесты.

— Не понимаю! — мяукал Кот, негодуя. — Кажется, мы живем в свободной стране, и вы не имели никакого права арестовывать меня. Да, кроме того, вы явились в тот самый момент, когда мышь, которую я сторожу уже два часа подряд, наконец-таки решилась выйти из своей норки.

— В тюрьме вы найдете сколько угодно мышей, — ответил начальник стражи.

Через полчаса Лимончики вернулись в замок. Можете себе представить, что с ними случилось, когда они нашли тюрьму пустой!

Они поскорее заперли Кота в камеру, побросали сабли и ружья и разбежались кто куда, опасаясь гнева кавалера Помидора.

Кавалер проснулся утром и первым делом посмотрел в зеркало.

«Нос в порядке, — сказал он самому себе. — Можно снять пластырь и отправиться в подземелье допрашивать пленных».

По дороге он захватил с собой синьора Горошка, как знатока уголовных законов королевства, и синьора Петрушку, чтобы тот записывал показания арестованных.

Все трое с важным видом, какой подобает представителям закона, гуськом спустились в подземелье. Помидор вытащил из правого чулка ключи, открыл тяжелую дверь, но с такой поспешностью отскочил назад, что сшиб с ног синьора Петрушку, который стоял у него за спиной. Из камеры неслись жалобные стоны. «Мяу! Мяу!» — пронзительно мяукал деревенский Кот, корчась от невыносимых страданий.

— Что вы тут делаете? — спросил синьор Помидор у Кота, все еще дрожа от испуга.

— Ах, у меня живот болит! — горько жаловался Кот. — Пожалуйста, отнесите меня в ам-була-торию или, по крайней мере, пришлите ко мне доктора!

Оказалось, что Кот всю ночь охотился на мышей и так объелся, что изо рта у него торчало не менее двухсот мышиных хвостов.

Кавалер выпустил Кота на свободу и дал ему разрешение в любое время возвращаться в тюрьму для охоты за мышами. На прощание он сказал Коту:

— Если вы будете так любезны и сохраните хвосты съеденных вами мышей как вещественное доказательство вашей полезной деятельности, то администрация замка назначит вам небольшую пенсию, по столько-то за хвост.

После этого Помидор немедленно послал правителю королевства — принцу Лимону телеграмму, в которой говорилось:

«В замке графинь Вишен беспорядки, соблаговолите командировать батальон Лимончиков. Желательно личное присутствие вашего высочества. Помидор».

Глава двенадцатая,
в которой Лук Порей
был награжден и наказан

На следующее же утро принц Лимон вступил в деревню во главе сорока придворных Лимонов и целого батальона Лимончиков.

Как вы уже знаете, при дворе принца Лимона все носили на шапочках колокольчики. Когда придворные и войска двигались по дороге, слышалась такая музыка, что коровы переставали жевать траву, полагая, что пригнали новое стадо коров.

Услышав звон, Лук Порей, который как раз в эту минуту расчесывал усы перед зеркалом, прервал свое дело на середине и высунулся из окна. Тут-то его и заприметили. Лимончики ворвались к нему в дом, арестовали его и повели в тюрьму с одним усом, торчащим вверх, и другим, поникшим вниз.

— Позвольте мне, по крайней мере, причесать и левый ус! — просил Лук Порей у стражи, пока она вела его в тюрьму.

— Молчать! Не то мы отрежем тебе сначала левый, а потом и правый ус и таким образом избавим тебя от необходимости их причесывать.

Лук Порей умолк, боясь потерять свое единственное достоинство.

Был арестован также и адвокат Горошек. Он долго визжал, отбивался и сыпал слова, как горох:

— Это ошибка! Я здешний адвокат и служу у кавалера Помидора. Это простое недоразумение! Немедленно выпустите меня на свободу!

Но все было напрасно — словно об стенку горох.

Солдаты-Лимончики расположились в парке. Некоторое время они развлекались тем, что читали объявления синьора Петрушки, а затем, чтобы не скучать, стали топтать траву и цветы, удить золотых рыбок, стрелять в цель по стеклам оранжереи и придумывать другие забавы в том же роде.

Графини бегали от одного начальника к другому и рвали на себе волосы:

— Умоляем вас, синьоры, прикажите вашим людям угомониться! Они нам разорят весь парк!

Но начальники и слушать их не хотели.

— Нашим храбрецам, — заявили они, — нужны развлечения после военных подвигов. Вы должны быть благодарны им за то, что они охраняют ваш покой.

Графини заикнулись было о том, что арест Лука Порей и синьора Горошка — не такой уж большой подвиг.

Тогда офицер пригрозил:

— Прекрасно! В таком случае мы велим арестовать также и вас. За то они и получают жалованье, чтобы сажать в тюрьму всех недовольных!

Графиням осталось лишь убраться прочь и обратиться с жалобой к самому принцу Лимону. Принц расположился в замке со всеми своими сорока придворными, заняв, разумеется, самые лучшие комнаты и бесцеремонно вытеснив оттуда кавалера Помидора, барона, герцога, синьора Петрушку и даже самих графинь.

Барон Апельсин был очень озабочен.

— Вот увидите, — говорил он шепотом, — эти Лимоны и Лимончики съедят у нас всю провизию, и мы умрем с голоду. Они пробудут здесь, пока в замке еще есть припасы, а потом уйдут, оставив нас на произвол судьбы. Ах, это такое несчастье! Это настоящая катастрофа!

Правитель велел привести Лука Порей и учинить ему допрос.

Синьор Петрушка, хорошенько высморкавшись в свой клетчатый платок, принялся записывать ответы подсудимого, а кавалер Помидор уселся рядом с правителем, чтобы подсказывать ему на ухо, как вести допрос.

Дело в том, что принц Лимон, хоть и носил на голове золотой колокольчик, был не очень-то смышлен, а кроме того, отличался

рассеянностью. Вот и теперь, едва пленника ввели в комнату, он воскликнул:

— Ах, какие у него великолепные усы! Клянусь, что во всех подвластных мне землях я никогда не видел таких красивых, длинных и хорошо расчесанных усов!

Надо сказать, что Лук Порей только и делал в тюрьме, что приглаживал да расчесывал свои усы.

— Благодарю вас, ваше высочество! — сказал он скромно и вежливо.

— Посему, — продолжал правитель, — мне угодно наградить его орденом Серебряного Уса. Сюда, мои Лимоны!

Придворные немедленно явились на зов.

— Принесите-ка мне корону кавалера ордена Серебряного Уса!

Принесли корону, которая представляла собою пышный ус, обвивающийся, как венок, вокруг головы. Разумеется, ус был сделан из чистого серебра.

Лук Порей растерялся: он думал, что его позвали на допрос, а вместо этого удостоили такой высокой почести.

Почтительно склонился он перед правителем, и принц собственноручно надел ему на голову корону, обнял его и поцеловал в оба уса — сначала в правый, а потом в левый. Затем принц встал и собрался уходить, потому что был очень рассеян и полагал, что сделал свое дело.

Тогда кавалер Помидор наклонился и пробормотал ему на ухо:

— Ваше высочество, почтительнейше напоминаю вам, что вы пожаловали кавалерское звание отъявленному преступнику.

— С того момента, как я произвел его в кавалеры, — спесиво ответил принц Лимон, — он более не преступник. Тем не менее давайте допросим его.

И, вернувшись к Луку Порею, принц спросил, известно ли ему, куда бежали пленные. Лук Порей сказал, что ничего не

знает. Потом его спросили, знает ли он, где спрятан домик кума Тыквы, и Лук Порей снова ответил, что ему ничего не известно.

Синьор Помидор пришел в ярость:

— Ваше высочество, этот человек лжет! Я предлагаю подвергнуть его пытке и не отпускать до тех пор, пока он не откроет нам истину — всю истину и только истину!

— Прекрасно, прекрасно! — поддакнул принц Лимон, потирая руки.

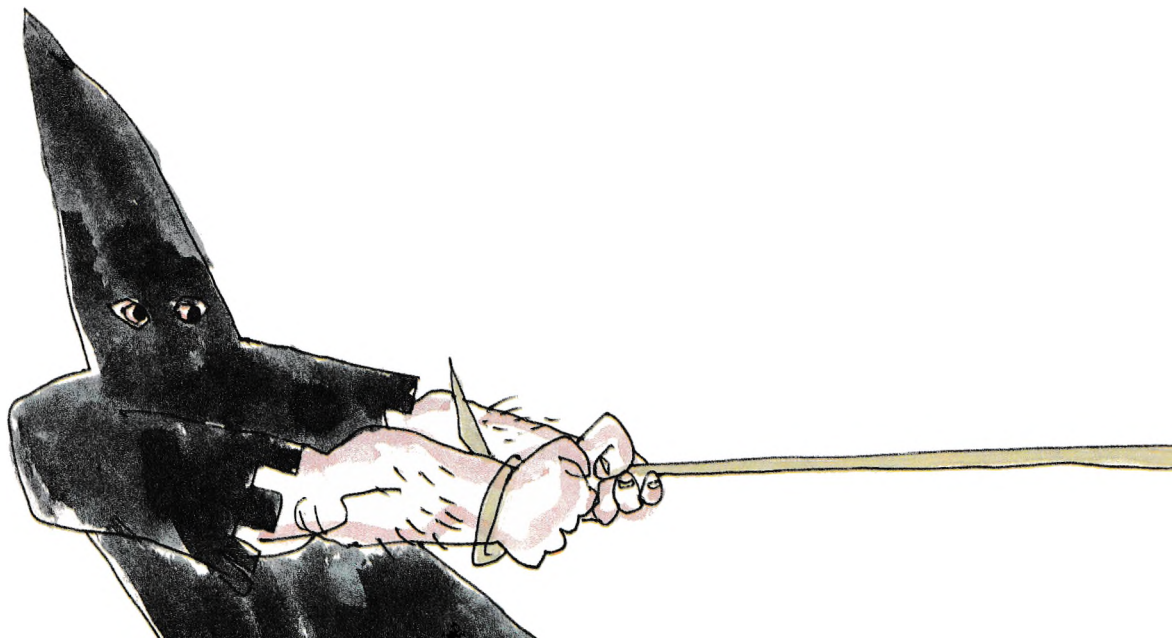
Он уже совершенно забыл, что несколько минут до того наградил Лука Порей орденом, и обрадовался случаю подвергнуть человека пытке, потому что очень любил присутствовать при самых жестоких истязаниях.

— С какой же пытки мы начнем? — спросил палач, явившийся к принцу со всеми своими орудиями: топором, щипцами, а также с коробкой спичек.

Спички для того, чтобы разжечь костер.

— Вырвите-ка у него усы! — приказал правитель. — Вероятно, он дорожит ими больше всего на свете.

Палач принялся тянуть Лука Порей за усы, но они были так прочны, так закалились от тяжести белья, что палач только понапрасну трудился и обливался потом: усы не отрывались, а Лук Порей не чувствовал ни малейшей боли.

В конце концов палач до того устал, что упал без памяти. Лука Порей отвели в потайную камеру и забыли о его существовании. Ему пришлось питаться сырыми мышами, и усы у него так отросли, что стали завиваться тройными кольцами.

После Лука Порей вызвали на допрос синьора Горошка. Адвокат бросился к ногам правителя и стал целовать их, униженно умоляя:

— Простите меня, ваше высочество, я невиновен!

— Плохо, очень плохо, синьор адвокат! Если бы вы были виновны, я бы вас сейчас же освободил. Но если вы ни в чем не виноваты, то ваше дело принимает весьма дурной оборот. Постойте, постойте... А вы можете сказать нам, куда бежали пленные?

— Нет, ваше высочество,— ответил синьор Горошек, весь дрожа; он и в самом деле этого не знал.

— Вот видите! — воскликнул принц Лимон.— Как же вас освободить, если вы ничего не знаете?

Синьор Горошек бросил умоляющий взгляд на синьора Помидора. Но кавалер притворился, будто очень занят своими мыслями, и устремил взор в потолок.

Синьор Горошек понял, что все пропало. Но отчаяние его сменилось настоящим бешенством, когда он увидел, что хозяин

и покровитель, которому он ревностно служил, так подло отступился от него.

— А можете ли вы, по крайней мере, сказать мне, — спросил принц Лимон, — где спрятан домик злодея Тыквы?

Адвокат знал это, потому что в свое время подслушал разговор Чиполлино с его односельчанами.

«Если я открою тайну, — подумал он, — то меня освободят. А что толку? Я вижу теперь, каковы мои бывшие друзья и покровители! Когда нужно было использовать мои знания и способности, чтобы обманывать других, они приглашали меня к обеду и к ужину, а теперь покинули в беде. Нет, я не хочу больше помогать им. Будь что будет, а от меня они ничего не узнают!»

И он громко заявил:

— Нет, принц, я ничего не знаю.

— Ты лжешь! — завопил синьор Помидор. — Ты прекрасно знаешь, но не хочешь сказать!

Тут синьор Горошек дал волю своему гневу. Он привстал на цыпочки, чтобы казаться выше, бросил на Помидора негодующий взгляд и прокричал:

— Да, я знаю, я прекрасно знаю, где спрятан домик, но я никогда вам этого не скажу!

— Подумайте хорошенько! — сказал Принц Лимон. — Если вы не откроете тайны, я буду вынужден вас повесить.

У синьора Горошка затряслись коленки от страха. Он обхватил себя обеими руками за шею, будто хотел избавиться от петли, но остался непоколебим.

— Вешайте меня, — сказал он гордо. — Вешайте немедленно! — Проговорив эти слова, он весь побелел, хоть и был Зеленым Горошком, и упал как подкошенный на землю.

Синьор Петрушка записал в протокол:

«Обвиняемый лишился чувств от угрызений совести».

Потом он снова высморкался в клетчатый платок и закрыл книгу. Допрос был окончен.

Глава тринадцатая

*о том, как синьор Горошек спас жизнь
кавалеру, сам того не желая*

Когда синьор Горошек пришел в себя, кругом царил непроглядный мрак. Адвокат решил, что его уже повесили.

«Я умер,— подумал он,— и, конечно, нахожусь в аду. Меня удивляет только одно: почему здесь так мало огня? Собственно говоря, его здесь совсем нет. Очень странно: ад без адского пламени!»

В этот миг он услышал, как скрипит ключ в замке камеры. Горошек забился в угол, потому что бежать ему было некуда, и с испугом смотрел на открывающуюся дверь. Он ожидал, что увидит стражей-Лимончиков и палача.

Лимончики действительно явились, но вместе с ними пожаловал... Кто бы вы думали? Кавалер Помидор своей собственной персоной, связанный по рукам и ногам.

Синьор Горошек кинулся было на него со сжатыми кулаками, но потом опомнился: «Что же это я делаю? Ведь он такой же узник, как и я».

И хотя Горошек не испытывал никакого сочувствия к своему бывшему хозяину, он все же вежливо спросил у кавалера:

— Так, значит, вас тоже арестовали?

— Арестовали?! Скажите лучше, что я приговорен к смерти. Меня повесят завтра на заре, сейчас же после вас. Вы, верно, и не знаете, что мы находимся в камере для висельников!

Адвокат не мог прийти в себя от изумления. Он знал, что ему грозит смертная казнь, но никак не думал, что за компанию с ним повесят и кавалера.

— Принц Лимон, — продолжал синьор Помидор, — очень разгневался на то, что ему так и не удалось найти виноватых. И знаете, что он в конце концов придумал? В присутствии графинь, гостей и слуг он обвинил меня в том, что я, кавалер Помидор, — главный зачинщик заговора. За это он и приговорил меня к повешению. Да, да, к повешению!

Синьор Горошек не знал, радоваться ли, что кавалера постигнет такая суровая кара, или пожалеть его. Наконец он сказал:

— Ну что ж, мужайтесь, кавалер. Умрем вместе.

— Плохое утешение! — заметил синьор Помидор. — Позвольте мне все же извиниться перед вами за то, что при вашем допросе я не очень вами интересовался. Вы понимаете, в это время решалась и моя собственная участь.

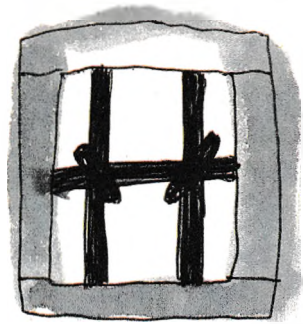
— Ну, теперь это дело прошлое... Не будем больше говорить о том, что было, — любезно предложил синьор Горошек. — Мы — товарищи по несчастью. Постараемся помочь друг другу.

— Я того же мнения, — согласился синьор Помидор, немножко приободрившись. — Очень рад, что вы не злопамятны.

Он вытащил из кармана кусок торта и по-братски разделил его с адвокатом. Адвокат не верил своим глазам: он не ожидал от кавалера такой доброты и щедрости.

— К сожалению, это все, что они мне оставили, — сказал синьор Помидор, печально качая головой.

— Да, таков наш грешный мир! Еще вчера вы были почти полновластным хозяином замка, а сегодня — только пленник.

Кавалер Помидор продолжал молча есть торт.

— Вы знаете, — сказал он наконец, — мне отчасти даже нравится то, что проделал со мной этот проказник Чиполлино. Собственно говоря, он очень ловкий мальчишка, и все его проделки внушены ему добрым сердцем, желанием помочь беднякам.

— Пожалуй, — согласился синьор Горошек.

— Кто знает, — продолжал Помидор, — где находятся они сейчас — эти люди, бежавшие из тюрьмы! Поверьте, я бы с удовольствием сделал для них что-нибудь хорошее.

— Да что же вы можете сделать для них в вашем положении?

— Ах, вы правы, сейчас я бессилен помочь им. Да, кроме того, я даже не знаю, где они.

— Я тоже не знаю, — откровенно сказал синьор Горошек, польщенный любезным обхождением синьора Помидора. — Мне известно только, где спрятан домик кума Тыквы.

Услышав это, кавалер затаил дыхание.

«Помидор, — сказал он самому себе, — слушай внимательно, что скажет тебе этот дурень: может быть, у тебя еще есть надежда на спасение!»

— Вы и в самом деле это знаете? — спросил он адвоката.

— Конечно, знаю, но никогда никому не скажу. Я не намерен больше вредить этим бедным людям.

— Такие чувства, несомненно, делают вам честь, синьор адвокат! Я бы тоже не выдал тайны: я не хотел бы, чтобы по моей вине на бедняков свалились какие-нибудь новые беды.

— Если так, — сказал синьор Горошек, — я рад пожать вам руку!

Синьор Помидор протянул ему руку, и синьор Горошек крепко пожал ее. В конце концов адвокат так расчувствовался, что ему пришла охота поболтать по душам со своим товарищем по несчастью.

— Вы только подумайте, — сказал он таинственным

шепотом, — они спрятали домик в двух шагах от замка, а мы были так глупы, что нам это и в голову не пришло!

— Где же именно они его спрятали? — небрежно спросил синьор Помидор.

— Теперь-то я могу вам это сказать, — горько усмехнулся синьор Горошек. — Ведь завтра мы оба умрем и унесем нашу тайну в могилу.

— Ну конечно. Вы же прекрасно знаете, что нас казнят на заре и наш прах будет развеян по ветру!

Тут адвокат Горошек еще ближе подсел к своему собеседнику и тихонько прошептал ему на ухо, что домик кума Тыквы находится в лесу, а присматривает за ним кум Черника.

Кавалер выслушал все это, горячо обнял адвоката и воскликнул:

— Мой дорогой друг, я так благодарен вам за то, что вы сообщили мне это важное известие! Вы спасаете мне жизнь!

— Я спасаю вам жизнь? Вы шутите, что ли?

— Вовсе нет, — сказал Помидор, вскакивая.

Он бросился к двери и стал изо всех сил колотить в нее кулаками, пока ему не открыли Лимончики, сторожившие тюрьму.

— Ведите меня сию же минуту к его высочеству принцу Лимону! — приказал синьор Помидор своим обычным, не допускающим возражений тоном. — Я должен сделать ему одно очень важное сообщение.

Кавалера немедленно доставили в замок. Он рассказал принцу все, что узнал от синьора Горошка, и добился прощения. Принц Лимон был очень доволен и приказал своим Лимончикам на следующее утро — сейчас же после казни синьора Горошка — отправиться в лес и привезти оттуда домик кума Тыквы.

Глава четырнадцатая,
в которой рассказывается,
как синьор Горошек взошел на эшафот

На деревенской площади воздвигли виселицу. Приговоренный должен был подняться на помост. В этом помосте под самой виселицей открывался люк, куда и предстояло провалиться синьору Горошку с петлей на шее.

Когда за осужденным пришли, чтобы вести его на площадь, синьор Горошек как опытный адвокат сделал все, чтобы оттянуть время. Ссылаясь на различные статьи закона, он потребовал, чтобы ему разрешили сначала побриться, потом он захотел вымыть голову, а затем обнаружилось, что у него слишком отросли ногти на руках и ногах и он желает перед казнью остричь их.

Палач, не желая терять время, стал было спорить, но в конце концов уступил. По старинному обычаю, последнее желание приговоренного к смерти должно быть исполнено. Поэтому в тюрьму принесли кувшин с горячей водой, таз, ножницы и бритву. Не торопясь адвокат Горошек принялся за свой предсмертный туалет. Долго приводил он себя в порядок: брился, мылся и чуть ли не целых два часа стриг ногти. Однако рано или поздно ему пришлось все-таки отправиться на место казни.

Когда он поднимался на помост, его охватил ужас. Тут только,

на ступенях эшафота, он впервые ясно представил себе, что должен умереть. Такой маленький, такой толстенный, такой зелененький, с чисто вымытой головой и подстриженными ногтями, он все-таки должен умереть!

Зловеще забили барабаны. Палач надел адвокату на шею петлю, сосчитал до тринадцати, а затем нажал кнопку. Люк открылся, и синьор Горошек полетел во тьму с затянутой петлей на шее. Перед этим он успел подумать: «На этот раз я, кажется, и в самом деле умер!»

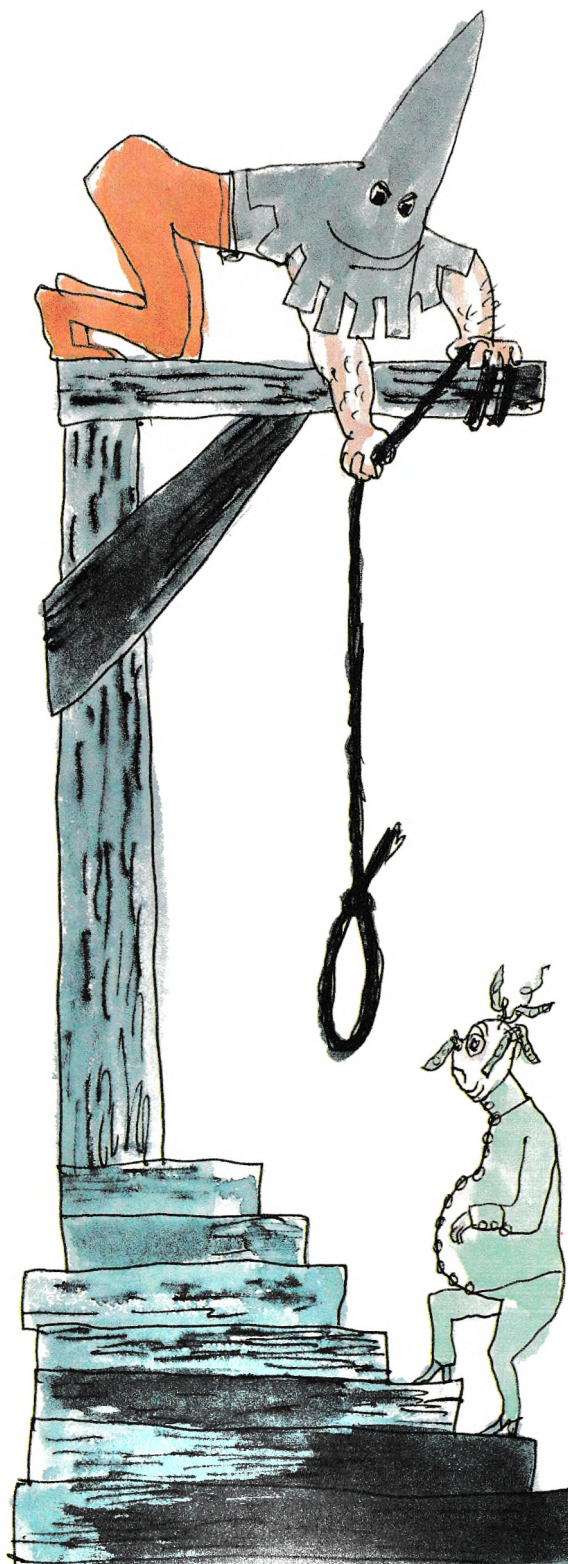
Вдруг он услышал над собой глухой голос:

— Режьте, режьте скорей, синьор Чиполлино! Тут так светло, что я ровно ничего не вижу.

Кто-то разрезал веревку, которая стягивала шею адвоката, и тот же голос заговорил снова:

— Дайте ему глоток нашего замечательного картофельного сока. Мы, кроты, никогда не расстаемся с этим чудесным лекарством!

Что же произошло? Какой удивительный случай спас жизнь адвокату Горошку?

Глава пятнадцатая,
объясняющая предшествующую главу

А случилось попросту вот что: Земляничка, которая знала все, что делается в замке, сбегала в лес и рассказала Редиске об опасности, угрожающей синьору Горошку, а Редиска сейчас же сообщила об этом своему другу Чиполлино. Она нашла его неподалеку от домика кума Тыквы, в пещере, где он скрывался вместе с остальными беглецами.

Чиполлино внимательно выслушал ее, а потом попросил у мастера Виноградинки шило, чтобы поскрести затылок, ибо положение было затруднительное и нужно было хорошенько почесаться, чтобы найти какой-нибудь выход.

Подумав пемного, Чиполлино вернул шило мастеру Виноградинке и сказал коротко:

— Спасибо, я знаю, что делать.

И он тут же убежал куда-то. Никто даже не успел спросить его, что же именно пришло ему в голову.

Кум Тыква отозвался с глубоким вздохом:

— Ах, ежели Чиполлино говорит, что он придумал что-то, так будьте спокойны: он скоро все уладит!

Однако Чиполлино очень долго бродил по полям и лугам,

прежде чем нашел то, что искал. Наконец он забрел на луг, весь усеянный бугорками взрытой земли. Каждую минуту здесь возникал, словно гриб, новый бугорок: Крот был за работой.

Чиполлино решил ждать. И вот когда один из бугорков вспух чуть ли не под его ногами, он стал на колени и позвал:

— Синьор Крот! Синьор Крот! Это я, Чиполлино.

— А, это вы? — сухо ответил Крот. — Признаться, я только наполовину ослеп после нашей первой встречи. Очевидно, теперь вы намерены снова предложить мне какое-нибудь подземное путешествие, которое окончательно лишит меня зрения.

— Не говорите так, синьор Крот. Я никогда не забуду вашей услуги: благодаря вам я встретился с моими друзьями. Нам удалось выйти на свободу, и мы нашли временное убежище в пещере неподалеку.

— Спасибо за сообщение, но это меня вовсе не интересует. До свидания!

— Синьор Крот! Синьор Крот! — закричал Чиполлино. — Выслушайте меня!

— Что ж, говорите, но только, пожалуйста, не воображайте, что я готов по-прежнему помогать вам в ваших делах.

— Дело касается не меня, а нашего деревенского адвоката, которого зовут Горошком. Его должны повесить завтра утром.

— И прекрасно сделают! — сердито ответил Крот. — Я бы с удовольствием помог затянуть на нем петлю. Терпеть не могу адвокатов, да и горошек мне не по вкусу.

Бедному Чиполлино пришлось немало потрудиться, чтобы переубедить упрямого Крота, но мальчик был уверен в том, что, несмотря на грубоватые повадки, у Крота золотое сердце и он никогда не откажется помочь правому делу.

Так и вышло — в конце концов Крот немного смягчился и сказал коротко и отрывисто:

— Довольно болтовни, синьор Чиполлино. У вас, как видно, язык без костей. Покажите-ка мне лучше, в какую сторону рыть.

— В направлении на северо-северо-восток, — быстро ответил Чиполлино, чуть не подпрыгнув от радости.

В два счета Крот прорыл широкую, длинную галерею прямо под эшафот. Здесь он и Чиполлино притаились и стали ждать, что будет. Когда люк над ними наконец открылся и синьор Горошек полетел вниз с веревкой на шее, Чиполлино мгновенно перерезал веревку и дал адвокату глотнуть целебного картофельного сока, который синьор Крот всегда носил с собой. Вдобавок Чиполлино легонько похлопал адвоката по щекам. Картофельный сок и несколько пощечин привели адвоката в чувство. Синьор Горошек открыл глаза, но он, как вы и сами понимаете, был так ошеломлен, что не поверил в свое спасение.

— О синьор Чиполлино! — воскликнул он. — Значит, вы тоже умерли, как и я? Какое счастье, что нам довелось встретиться с вами в раю!

— Очнись, адвокат! — вмешался Крот. — Здесь тебе не рай и не ад. Да и я не святой Петр и не дьявол, а старый Крот и тороплюсь по своим делам. Поэтому давайте побыстрее выбираться отсюда, и постарайтесь пореже попадаться мне на дороге. Каждый раз, как я встречаю Чиполлино, у меня делается солнечный удар.

На самом деле под эшафотом царила полная тьма, но синьору Кроту и это подземелье показалось настолько светлым, что у него заболели глаза и голова.

В конце концов синьор Горошек уразумел, что благодаря Чиполлино и Кроту он избавился от смерти. Адвокат без конца благодарил своих спасителей.

Сначала он обнимал их по очереди, потом захотел обнять обоих сразу, но это ему не удалось, потому что руки у него были слишком коротки.

Когда Горошек наконец успокоился, все трое отправились в путь по готовому подземному ходу. Дойдя до его конца, Крот вырыл еще один коридор — до той пещеры, где скрывались

мастер Виноградинка, кум Тыква, профессор Груша и прочие беглецы.

Адвоката и его избавителей встретили радостными криками. Все забыли, что еще недавно синьор Горошек был их врагом.

Прощаясь со своими новыми друзьями, Крот не мог удержаться от слез.

— Синьоры,— сказал он,— если бы у вас была хоть капля здравого смысла, вы поселились бы вместе со мной под землей. Там нет ни виселиц, ни кавалеров Помидоров, ни принцев Лимонов, ни его Лимончиков. Покой и темнота — вот что важнее всего на свете. Во всяком случае, если я вам понадобится, бросьте в это отверстие записочку. Я время от времени буду наведываться сюда, чтобы узнать, как идут у вас дела. А пока — всего хорошего!

Друзья тепло простились со старым Кротом и едва успели обменяться с ним последними приветствиями, как синьор Горошек так хлопнул себя по лбу, что не удержался на ногах и полетел вверх тормашками:

— Ах я растяпа! Ах ротозей! Моя рассеянность меня в конце концов погубит!

— Вы что-нибудь забыли? — вежливо спросила кума Тыковочка, поднимая адвоката с земли и стряхивая пыль с его одежды.

Тут только синьор Горошек рассказал беглецам о своем разговоре с Помидором и о новом предательстве кавалера.

Свою речь он закончил словами:

— Синьоры, знайте, что в эту самую минуту, когда мы с вами здесь разговариваем, стража рыщет по всему лесу. Ей приказано разыскать ваш домик и доставить его к воротам замка.

Не говоря ни слова, Чиполлино бросился в чашу и в два прыжка очутился под дубом, у кума Черники. Но домика там уже не было...

Кум Черника, притаившись между корнями дуба, безутешно плакал:

— Ах, мой милый домик! Мой славный, уютный домик!

— Здесь побывали Лимончики? — спросил Чиполлино.

— Да, да, они все унесли: и домик, и половинку ножниц, и бритву, и объявление, и даже ко-ло-коль-чик!

Чиполлино почесал затылок. На этот раз ему потребовалось бы два шила, чтобы придумать что-нибудь, а у него не было ни одного. Он ласково потрепал кума Чернику по плечу и отвел его в пещеру, к своим друзьям.

Никто не задал им ни одного вопроса. И без слов все поняли, что домик исчез и что это дело рук их заклятого врага — кавалера Помидора.

Глава шестнадцатая

Приключения мистера Моркоу и собаки Держи-Хватай

Мистер Моркоу...

Минуточку: кто такой мистер Моркоу? Об этой особе у нас еще разговора не было. Откуда же он взялся? Что ему нужно? Большой он или маленький, толстый или тощий?

Сейчас я вам все объясню.

Убедившись, что беглецов и след простыл, принц Лимон велел прочесать все окрестности. Лимончики вооружились граблями и старательно прочесали поля и луга, леса и рощи, чтобы найти наших друзей. Солдаты работали день и ночь и нагребли целую кучу бумажек, хворосту и сухой змеиной кожи, но они не поймали даже тени Чиполлино и его друзей.

— Бездельники! — бушевал правитель. — Только грабли поломали, все зубья в лесу оставили. За это вам самим следовало бы все зубы выбить!

Солдаты дрожали и стучали зубами от страха. Несколько минут только и слышалось: «тук-тук-тук» — словно шел град.

Один из придворных Лимонов посоветовал:

— Я полагаю, что следовало бы обратиться к специалисту по делам розыска.

— Это еще что за птица?

— Попросту говоря, сыщик. Вот ежели, например, вы, ваше высочество, потеряли пуговицу, извольте обратиться в сыскное бюро, и сыщик найдет ее вам в два счета. То же самое будет, если у вашего высочества пропадет батальон солдат или убегут из-под стражи заключенные. Сыщику стоит только надеть специальные очки, и он мгновенно обнаружит то, что у вас пропало.

— Ну, если так, пошлите за сыщиком!

— Я знаю очень подходящего иностранного специалиста по этой части,— предложил придворный.— Его зовут мистер Моркоу.

Мистер Моркоу... Так вот кто он такой, мистер Моркоу! Пока он еще не успел прибыть в замок, я расскажу вам, как он одет и какого цвета у него усы. Впрочем, про усы я ничего вам сказать не могу по той простой причине, что у тощего рыжего мистера Моркоу усов нет. Зато у него есть собака-ищейка, которую зовут Держи-Хватай. Она помогает ему носить инструменты. Мистер Моркоу никогда не пускается в путь, не захватив с собой дюжины подзорных труб и биноклей, сотни компасов и десятка фото-аппаратов.

Кроме того, он повсюду возит с собой микроскоп, сетку для бабочек и мешочек с солью.

— А для чего вам соль? — спросил у него правитель.

— С позволения вашего высочества, я насыпаю соли на хвост преследуемой дичи, а потом ловлю ее этим прибором, похожим на огромную сетку для бабочек.

Принц Лимон вздохнул:

— Боюсь, что на этот раз соль вам не понадобится: насколько мне известно, у сбежавших заключенных хвостов не было...

— Случай очень серьезный,— строго заметил мистер Моркоу.— Если у них нет хвостов, как же их поймать за хвост? Куда им насыпать соли? С позволения вашего высочества, вы вообще не должны были допускать бегства заключенных из тюрьмы.

Или, по крайней мере, нужно было перед их побегом приладить им хвосты, чтобы моя собака могла их поймать.

— Я видел в кино, — снова вмешался тот вельможа, который посоветовал обратиться к сыщику, — что иногда беглецов ловят без помощи соли.

— Это устаревшая система, — возразил мистер Моркоу с презрительным видом.

— Факт, факт! О-очень, о-очень устаревшая система, — повторила собака.

У этой собаки была одна особенность: она часто повторяла слова своего хозяина, прибавляя к ним свои личные соображения, которые обычно сводились к словам: «О-очень, о-очень», «весьма, весьма» или «факт, факт».

— Впрочем, у меня есть еще и другой способ ловли беглецов, — сказал мистер Моркоу.

— Факт, факт! У вас о-очень, о-очень много способов, — подтвердила собака, важно виляя хвостом.

— Можно пустить в ход перец вместо соли.

— Правильно, правильно! — с восторгом одобрил принц Лимон. — Насыпьте им перцу в глаза, и они сейчас же сдадутся, я в этом не сомневаюсь.

— Я тоже так думаю, — осторожно заметил кавалер Помидор. — Но прежде чем пустить в дело перец, вероятно, надо сначала найти беглецов. Не так ли?

— Это несколько труднее, — важно отвечал кавалеру мистер Моркоу, — но с помощью моих приборов я, пожалуй, попробую.

Мистер Моркоу был ученый сыщик, он ничего не делал без помощи своих инструментов. Даже отправляясь спать, он вооружался тремя компасами: одним, самым большим, — чтобы отыскать лестницу, другим, поменьше, — чтобы определить, где находится дверь спальни, и третьим, еще меньше, — чтобы найти в спальне кровать.

Вишенка, словно невзначай, прошелся по коридору, желая поглядеть на знаменитого сыщика и его собаку.

Каково же было его удивление, когда он увидел, что мистер Моркоу и собака растянулись на полу, разглядывая лежащий перед ними компас!

— Простите, почтенные синьоры,— любопытствовал Вишенка,— я хотел бы узнать: что вы делаете, лежа на полу? Может быть, вы пытаетесь найти на ковре следы беглецов и определить по компасу, в какую сторону они бежали?

— Нет, я просто ищу свою кровать, синьор. Найти кровать невооруженным глазом может каждый, но сыщик-специалист должен производить розыски научно, при помощи соответствующей техники. Как вам известно, намагниченная стрелка компаса всегда показывает на север. Это ее свойство дает мне возможность безошибочно найти местоположение моей кровати.

Однако, следуя указаниям своего компаса, сыщик неожиданно стукнулся головой о зеркало, а так как он был из породы твердолобых, то раздробил стекло на тысячу кусков. При этом больше всего пострадала его собака. Один из осколков отсек ей добрую половину хвоста, оставив только жалкий обрубок.

— Наши расчеты, очевидно, были ошибочны,— сказал мистер Моркоу.

— Факт, факт! О-очень, о-очень ошибочны,— согласилась собака, зализывая обрубок хвоста.

— Значит,— сказал сыщик,— надо поискать другую дорогу.

— Факт, факт! Надо поискать другую дорогу,— пролаяла собака.— Может быть, другие дороги не кончаются зеркалами.

Отложив в сторону компас, мистер Моркоу вооружился одной из своих мощных морских подзорных труб. Он приложил ее к глазу и начал поворачивать налево и направо.

— Что вы видите, хозяин? — спросила собака.

— Вижу окно: оно закрыто, на нем красные занавески, и в каждой раме по четырнадцать разноцветных стекол.

— Очень, очень важное открытие! — воскликнула собака. — Четырнадцать и четырнадцать будет двадцать восемь. Если мы пойдем в этом направлении, нам на голову посыплется по крайней мере пятьдесят шесть осколков, а что касается меня, то я уже и не знаю, что останется от моего хвоста!

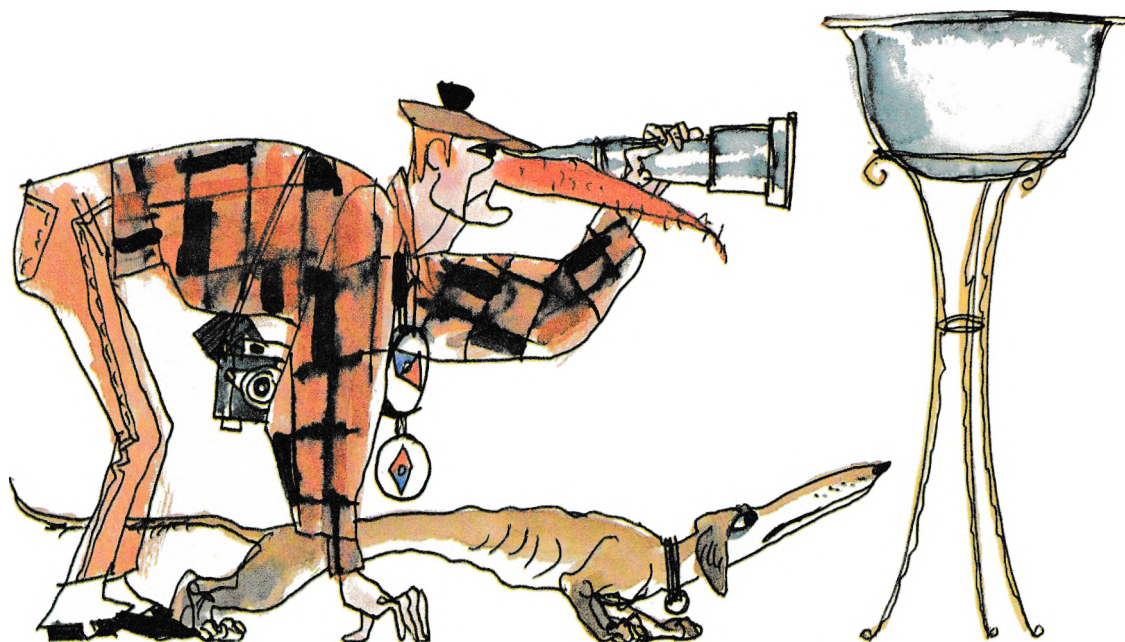
Мистер Моркоу направил подзорную трубу в другую сторону.

— Что вы теперь видите, хозяин? — спросила собака озабоченно.

— Вижу какое-то металлическое сооружение. Очень интересная конструкция. Представь себе: три ножки, соединенные наверху металлическим кольцом, а на вершине сооружения — белая крыша, по-видимому эмалированная.

Собака была потрясена открытиями своего хозяина.

— Синьор, — сказала она, — если я не ошибаюсь, то до нас еще никто нигде не находил эмалированных крыш. Не так ли?

— Да,— ответил мистер Моркоу не без гордости.— Настоящий сыщик может обнаружить необыкновенные вещи даже в самой обыкновенной обстановке.

Хозяин и собака ползком двинулись к металлическому сооружению с белой крышей. Преодолев расстояние в десять шагов, они приблизились к таинственной конструкции и подползли под нее так неловко, что эмалированная крыша опрокинулась.

Едва успели они опомниться и понять, что произошло, как их внезапно обдало холодным дождем.

Сыщик и собака застыли на месте, опасаясь новых неожиданностей. Они боялись пошевелиться, а между тем струйки холодной воды текли у мистера Моркоу по лицу, у его собаки — по морде и у обоих — по спине, животу и бокам.

— Я полагаю,— пробормотал недовольно мистер Моркоу,— что мы попросту опрокинули эмалированный таз, стоявший на умывальнике.

— Я думаю,— добавила собака,— что в этом тазу было о-очень, о-очень много воды для утреннего умывания.

Тут мистер Моркоу наконец встал и отряхнулся после неожиданного душа. Верная спутница последовала его примеру. После этого сыщик без труда нашел кровать, от которой находился в двух шагах, и торжественно проследовал к ней, продолжая изрекать глубокомысленные замечания вроде следующего:

— Что поделаешь! Наша профессия сопряжена с риском. Правда, нам на голову обрушились целые потоки холодной воды, но зато мы нашли то, что искали: кровать.

— Факт, факт! Много воды утекло! — со своей стороны заметила собака.

Ей в этот вечер как-то особенно не везло: мокрая, озябшая, с обрубленным хвостом, она уснула на полу, положив голову на влажные туфли своего хозяина.

Мистер Моркоу прохрапел всю ночь и проснулся с первыми лучами солнца.

— Держи-Хватай, за работу! — позвал он.

— Хозяин, я готова, — ответила собака, вскочив и усевшись на обрубок хвоста.

Умыться мистер Моркоу в это утро не мог, потому что пролил всю воду, предназначенную для умывания. Собака удовольствовалась тем, что вылизала себе усы, а потом лизнула в лицо и своего хозяина. Освежившись таким образом, они вышли в парк и принялись за розыски.

Знаменитый сыщик начал с того, что достал из сумки мешочек, в котором было девяносто крошечных бочонков с номерами, какие употребляются при игре в лото.

Он попросил собаку вытащить какой-нибудь номер. Собака сунула лапу в мешочек и вытянула номер семь.

— Значит, нам нужно отмерить семь шагов вправо, — решил мистер Моркоу.

Они отмерили семь шагов вправо и попали в крапиву.

У собаки словно огнем обожгло обрубок хвоста, а у мистера Моркоу так покраснел нос, что стал похож на стручок турецкого перца.

— Должно быть, у нас опять вышла ошибка, — предположил ученый сыщик.

— Факт, факт! — печально подтвердила собака.

— Попробуем другой номер.

— Попробуем! — согласилась собака.

На этот раз вышел двадцать восьмой номер, и мистер Моркоу решил, что нужно отойти на двадцать восемь шагов влево.

Отошли на двадцать восемь шагов влево и свалились в бассейн, где плавали золотые рыбки.

— Помогите! Тону! — завопил мистер Моркоу, барахтаясь в воде и пугая золотых рыбок.

Может быть, он и в самом деле бы утонул, но верная собака вовремя ухватила его зубами за воротник и выволокла на сушу.

Они уселись на краю бассейна. Один из них сушил одежду, другой — шерсть.

— Я сделал в бассейне очень важное открытие, — сказал мистер Моркоу, нисколько не смущаясь.

— О-очень, о-очень важное! — поддакнула собака. — Мы с вами открыли, что вода о-очень, о-очень мокрая.

— Нет, не то. Я пришел к выводу, что пленники, которых мы ищем, нырнули на дно этого бассейна, вырыли здесь подземный ход и таким образом ускользнули от своих преследователей.

Мистер Моркоу позвал кавалера Помидора и предложил ему выпустить воду из бассейна, а затем перекопать дно, чтобы найти подземный ход. Но синьор Помидор решительно отказался от

этого предложения. Он заявил, что, по его личному мнению, беглецы выбрали более простой и легкий путь, и попросил мистера Моркоу направить свои розыски в другую сторону.

Знаменитый сыщик вздохнул и поник головой.

— Вот вам людская благодарность! — сказал он. — Я тружусь в поте лица своего, принимаю одну холодную ванну за другой, а местные власти, вместо того чтобы помочь моей работе, чинят мне препятствия на каждом шагу.

К счастью, мимо бассейна, будто случайно, проходил в это время Вишенка. Сыщик остановил его и спросил, не знает ли он другого выхода из парка, кроме тайной подземной галереи, вырытой беглецами под бассейном с золотыми рыбками.

— Ну конечно, знаю, — ответил Вишенка. — Это калитка.

Мистер Моркоу горячо поблагодарил мальчика и в сопровождении собаки, которая все еще фыркала и отряхивалась после холодной ванны, пошел искать калитку по компасу, с которым никогда не расставался.

Вишенка последовал за ним, будто бы из пустого любопытства.

Когда же сыщик вышел наконец из парка и направился к лесу, мальчик вложил в рот два пальца и громко свистнул.

Мистер Моркоу живо обернулся к нему:

— Кого это вы зовете, молодой человек? Вероятно, мою собаку?

— Нет, нет, мистер Моркоу, я только дал знать одному знакомому воробью, что для него приготовлены на подоконнике хлебные крошки.

— У вас добрая душа, синьорино. — С этими словами мистер Моркоу поклонился Вишенке и пошел своей дорогой.

Как вы легко можете догадаться, на свист Вишенки кто-то вскоре тоже ответил свистом, но не таким громким, а слегка приглушенным. Вслед за этим на опушке леса, справа от сыщика, закачались ветви кустарника. Вишенка улыбнулся: его друзья

были начеку — он вовремя предупредил их о появлении мистера Моркоу и его собаки.

Но и сыщик тоже заметил, как шевелятся кусты. Он бросился на землю и застыл. Собака последовала его примеру.

— Нас окружили! — прошептал сыщик, отплевываясь от пыли, набившейся ему в нос и рот.

— Факт, факт! — протявкала собака. — Нас окружили!

— Наша задача, — продолжал шепотом мистер Моркоу, — становится с каждой минутой все труднее и опаснее. Но мы должны во что бы то ни стало поймать беглецов.

— Поймать, поймать! — тихонько отозвалась собака.

Сыщик навел на кусты свой горный бинокль и стал внимательно их осматривать.

— Кажется, в кустарнике больше никого нет, — сказал он. — Злодеи отступили.

— Какие злодеи? — спросила собака.

— Те, что скрывались в зарослях и шевелили ветвями. Нам остается только пойти по их следам, а следы эти безусловно приведут нас в их притон.

Собака не переставала восхищаться догадливостью своего хозяина.

Тем временем люди, скрывавшиеся в кустах, и в самом деле отступили, довольно энергично пробираясь сквозь заросли. Собственно говоря, никого не было видно, и только ветви кустарника еще слегка колыхались в тех местах, где они прошли. Но мистер Моркоу теперь уже не сомневался, что в кустах прячутся беглецы, и твердо решил их выследить.

Через сотню метров тропинка привела сыщика и собаку в лес. Мистер Моркоу и Держи-Хватай прошли несколько шагов и остановились под тенью дуба, чтобы отдохнуть и оценить положение.

Сыщик вытащил из мешка микроскоп и начал внимательно рассматривать пыль на дорожке.

— Никаких следов, хозяин? — с нетерпением спросила собака.

— Ни малейших.

В этот миг снова послышался продолжительный свист, а потом раздались приглушенные крики:

— О-го-го-го-го!

Мистер Моркоу и собака опять бросились на землю.

Крик повторился два или три раза. Вне всякого сомнения, таинственные люди подавали друг другу сигналы.

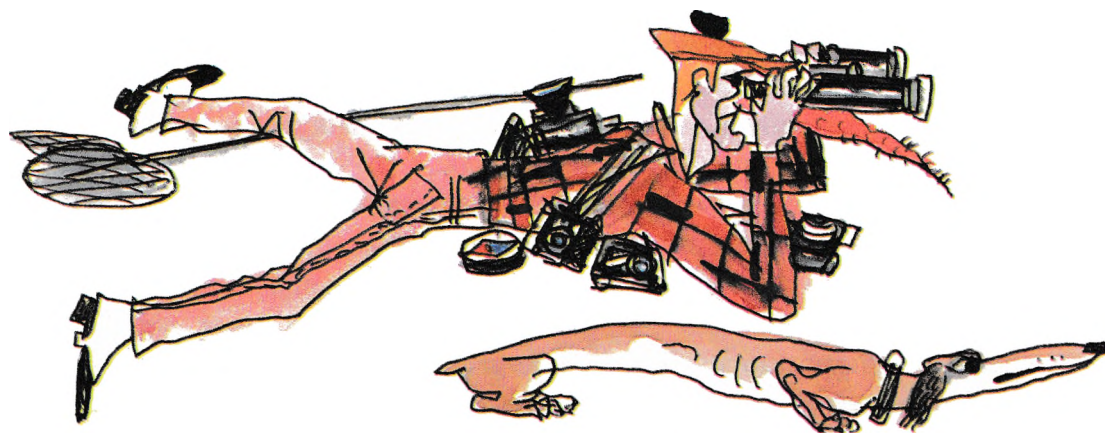
— Мы в опасности, — спокойно произнес мистер Моркоу, доставая прибор, похожий на сетку для бабочек.

— Факт, факт! — как эхо откликнулась собака.

— Преступники отрезали нам путь к отступлению и начали обходный маневр, чтобы напасть на нас сзади. Держи наготове перечницу. Как только они появятся, мы пустим им перец в глаза и накроем их сеткой.

— План очень смелый, — пролаяла собака, — но я слышала, что у злодеев иногда бывают ружья... А что, если они, попав в плен, начнут стрелять?

— Проклятье! — сказал мистер Моркоу. — Признаться, об этом я не подумал.

В этот миг в нескольких шагах от сыщика и собаки, все еще простертых на земле, раздался придушенный голос:

— Мистер Моркоу! Мистер Моркоу!

— Женский голос... — сказал сыщик, оглядываясь по сторонам.

— Сюда, мистер Моркоу! Ко мне! — продолжал звать тот же голос.

Собака осмелилась высказать свое предположение.

— По-моему, — пролаяла она, — тут происходит нечто очень загадочное. Женщине угрожает серьезная опасность. Может быть, она находится в руках бандитов, которые хотят сделать ее своей заложницей. Я думаю, нам нужно во что бы то ни стало освободить ее.

— Мы не можем заниматься посторонними делами, — сказал мистер Моркоу, рассерженный неуместным вмешательством своего ретивого помощника. — Мы пришли сюда для того, чтобы задержать, арестовать, а не освободить кого-то. У нас точная и ясная цель. Мы не можем делать как раз противоположное тому, за что нам платят. Помните, что вас зовут Держи-Хватай, и делайте свое дело!

В эту минуту из-за кустов снова раздался жалобный, умоляющий крик:

— Мистер Моркоу! Да помогите же! Ради бога, помогите!

В этом голосе слышалось такое отчаяние, что знаменитый сыщик не устоял.

«Женщина просит моей помощи, — подумал он, — и я откажусь помочь ей? Сердца у меня нет, что ли?»

Он озабоченно ощупал левую сторону своей груди под жакетом и вздохнул с облегчением: сердце у него оказалось на месте и билось даже чаще, чем всегда.

Между тем голос постепенно удалялся на север. В той стороне, откуда он доносился, тревожно колыхались кусты, слышался шорох шагов и приглушенный шум борьбы.

Мистер Моркоу вскочил на ноги и в сопровождении собаки бросился бежать на север, не сводя глаз с компаса.

Вдруг сзади него послышался сдержанный смех.

Сыщик в гневе остановился и стал искать глазами неизвестную особу, которая позволила себе так дерзко смеяться за его спиной. Не найдя никого среди кустов, мистер Моркоу сверкнул глазами и закричал, весь дрожа от благородного негодования:

— Смейся, смейся, подлый преступник! Хорошо смеется тот, кто смеется последним!

«Преступник» снова фыркнул, а потом задохнулся от внезапного приступа кашля.

Дело в том, что Редиска сильно хлопнула его в эту минуту по спине, чтобы он перестал смеяться. Этот смешливый парнишка был не кто иной, как маленький Фасолинка, сын тряпичника Фасоли. Откашлявшись, он записал себе платок в рот и продолжал смеяться в свое удовольствие, не нарушая тишины.

— Ты хочешь испортить все, что нам удалось сделать! — сердито зашептала Редиска. — Сейчас же перестань фыркать!

— Да как же над ним не смеяться! — еле выговорил Фасолинка, сдерживая смех.

— Успеешь еще посмеяться, — прошептала Редиска, — а пока пойдем и постараемся не терять сыщика из виду.

Мистер Моркоу и его собака по-прежнему бежали на север — в ту сторону, откуда доносился шорох удаляющихся шагов и шум борьбы. Они думали, что преследуют целую шайку злодеев, крадущихся через кустарник. А на самом деле они гнались за двумя ребятами — Картошечкой и Томатиком, которые делали вид, что дерутся друг с другом. Время от времени девочка останавливалась и тоненьким голосом кричала:

— Помогите! Помогите, синьор сыщик! Меня похитили бандиты! Умоляю вас, освободите меня!

Вы, вероятно, догадались, что у ребят, пробиравшихся через кустарник, была одна задача: отвлечь сыщика и его собаку как

можно дальше от пещеры, в которой прятались Чиполлино и его друзья. Но это еще было не все, что ребята задумали.

В ту минуту, когда собака сыщика уже готовилась настичь убегающих и схватить одного из них за икры, с ней произошло нечто весьма странное.

— О небо, я лечу! Прощайте, дорогой хозяин! — только и успела она пролаять.

И она в самом деле стремительно взлетела вверх. Веревочная петля подняла перепуганную собаку до самой макушки дуба и крепко притянула к толстому суку.

Когда сыщик, оставший от нее всего только на несколько шагов, вышел из-за куста, собаки и след простыл.

— Держи-Хватай! — позвал он. — Держи-Хватай!

Никакого ответа.

— Наверно, подлая собака опять погналась за каким-нибудь зайцем. За десять лет я так и не мог отучить ее от старой привычки!

Не слыша в ответ ни звука, он снова позвал:

— Держи-Хватай!

— Я здесь, хозяин! Здесь! — жалобно ответил ему придушенный голос откуда-то сверху.

Сыщик поднял голову и сквозь листья дуба увидел свою собаку где-то между верхних ветвей дерева.

— Что ты там делаешь? — строго спросил он. — Нечего сказать, нашла время лазить по деревьям! Ты что думаешь, мы с тобой в игрушки играем? Слезай немедленно! Бандиты не ждут. Если мы потеряем их след, кто же освободит пленницу?

— Хозяин, не сердитесь! Сейчас я вам все объясню... — провизжала собака, тщетно пытаясь освободиться из западни.

— Нечего тут объяснять! — продолжал возмущенный мистер Моркоу. — Я и без твоего вранья прекрасно понимаю, что тебе не хочется преследовать бандитов и ты предпочитаешь гоняться за белками на ветвях деревьев. Только тебе это даром не пройдет!

Я, самый знаменитый в Европе и в Америке сыщик, не могу держать у себя на службе бездельницу, которая не пропустит ни одного дерева, не поддавшись искушению взобраться на него. Что и говорить, подходящее местечко для моего помощника!.. Прощай! Ты уволена.

— Хозяин, хозяин, дайте же мне хоть слово сказать!

— Говори что хочешь, но я не намерен тебя слушать. У меня есть дела поважнее. Я обязан выполнить свой долг, и ничто не остановит меня на этом пути. А ты гоняйся за белками сколько твоей душе угодно. Желаю тебе найти более веселую должность и менее строгого хозяина. А себе я подыщу помощника посерьезнее. Еще вчера я приглядел в парке славного пса по имени Мاستино. Он как раз по мне: честный, скромный и достойный пес. Ему-то небось никогда не придет в голову охотиться за гусеницами на дубах... Итак, прощай, легкомысленная и неверная собака! Больше мы не увидимся.

Слыша такие оскорбления и упреки, бедная собака залилась горькими слезами.

— Хозяин, хозяин, будьте осторожнее в пути, не то с вами случится то же, что и со мной!

— Брось эти глупые шутки, старая пустолайка! Я еще никогда в жизни не лазил ни на какие деревья. И уж конечно, не собираюсь следовать твоему примеру, забывая свои прямые обязанности...

Но в тот самый миг, когда мистер Моркоу произносил эту негодующую речь, он почувствовал, как что-то схватило его поперек туловища с такой силой, что у него прервалось дыхание.

Он услышал, как щелкнула пружина, и почувствовал, что летит вверх, раздвигая листву того самого дуба, на верхушке которого находилась его собака. Когда этот короткий полет был окончен, сыщик увидел перед собой ее хвост. Так же как собака, мистер Моркоу был крепко притянут к стволу прочной веревкой.

— Я же говорила, говорила вам! — жалобно повторяла со-

бака, виляя обрубком хвоста.— А вы не захотели меня выслушать...

Мистер Моркоу делал необыкновенные усилия, чтобы сохранить свое достоинство в столь неудобной позе.

— Ты мне ничего, ровно ничего не сказала! — процедил он сквозь зубы.— Твой долг был предупредить меня о ловушке, вместо того чтобы тратить время на пустую болтовню!

Собака прикусила язык, чтобы не ответить на несправедливый упрек. Она отлично понимала душевное состояние своего хозяина и не желала вступать с ним в спор.

— Итак, мы в западне,— сказал задумчиво мистер Моркоу.— Теперь мы должны сообразить, как нам из нее выбраться.

— Это вам будет не так-то легко! — послышался тонкий голосок откуда-то снизу.

«Какой знакомый голос! — подумал мистер Моркоу.— Ах да, это она — пленница, которая звала меня на помощь!»

Он посмотрел вниз, ожидая увидеть страшных бандитов с ножами в зубах и среди них пленную принцессу, но вместо этого увидел компанию ребят, которые катались по земле от смеха.

Это были Редиска, Картошечка, Фасолинка и Томатик. Они хохотали, обнимались и плясали под ветвями дуба, напевая песенку, которую тут же придумали:

Ду-ду-ду! Ду-ду-ду!
Радость и веселье!
Две собаки на дубу
Рядышком висели...

— Синьоры,— сказал, нахмутив брови, знаменитый сыщик,— будьте добры объяснить, кто вы такие и чему вы радуетесь.

— Мы не синьоры,— ответила Фасолинка,— мы бандиты!

— А я — бедная пленница!

— Сейчас же помогите мне спуститься на землю, иначе я буду вынужден принять самые суровые меры. Слышите?

— Факт, факт! О-очень суровые меры,— пролаяла собака, яростно размахивая обрубком хвоста.

— Я думаю, вам вряд ли удастся принять суровые меры, пока вы будете оставаться в этом положении,— сказала Редиска.

— А уж мы постараемся, чтобы вы провисели как можно дольше,— добавил Томатик.

Мистер Моркоу замолчал, не зная, что ответить. Он понял, что дело принимает серьезный оборот.

— Положение ясное, но довольно безвыходное,— прошептал он своей собаке на ухо.

— Факт, факт! О-очень ясное, но совершенно безвыходное! — печально подтвердила собака.

— Мы в плену у банды ребят,— продолжал сыщик.— Какой позор для меня! К тому же, по-видимому, эти ребята сговорились с беглецами поймать нас в ловушку, чтобы мы потеряли их следы.

— Факт, факт! Сговорились! — подтвердила собака.— Я только удивляюсь, как ловко они подстроили эту западню!

Верная помощница сыщика удивилась бы, конечно, еще больше, если бы знала, что западню устроил Вишенка собственными руками. Он прочел много книг с приключениями и знал всяческие охотничьи уловки.

Вот он и придумал, как поймать в ловушку сыщика, не прибегая на этот раз к помощи Чиполлино.

Как видите, затея ему великолепно удалась. Из-за куста украдкой поглядывал он теперь на двух попавших в западню хищников и был очень доволен своей выдумкой.

«Вот мы и вывели из строя на время двух опасных врагов», — подумал он и пошел домой, радостно потирая руки.

А Редиска и остальные ребята отправились в пещеру, чтобы рассказать обо всем Чиполлино. Но в пещере они никого не нашли — она была пуста, пепел костра остыл. Очевидно, огонь не разводили уже по крайней мере два дня.

Глава семнадцатая
*Чиполлино заводит дружбу
с очень симпатичным Медведем*

Вернемся, как говорится в книгах, немного назад — точнее, на два дня назад. Иначе нам не удастся узнать, что же случилось в пещере.

Кум Тыква и кум Черника никак не могли примириться с утратой домика. Они так привязались к этим ста восемнадцати кирпичам, что им казалось, будто они потеряли сто восемнадцать сыновей. Несчастье сблизило их, и они стали закадычными друзьями. В конце концов кум Тыква пообещал куму Чернике:

— Если только нам удастся освободить наш домик, мы будем жить в нем вместе!

Кум Черника даже прослезился при этих словах. Как видите, кум Тыква уж не говорил «мой» домик, а называл его «нашим» домиком. Так же стал его называть и кум Черника, хотя из-за этого домика он потерял свою драгоценную половинку ножниц, ржавую бритву, полученную в наследство от прадеда, и другие сокровища.

Один раз друзья чуть не поссорились, заспорив о том, кто же из них двоих больше любит домик. Кум Тыква считал, что кум Черника не может любить его так, как он.

— Я работал всю жизнь, чтобы его построить. Я собирал по кирпичику!

— Да, но вы в нем так мало жили, а я прожил почти целую неделю!

Однако такие споры быстро кончались. Наступал вечер, а вечером было гораздо важнее защищать пещеру от нападения волков, чем ссориться.

В этом лесу жили волки, медведи и другие дикие звери. Поэтому каждую ночь нужно было разводить вокруг пещеры большой костер, чтобы держать зверей в отдалении. Конечно, существовала опасность, что огонь заметят и в замке. Но что же делать! Нельзя же отдавать себя на съедение волкам.

Волки подбирались очень близко к пещере и бросали жадные взгляды на круглую и толстенную куму Тыквочку. Должно быть, она казалась им особенно вкусной.

— Нечего на меня так смотреть! — кричала волкам кума Тыквочка. — Вы от меня никогда и полпальца не получите!

Волки были так голодны, что начинали жалобно выть.

— Кума Тыквочка, — говорили они, далеко обходя костер, чтобы не обжечься, — ну дайте нам хоть пальчик! Что вам стоит? У вас ведь их десять на руках и десять на ногах, а всего, значит, целых двадцать пальцев!

— Для диких зверей вы неплохо знаете арифметику, — отвечала кума Тыквочка, — но и это вам не поможет!

Волки немного ворчали, а потом убирались прочь. Чтобы утешиться, они растерзали всех зайцев в окрестностях.

Позже явился Медведь и тоже стал заглядываться на куму Тыквочку.

— Вы мне очень нравитесь, синьора Тыквочка! — сказал он.

— Вы мне тоже, синьор Медведь, но мне бы еще больше понравился ваш окорок.

— Что такое вы говорите, синьора Тыквочка! А вот я с удовольствием съел бы вас целиком.

Чиполлино кинул в непрошеного гостя сырую картофелину:

— Попробуйте удовольствоваться вот этим!

— Я всегда ненавидел все ваше семейство, Чиполлино, — ответил Медведь, разозлившись. — От вас только слезы льются. Не понимаю, как это некоторые могут любить лук!

— Послушайте-ка, синьор Медведь, — предложил Чиполлино, — напрасно вы подстерегаете нас каждый вечер. Вы же прекрасно знаете, что это бесполезно: у нас в запасе так много спичек, а в лесу так много хвороста, что мы можем разводить каждую ночь костер и держать вас подальше от нашего жилища. Чем быть врагами, не попытаться ли нам стать друзьями?

— Видано ли когда-нибудь, — буркнул Медведь, — чтобы Медведь дружил с Чиполлино, с луковицей!

— А почему бы и нет? — возразил Чиполлино. — На этом свете вполне можно жить в мире. Для всех на земле есть место — и для медведей, и для луковиц.

— Места-то хватит для всех, это верно. Но зачем же тогда люди ловят нас и сажают в клетку? Должен вам сказать, что мой отец и мать находятся в плену в зоологическом саду при дворце правителя.

— Значит, мы с вами товарищи по несчастью: мой отец тоже в плену у правителя.

Услышав, что отец Чиполлино находится в заключении, Медведь смягчился:

— И давно он там сидит?

— Уже много месяцев. Он приговорен к пожизненному заключению, но ему не выйти оттуда и после смерти, потому что при тюрьмах правителя имеются кладбища.

— Вот и моим родителям суждено просидеть в клетке всю жизнь. И пожалуй, они тоже не выйдут из заключения после смерти, потому что будут похоронены в саду правителя... — Медведь глубоко вздохнул. — Что ж, если хотите, — предложил он, — будем и в самом деле друзьями. Собственно говоря, у нас

нет никаких причин враждовать друг с другом. Мой прадед, знаменитый бурый Медведь, рассказывал, что он слышал от стариков, будто когда-то, в незапамятные времена, в лесу все жили в мире. Люди и медведи были друзьями, и никто не делал зла другому.

— Эти времена могут вернуться, — сказал Чиполлино. — Когда-нибудь мы все станем друзьями, люди и медведи будут вежливо обращаться друг с другом и при встречах снимать шляпы.

Медведь, казалось, был в затруднении.

— Так, значит, — сказал он, — мне придется купить шляпу — у меня ведь ее нет.

Чиполлино засмеялся:

— Ну, это ведь только так говорится! Вы можете здороваться на свой лад — кланяться или приветливо махать лапой.

Медведь поклонился и помахал лапой.

Мастер Виноградинка так удивился этому, что схватил шило и почесал затылок.

— Никогда в жизни не видал я такого учтивого медведя! — произнес он растерянно.

Синьор Горошек по своей адвокатской привычке отнесся ко всему этому крайне недоверчиво.

— Я не очень-то полагаюсь на медвежью дружбу, — предостерег он. — Медведь умеет и притворяться. Это очень лукавое животное.

Но Чиполлино не согласился с адвокатом. Он сделал в костре проход и дал Медведю возможность добраться до пещеры, не опалив шкуры. Медведь еще раз помахал лапой, а Чиполлино представил его всей компании, как своего доброго знакомого.

Профессор Груша, который как раз к этому времени закончил починку своего инструмента, устроил в честь Медведя скрипичный концерт.

Медведь любезно согласился потанцевать ради своих новых друзей, и таким образом обитатели пещеры и лесной гость провели очень приятный вечер.

Когда Медведь наконец распростился с хозяевами, чтобы отправиться спать, Чиполлино вызвался проводить его немного.

Видите ли, Чиполлино не любил говорить о своих горестях, но на душе у него было тяжело. В этот вечер он снова вспомнил старика отца, томящегося в тюрьме, и ему захотелось поделиться своим горем с Медведем.

— Что-то подделывают сейчас наши родители! — сказал Чиполлино своему мохнатому спутнику, когда они вышли из пещеры.

— О моих родителях я кое-что слышал, — ответил Медведь. — Я никогда не был в городе, но мой приятель, Зяблик, часто приносит мне весточку об отце и матери. Он говорит, что они никогда глаз не смыкают: и днем и ночью мечтают о свободе. А я и не знаю толком, что такое свобода. Я бы предпочел, чтобы они думали обо мне. Ведь я, в конце концов, их сын!

— Быть свободным — это значит не быть рабом своего хозяина, — ответил Чиполлино.

— Но правитель — не такой уж плохой хозяин. Зяблик рассказывал мне, что отца и мать в клетке сытно кормят и они даже иногда развлекаются, глядя, как люди ходят мимо их решетки. Правитель любезно посадил их в такое место, где по праздникам гуляет много народу. И все-таки они очень хотят вернуться в лес. Только Зяблик говорит, что это невозможно, потому что клетка железная и решетка очень крепкая.

Чиполлино вздохнул в свою очередь:

— Да, выбраться из неволи не так-то легко! Когда я навестил моего отца в тюрьме, я очень внимательно осмотрел и ощупал стены. Сломать их или проделать в них дыру невозможно. Но, несмотря на это, я все же обещал отцу освободить его и когда-нибудь сдержу свое слово.

— Ты, видно, храбрый паренек, — сказал Медведь. — Я бы тоже хотел освободить своих родителей, но я не знаю дороги в город и боюсь заблудиться.

— Послушай-ка, — внезапно сказал Чиполлино, — у нас с тобой вся ночь впереди. Посади-ка меня к себе на плечо — и мы еще до полуночи будем в городе.

— Что ты собираешься делать? — спросил Медведь дрожащим голосом.

— Пойдем навестим твоих родителей. Их легче увидеть, чем моего отца.

Медведь не заставил себя просить дважды: он слегка наклонился, Чиполлино живо вскарабкался к нему на спину, и они помчались в город. Чиполлино показывал дорогу.

— Направо! — командовал он Медведю. — Налево! Прямо! Опять налево!.. Ну вот мы и у ворот города. Зоологический сад вон в той стороне. Пойдем побыстрее, чтобы нас не заметили случайные прохожие. И постарайся не рычать.

Глава восемнадцатая

*Тюлень, у которого
был слишком длинный язык*

В зоологическом саду царила глубокая тишина.

Сторож спал в слоновнике, положив под голову, как подушку, хобот Слона. Он спал очень крепко и не проснулся, когда Чиполлино с Медведем тихонько постучали в дверь слоновника.

Слон осторожно переложил голову сторожа на солому, вытянул хобот и, не сходя с места, открыл дверь, пробормотав:

— Войдите.

Наши двое друзей вошли озираясь.

— Добрый вечер, синьор Слон! — сказал Чиполлино. — Извините, пожалуйста, что мы потревожили вас в такой поздний час.

— О, ничего, ничего! — отвечал Слон. — Я еще не спал. Я пытался отгадать, что может сниться моему сторожу. По снам можно узнать, хорош человек или дурен.

Слон был старым индийским философом, и ему всегда приходили в голову очень странные мысли.

— Мы просим вашей помощи, — продолжал Чиполлино, — потому что знаем, как вы мудры. Не можете ли вы посоветовать нам, каким образом освободить из плена родителей вот этого Медведя, моего друга?

— Что ж,— задумчиво пробормотал старый Слон,— пожалуйста, я и мог бы дать вам совет, но только к чему это? В лесу не лучше, чем в клетке, а в клетке не хуже, чем в лесу... Не знаю, прав я или нет, но мне кажется, что каждый должен оставаться на своем месте... Впрочем, если вы уж очень этого хотите,— добавил он неожиданно,— я могу вам сказать, что ключ от клетки с медведями находится в кармане у этого спящего человека, моего сторожа. Я попытаюсь вытащить ключ, не разбудив его. Сон у него крепкий. Надеюсь, он ничего не почувствует.

По правде сказать, Чиполлино и Медведь сильно сомневались в успехе этой сложной операции, однако Слон так ловко и осторожно действовал своим послушным и гибким орудием — хоботом, что сторож и в самом деле ровно ничего не почувствовал.

— Вот вам ключи,— сказал Слон, вытаскивая кончик хобота с ключами из кармана сторожа.— Только не забудьте, пожалуйста, принести мне их потом обратно.

— Будьте спокойны,— сказал Чиполлино,— и примите нашу благодарность. А вы не хотели бы бежать вместе с нами?

— Если бы у меня когда-нибудь было намерение бежать, то я, разумеется, не стал бы ждать вашего прибытия и вашей помощи. Желаю успеха!

И, вновь положив голову сторожа на хобот, Слон стал нежно покачивать ее, чтобы крепче усыпить своего тюремщика и не дать ему проснуться раньше времени.

Чиполлино и Медведь выскользнули из слоновника и направились к той клетке, где жили медведи. Они старались ступать как можно тише, но не прошли и нескольких шагов, как их кто-то окликнул:

— Эй, эй, синьор!

— Ш-ш-ш...— испуганно прошептал Чиполлино.— Кто это меня зовет?

— Ш-ш-ш...— повторил хриплый голос.— Кто это меня зовет?

— Да не поднимай шума, сторож проснется!

Голос подхватил:

— Не поднимай сторожа, шум проснется!.. Ах я дуррак, дуррак! — добавил он тут же.— Я все перепутал!

— Да это же Попугай! — прошептал Чиполлино Медведю.— Он повторяет все, что слышит. Но так как он ничего не понимает из того, что слышит, то часто говорит все наизусть. Впрочем, он добрый малый и никому не желает зла.

Медведь вежливо поклонился Попугаю и спросил его:

— Не скажете ли, синьор Попугай, где здесь клетка с медведями?

Попугай повторил:

— Не скажете ли, синьор Медведь, где здесь клетка с попугаями? Ах я дуррак, дуррак, я опять сбился!

Видя, что от Попугая толку не добьешься, друзья тихонько пошли дальше. Из-за решетки их окликнула Обезьяна:

— Послушайте, синьоры!..

— У нас нет времени, — ответил Медведь. — Мы очень спешим.

— Уделите мне только одну минутку: вот уже два дня, как я пытаюсь разгрызть орех, и мне это никак не удается. Помогите мне, пожалуйста!

— Подождите немного. На обратном пути мы вам поможем, — сказал Чиполлино.

— Эх, это вы только так говорите! — сказала Обезьяна, покачав головой. — Да ведь, впрочем, и я только так, для разговора. На что мне этот орех, да и все орехи в мире! Я бы хотела снова быть в моем родном лесу, прыгать с ветки на ветку и швырять кокосовые орехи прямо в голову какому-нибудь путешествующему бездельнику. Для чего ж тогда и растут кокосовые орехи, если в лесу нет обезьян, которые бы могли запустить орехом в чью-нибудь голову? Нет, я спрашиваю вас, для чего же нужны путешественники, если некому стучать их кокосовыми орехами по голове? Я уже и не помню, когда это я в последний раз попала орехом в бритую красную голову приезжего незнакомца... Так приятно было целиться в эту голую макушку! Я помню, как...

Но Чиполлино и Медведь были уже далеко и не слышали больше ее болтовни.

— Обезьяны, — сказал Чиполлино Медведю, — очень легкомысленные и вздорные особы. Они начинают говорить об этом, потом о другом, и никогда нельзя сказать, чем кончится их болтовня. Однако я от души жалею эту бедняжку. Почему ей не спится? Думаешь, потому, что не может разгрызть орех? Нет, она не спит потому, что тоскует о своем далеком юге, о горячем солнце, о кокосовых пальмах и бананах.

Лев тоже не спал. Он посмотрел на проходящих уголком глаза, но даже не повернул головы, чтобы узнать, куда они идут. Это был благородный и гордый зверь, и его ничуть не интересовало, кто проходит мимо его решетки и по каким делам.

Наконец Чиполлино и Медведь добрались до медвежьей клетки.

Бедные старики сразу узнали своего мохнатого сына. Они протянули к нему лапы и стали целовать его сквозь решетку.

Пока они целовались, Чиполлино открыл дверцу клетки и сказал:

— Да перестаньте же вы плакать! Клетка ваша открыта, и, если вы этим не воспользуетесь, пока не проснется сторож, не мечтайте больше о свободе!

Когда в конце концов оба пленника вышли из клетки, они бросились обнимать своего косолапого сына, от которого их больше не отделяли железные прутья решетки. Крупные слезы текли по их мохнатым щекам.

Чиполлино был растроган до глубины души.

«Бедный мой отец! — думал он. — Я тоже буду без конца целовать тебя в тот день, когда мне удастся распахнуть двери твоей тюрьмы!»

— Пора, пора уходить! — сказал он медведям негромко, но внятно. — Нам нельзя медлить.

Но старики захотели сначала попрощаться с семьей белых медведей, живших около пруда, потом пожелали заглянуть к жирафу, который, однако, в это время крепко спал.

Спали и другие животные, но весть об уходе медведей вскоре облетела все уголки зоологического сада и разбудила его обитателей.

Медведей здесь очень любили. Впрочем, и у них нашлись враги. Так, например, их терпеть не мог Тюлень, который считал их ближайшими родичами белых медведей.

Узнав, что медведи убежали из клетки, Тюлень начал так

громко реветь, что разбудил сторожа, все еще спавшего сладким сном.

— Что случилось? — спросил он у Слона, зевая.

— Право, не знаю... — задумчиво ответил старый мудрец. — Да и что может случиться? В мире больше не случается ничего

нового, значит, ничего нового не произошло и сегодня ночью. Это только в кино каждые десять минут происходят какие-нибудь приключения.

— Может быть, ты и прав, — согласился сторож, — но все-таки надо поглядеть.

Едва он вышел из слоновника, как наткнулся на беглецов.

— Караул! — закричал он. — На помощь!

Проснулись все его помощники и в несколько минут оцепили зоологический сад. Бегство стало невозможным.

Чиполлино и трое медведей бросились в пруд и притаились, высунув из воды только головы. К несчастью, они попали в тот самый пруд, где жил Тюлень.

— Хе-хе-хе! — злорадно засмеялся кто-то за их спиной.

Это и был Тюлень собственной персоной.

— Надеюсь, синьоры позволят мне посмеяться немного, — сказал он. — У меня сегодня очень хорошее настроение.

— Синьор Тюлень, — попросил его Чиполлино, дрожа от холода, — я понимаю ваше веселье. Но неужели вы находите возможным смеяться над нами в ту минуту, когда нас разыскивают?

— Вот это-то меня и радует! Я сейчас позову сторожа и попрошу его выудить вас из пруда. Ведь вы же не водоплавающие!

И Тюлень в самом деле направился к другому берегу звать сторожа и его помощников. Медведей мгновенно выудили, и не двух, а целых трех. Это очень удивило сторожа. Но еще больше он удивился, обнаружив среди медведей какое-то существо неизвестной породы, которое, однако, заговорило человеческим языком:

— Синьор Сторож, как видите, это явное недоразумение. Я не медведь!

— Я и сам это вижу. Но что же ты делал в пруду?

— Я купался.

— Тогда я прежде всего тебя оштрафую, потому что в общественных местах купаться строжайше воспрещено.

— У меня нет при себе денег, но если вы будете так любезны...

— Я вовсе не любезен и пока не получу с тебя штрафа, ты посидишь у меня в клетке с обезьянами. Ты там проведешь ночь, а утром мы посмотрим, что с тобой делать.

Обезьяна радушно встретила гостя и, не дав ему опомниться, принялась болтать так же бессвязно и путано, как и раньше.

— Я рассказывала вам,— говорила она, раскачиваясь на хвосте,— о путешественнике с красной и бритой головой. Если я говорю, что у него голова была красная и бритая, значит, так оно и было. Я никогда не вру, то есть вру только в случае крайней необходимости, разумеется. Однако, знаете, я люблю приврать. Да-да... У вранья какой-то особый приятный вкус... Иной раз...

— Послушайте,— попросил ее Чиполлино,— не могли бы вы отложить свои признания до завтрашнего утра? Мне очень хочется спать.

— Может быть, спеть вам колыбельную? — предложила Обезьяна.— Баюшки-баю...

— Нет, спасибо. Я и так засну.

— Прикрыть вас одеялом?

— Но ведь здесь нет одеял!

— Конечно, нет,— пробурчала Обезьяна.— Я это предложила из вежливости, но если вы хотите, чтобы я была невежливой, то пожалуйста!

Сказав это, обиженная Обезьяна повернулась к нему спиной и замолчала.

Чиполлино, конечно, воспользовался наступившей тишиной, чтобы немедленно заснуть. Напрасно Обезьяна ожидала, что Чиполлино попросит ее обернуться. Не дождавшись его просьбы, она решила сменить гнев на милость и снова заговорить с ним. Однако, повернувшись к мальчику, она увидела, что он крепко спит.

Еще больше разобидившись, Обезьяна ушла в уголок, свернулась в клубочек и принялась наблюдать за спящим.

Чиполлино пробыл в обезьяньей клетке целых два дня. Дети, которых приводили в зоологический сад их мамы и няньки, смотрели на него с восхищением: они никогда еще не видели обезьяны, одетой так же, как и они сами.

Только на третий день бедному Чиполлино, которого вконец извела соседка-обезьяна, удалось послать записочку Вишенке. Тот приехал в город с первым же поездом, заплатил за Чиполлино штраф и освободил его из плена.

Пересчитав деньги, сторож сердечно попрощался со своим пленником и даже попросил его почаще заглядывать в зоологический сад.

— Ладно, ладно! — ответил Чиполлино, торопясь на поезд.

По дороге он прежде всего справился у Вишенки о своих друзьях, оставшихся в пещере, и очень встревожился, узнав, что они бесследно исчезли.

— Не понимаю, — сказал он, пожимая плечами. — В этом убежище они были в полной безопасности. Что же заставило их покинуть пещеру?

Глава девятнадцатая

Путешествие в веселом поезде

Выйдя из зоологического сада, Чиполлино с Вишенкой сели в поезд.

Об этом поезде я вам еще ничего не рассказывал. Это был удивительный поезд: он состоял только из одного вагона, и все места в нем были у окон, так что отовсюду были очень хорошо видны поля, леса, горы, станции и встречные поезда. Вы понимаете, как это важно для ребят, едущих в поезде! Сиди себе у окна и смотри, сколько твоей душе угодно.

В поезде были устроены особые приспособления для толстых пассажиров: углубления с полками, на которые толстяки клали свои животы. Так им было очень удобно ехать, и они никому не мешали.

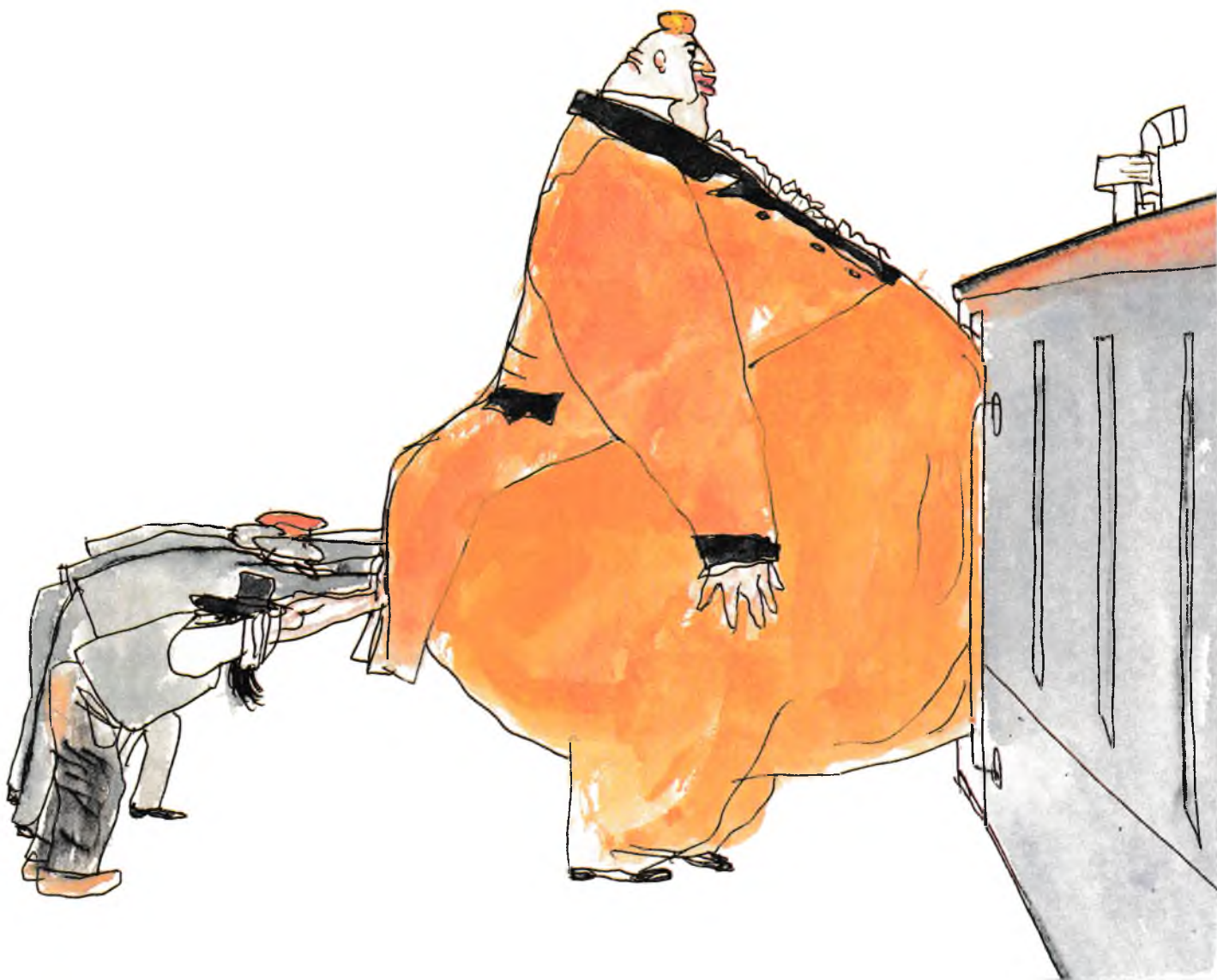
Когда Чиполлино с Вишенкой садились в поезд, они вдруг услышали голос тряпичника Фасоли:

— Смелее, смелее, синьор барон! Еще одно усилие — и мы с вами будем в вагоне!

Оказалось, что в поезд садился барон Апельсин. Понятно, из-за толстого живота посадка была для него очень трудным делом. Бедный тряпичник никак не мог втолкнуть барона в вагон.

К нему на помощь явились двое носильщиков, но и втроем им не удалось протиснуть пассажира в дверь вагона. В конце концов прибежал начальник станции и тоже уперся обеими руками в спину барона. К несчастью, начальник станции совсем позабыл, что во рту у него свисток, и нечаянно свистнул.

Машинист решил, что это сигнал к отправлению, и повернул рычаг. Поезд тронулся.

— Стой, стой! — закричал начальник не своим голосом.

— Помогите! — завопил барон Апельсин, багровея от страха.

Однако ему повезло: когда поезд тронулся, произошел такой сильный толчок, что барон втиснулся наконец в вагон. Толстяк вздохнул с облегчением, положил свой живот на полку в углублении вагона и сейчас же развернул сверток, в котором был целый жареный барашек.

Благодаря всей этой кутерьме Вишенка и Чиполлино проскользнули в вагон незамеченными.

Во время путешествия барон был слишком занят едой, чтобы обратить внимание на мальчиков. Правда, Фасоль сразу же заметил их, но Вишенка приложил палец к губам, призывая его к молчанию, и тряпичник знаками показал, что он все понял и не раскроет рта.

Но расстанемся пока с нашими двумя друзьями, которые удобно устроились в вагоне под самым носом у барона Апельсина, опьяненного ароматом жареного барашка, и посмотрим, что делается в других местах.

В те самые минуты, когда поезд проходил мимо знакомого нам леса, какой-то дровосек пришел на помощь сыщику и его собаке и снял их с дуба, на котором они провисели почти два дня.

Сыщик и его собака размяли ноги и помчались продолжать свои поиски.

Проводив их удивленным взглядом, дровосек принялся было рубить дуб, как вдруг перед ним появился целый взвод Лимончиков с офицером Лимоном во главе.

— Смирно! — скомандовал офицер. — Руки по швам!

Дровосек уронил топор и вытянул руки по швам.

— Не видел ли ты здесь собаку и ее хозяина?

Дело в том, что в замке были очень обеспокоены таинственным исчезновением мистера Моркоу и его собаки и решили послать целый взвод полицейских на розыски. Дровосек, как и все бедняки, не очень-то доверял полиции. Человек и собака, кото-

рых он нашел привязанными к дубу, вели себя очень странно: едва он их освободил, они легли на землю, прислушались к отдаленным звукам и бросились бежать как сумасшедшие. Дровосеку они и в самом деле показались сумасшедшими. Ни за что в мире не хотел бы он выдать их полицейским, которые, очевидно, собирались арестовать тех, кого искали.

— Человек и собака только что были здесь и пошли вон туда,— сказал он, показывая в противоположную сторону.

— Вот и прекрасно! — воскликнул офицер Лимон.— Значит, мы сейчас их догоним... Смирно!

Дровосек снова вытянул руки по швам, а потом вытер со лба пот и стал рубить свой дуб, глядя вслед Лимону и Лимончикам, которые с каждым шагом удалялись от тех, кого искали.

Не прошло и четверти часа, как дровосек опять услышал быстрые шаги, и перед ним появились запыхавшиеся и усталые мастер Виноградинка, кум Тыква, кум Черника, адвокат Горошек, скрипач Груша и кума Тыквочка. Они перевели дух и спросили, не видал ли дровосек паренька по имени Чиполлино.

— Я не знаю вашего Чиполлино,— сказал дровосек растерянно,— но здесь не было никакого паренька.

— Если Чиполлино забредет сюда, передайте ему, пожалуйста, что мы его уже два дня ищем,— сказал мастер Виноградинка, который, по-видимому, был начальником экспедиции.

Вся эта компания умчалась также поспешно, как и предыдущая.

Прошло около часа, и подрубленное дерево уже готово было повалиться на землю, когда из чащи вышли Чиполлино и Вишенка. Вишенка решил не возвращаться домой, пока он не поможет Чиполлино найти пропавших друзей. Узнав, что одного из мальчиков зовут Чиполлино, дровосек в точности передал ему слова мастера Виноградинки. Тут только оба мальчика поняли, что беглецы покинули пещеру для того, чтобы искать пропавшего Чиполлино.

Так разъяснилась тайна их исчезновения.

Мальчики простились с дровосеком, и он опять остался один. Но до наступления вечера его ожидало еще очень много встреч и приключений.

Сначала к нему явились Редиска и другие ребята, которые тоже искали Чиполлино, потом притащился не кто иной, как синьор Помидор в сопровождении синьора Петрушки. Они разыскивали Вишенку и были совершенно уверены, что его похитили беглецы, скрывающиеся в лесу.

Наконец, перед самым заходом солнца, дровосек услышал целый оркестр колокольчиков. Сначала он подумал, что это возвращаются полицейские, которые допрашивали его утром. Однако на этот раз в лес пожаловал сам принц Лимон, собственной персоной.

Озабоченный тем, что его верная стража так долго не возвращается, он сам пустился в путь, ей навстречу. В одной карете с ним ехали графини Вишни. Польщенные тем, что им довелось сопровождать принца, они весело и непринужденно болтали, будто ехали не по делу, а на охоту.

Дровосек попытался было спрятаться за деревьями: он знал, что бедняки не должны показываться на глаза принцу, потому что это вредно для желудка и печени его высочества. Но один из придворных, старый, сморщенный Лимон, сидевший в карете справа от его высочества, заметил дровосека и окликнул его:

— Эй ты, оборванец!

— Что угодно вашей милости? — пролепетал дровосек.

— Не видел ли ты тут взвода полицейских?

Дровосек, как вы знаете, повидал за этот день не только взвод полицейских, но и много самого разнообразного народа. Однако когда разговариваешь с принцем Лимоном, всегда лучше сказать, что ничего и никого не видел.

Так дровосек и ответил: знать, мол, ничего не знаю, ведать не ведаю. Если бы он сказал: «Да, я их видел», — ему бы, конечно,

задали много других вопросов и, может быть, в конце концов ни за что ни про что засадили бы в тюрьму. А на нет, как говорится, и суда нет.

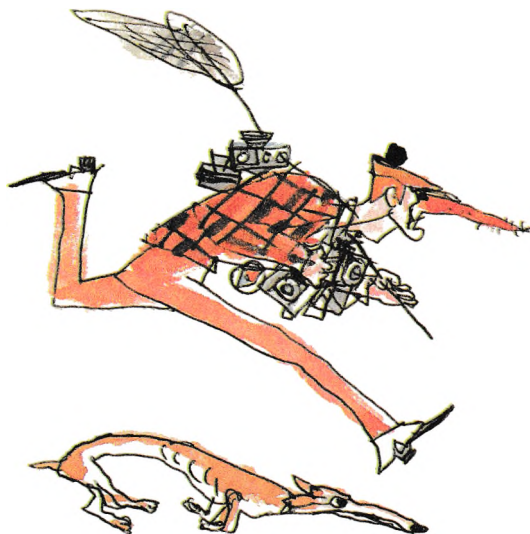
Принц и его свита направились в ту же сторону, что и взвод полицейских.

Вечер наступил быстро. Ради краткости и занимательности нашей истории скажем, что сразу настала темнота. В темноте приключения всегда интереснее — особенно в тех случаях, когда речь идет о побегах, поисках, погоне.

А ведь в ту минуту, когда на лес спускается ночная тьма, все действующие лица нашей повести заняты именно поисками и погоней. Сыщик и его собака ищут беглецов; полицейские ищут сыщика; принц ищет полицейских; мастер Виноградинка и его друзья отправились на поиски Чиполлино; Чиполлино и Вишенка разыскивают мастера Виноградинку; Редиска ищет Чиполлино; кавалер Помидор и синьор Петрушка ищут Вишенку.

А под землей — вы, наверно, об этом и не подумали — старый Крот ищет всех сразу. Накануне он наведлся в пещеру, в которой жили пленники, и нашел там записку: «Чиполлино исчез. Идем его разыскивать. Если что-нибудь узнаете, сообщите нам».

Как только Крот прочел эти слова, он начал усердно рыть ходы во все стороны. Работая, он слышал, как по лесу над его головой все время ходили люди поодиночке или целыми отрядами. Но все они пробегали так быстро, что, вылезая на поверхность, Крот уже никого не находил. Одних только волков не слышно было в этот вечер. Волки думали, что на них идет облава, и спрятались в самой глубине леса.

Глава двадцатая

Герцог Мандарин и желтая бутылка

После того как графини с принцем уехали в карете, барон Апельсин и герцог Мандарин остались полными хозяевами замка. Кроме этих двух весьма почтенных особ, в комнатах не было ни души. Прислуга, конечно, в счет не шла.

Герцог первый обнаружил, что все обитатели замка их покинули. По своему обыкновению, он взобрался на подоконник и стал угрожать, что бросится вниз и разобьется вдребезги, если... Но некому было слушать его угрозы.

«Странно! — раздумывал герцог, приставив палец ко лбу. — Обе кухни должны были бы уже давно услышать мои крики и примчаться ко мне на помощь. Почему же никто не отзывается? Может быть, я недостаточно громко кричу?»

Герцог взвизгнул еще несколько раз, а затем осторожно спустился с подоконника и пошел к барону.

— Дорогой кузен... — сказал он, входя.

— М-м-м... — промычал барон, выплевывая крылышко цыпленка, которое стало ему поперек горла.

— Знаете новость?

— Привезли кур в курятник? — спросил барон Апельсин,

который только в этот день убедился, что истребил всех пернатых в замке и в деревне и теперь доедал последнего тощего цыпленка.

— Да что там куры! — ответил герцог. — Мы остались одни, одни! Нас бросили... Замок покинут...

Барон встревожился:

— Так кто же приготовит нам ужин?

— Вы только и беспокоитесь, что об ужине! А что, если бы нам с вами воспользоваться отсутствием наших дорогих хозяек и осмотреть погреб замка? Я слышал, что там много вин самых дорогих марок.

— Не может быть! — воскликнул барон. — За столом нам подают только дрянное вино, от которого у меня надолго остается изжога и отрыжка.

— Вот именно, — сказал герцог. — Нам-то они дают плохое вино, а у себя в погребе прячут хорошее. Его будут подавать на стол, когда вы уедете отсюда.

По правде сказать, герцогу не так уж важно было вино — ему хотелось на свободе обследовать подвалы, потому что он слышал, будто в одной из стен графини замуровали сокровища, доставшиеся им в наследство от старого графа Вишни.

— Если дела обстоят так, как вы говорите, — решил разгневанный барон, — то нам следует спуститься в погреб и удостовериться собственными глазами. Наши кузины совершают тяжкий грех, если они в самом деле прячут от нас хорошие вина. Нужно откупорить их винные бочки и спасти их души! По-моему, это наш долг.

— Однако же, — продолжал герцог, наклоняясь к уху барона, — лучше было бы отпустить на сегодня вашего... как его зовут? Фасоль, что ли? Пойдем в погреб без него. Я сам повезу вашу тачку.

Барон сейчас же согласился, и Фасоль получил отпуск на весь вечер.

Но почему же, спросите вы, герцог не пошел в погреб один, если уж он хотел найти спрятанные там сокровища? Да потому, что, если бы их застали врасплох, он мог бы свалить всю вину на барона Апельсина. У него уже был заранее заготовлен ответ:

«Мне пришлось сопровождать барона помимо моей воли. Он искал бутылку вина, чтобы утолить жажду».

Все это герцог хорошо обдумал, но спуститься в погреб оказалось нелегким делом и для него и для барона. Барон тяжело переводил дух, а герцог обливался потом, толкая тачку, на которой лежал живот барона. Тачка оказалась тяжелехонькой — хорошо еще, что везти ее пришлось не вверх, а вниз и ступенек было не так уж много. О возвращении из погреба герцог пока не думал. «Как-нибудь выберусь», — говорил он себе.

Под тяжестью живота барона тачка покатилась вниз по ступенькам с такой скоростью, что, если бы окованная медью дверь погреба была закрыта, герцог и барон неминуемо расшиблись бы в лепешку. Однако, к счастью для них, внутренняя дверь оказалась открытой. Увлекаемые тачкой, герцог и барон так и слетели со ступенек и, не останавливаясь, помчались дальше по широкому коридору между двух рядов огромных бочек, на которых стояли тысячи бутылок с запыленными ярлыками.

— Стойте, стойте! — кричал барон. — Посмотрите, сколько здесь этой божьей милости!

— Дальше, дальше! — отвечал герцог. — Там впереди вино еще лучше.

Барон, видя, как проносятся мимо него целые армии бочек, целые батальоны бочонков, бочоночков, бутылок и фляжек, сокрушенно вздыхал.

— Прощайте, прощайте, бедняжки! — говорил он бутылкам, провожая их глазами. — Прощайте, не мне суждено откупорить вас!

В конце концов герцог почувствовал, что тачка катится все медленнее и можно наконец остановиться. Как раз в этом самом месте, в левом ряду бочек, он увидел узкий проход, а в глубине прохода — маленькую дверцу.

Барон, удобно усевшись на земле, протягивал руки то направо, то налево и, не тратя даром ни минуты, хватал по две, по три

бутылки, вытаскивал пробки зубами, которые у него давно уже стали крепче железа от постоянного упражнения, и опрокидывал содержимое бутылок себе в рот. Он прерывал это занятие только для того, чтобы испустить вздох удовлетворения. Герцог долго глядел на него, а потом махнул рукой и углубился в проход.

— Куда это вы идете, любезный кузен? Почему бы и вам не воспользоваться этим божьим даром?

— Я ищу бутылку очень редкой марки. Кажется, я вижу ее там, в глубине.

— Небо вознаградит вас за такую заботливость! — пробормотал барон в перерыве между глотками. — Вы напоили жаждущего и поэтому сами никогда не умрете от жажды.

Но герцог не слышал его слов — он был очень озабочен.

У дверцы не оказалось ни задвижки, ни замка, ни скважины для ключа.

— Странно... — пробормотал сквозь зубы герцог. — Может быть, здесь есть какая-нибудь секретная пружина?

Он начал ощупывать дверцу сантиметр за сантиметром, ища секретный замок. Но сколько он ни щупал ее, сколько ни нажимал на малейшие выступы, дверца оставалась запертой.

Тем временем барон, покончив с бутылками, стоявшими поблизости от него, в свою очередь пробрался в проход между бочками и очутился рядом с герцогом, который то царапал дверцу ногтями, то стучал по ней кулаком, все более раздражаясь.

— Что вы делаете, дражайший кузен?

— Да вот хочу открыть эту дверцу. Мне кажется, что за ней находятся самые ценные вина. Вы останетесь довольны, если отведаете их.

— Стоит ли беспокоиться! — ответил захмелевший барон. — Лучше протяните-ка мне вон ту бутылку с желтой этикеткой. Это, наверно, китайское вино, а я его никогда не пробовал.

Герцог стал озираться по сторонам в поисках бутылки, на которую ему указывал барон. Наконец он ее увидел.

Это была бутылка обычных размеров, в точности такая же, как и другие. Она отличалась от них только цветом своей наклейки. У всех остальных бутылок были красные ярлыки, а у этой — желтый.

Герцог, проклиная в душе ненасытность барона, рассеянно протянул руку, чтобы взять бутылку.

Странно! Бутылка словно приросла к полке. Герцог никак не мог сдвинуть ее с места.

— Она как будто свинцом налита, — заметил он с удивлением и дернул за горлышко изо всех сил.

Но едва он оторвал бутылку от полки, как таинственная дверца стала медленно и без шума поворачиваться на петлях. Барон с изумлением смотрел на нее.

— Мой кузен! Дорогой кузен! — кричал он. — Это не бутылка — это ключ! Смотрите: вы открыли дверцу!

«Так вот в чем был секрет этого замка, а я и не догадался», — укорял себя герцог.

Но не успел он подумать это, как дверца распахнулась настежь и на пороге появился мальчик, который вежливо поклонился герцогу и барону и воскликнул тоненьким, серебристым голоском:

— Добрый день, синьоры! Я очень благодарен вам за то, что вы оказали мне эту любезность. Я уже три часа тщетно пытаюсь открыть дверь. Как это вы догадались, что я приду именно отсюда?

— Вишенка! — в один голос закричали герцог и барон.

— Мой дорогой Вишенка... — прибавил барон, который от хмеля сделался очень добродушным и ласковым. — Дорогой Вишенка, иди ко мне, я тебя поцелую!

Герцог не выказывал ни малейшего восторга.

«Что делает здесь этот маленький шалопай?» — думал он с досадой. Но, не желая показать, что он недоволен встречей, сказал громко:

— Дорогой Вишенка, для нас большая радость предупредить все твои желания!

Но Вишенка вдруг нахмурился и заговорил холодно и резко:

— Так как я не сообщал вам, кузены, что вернусь в замок через этот потайной ход, а в замке, кроме вас, никого сейчас нет, то я думаю, что вы проникли сюда не с добрыми намерениями. Говоря попросту, вы затеяли какую-то мошенническую проделку. Но об этом мы будем судить позже... А сейчас разрешите мне представить вам моих друзей.

И, посторонившись, Вишенка пропустил вперед одного за другим всех своих приятелей: Чиполлино, Редиску, мастера Виноградинку, кума Тыкву, адвоката и всех прочих.

— Да это же настоящее вторжение! — воскликнул ошеломленный герцог.

Это и вправду было вторжение, и затеял его Вишенка.

Бродя по лесу, Чиполлино и Вишенка в конце концов встретились со своими друзьями и вскоре узнали, что все их противники, за исключением герцога и барона, покинули замок. Вишенке было известно, где находится потайной ход, ведущий из леса в погреб, и он предложил спутникам захватить вражескую крепость.

Как вы видели, захват удался блестяще. Герцога заперли в его комнате, а сторожить его поручили тряпичнику Фасоли.

Барона же оставили в погребе, потому что ни у кого не было охоты тащить эту тяжелую тушу вверх по лестнице.

Глава двадцать первая
*Мистер Моркоу назначен иностранным
военным советником*

Когда наступил вечер и замок погрузился во тьму, кое-кто из друзей начал проявлять беспокойство.

— Что мы будем делать дальше? — спрашивала кума Тыквочка. — Не можем же мы остаться здесь навсегда! Это ведь не наш дом. У нас — свои дома, свои заботы и своя работа.

— Да мы вовсе и не собираемся оставаться здесь, — ответил Чиполлино. — Мы вступим с врагами в переговоры и потребуем только свободы для всех нас. Когда мы будем совершенно уверены в том, что никому из нас не причинят зла, мы немедленно уйдем из замка.

— Но как же мы будем защищаться? — вмешался синьор Горошек. — Ведь оборона замка — довольно сложная военная операция. Нужно знать стратегию, тактику и баллистику.

— Что такое баллистика? — спросила кума Тыквочка. — Не пугайте нас, пожалуйста, непонятными словами, синьор адвокат.

— Я только хочу напомнить, — пояснил Горошек, краснея, — что среди нас нет ни одного генерала. А как воевать, если во главе армии нет генерала?

— Там в лесу сейчас находится по крайней мере сорок генералов,— сказал Чиполлино,— а все-таки они не сумели поймать нас.

— Поживем — увидим,— буркнул Горошек и тяжело вздохнул.

Он не хотел больше спорить, но не верил, что можно выдержать долгую осаду без генерала, который знал бы стратегию, тактику и баллистику.

— У нас нет пушек,— робко вмешался кум Тыква.

— У нас нет пулеметов,— пробормотал Лук Порей.

— У нас нет ружей,— добавил мастер Виноградинка.

— У нас будет все, что нужно,— сказал Чиполлино.— Не беспокойтесь. А сейчас нам пора спать.

Все отправились на ночлег.

На широкую кровать барона Апельсина легло семеро, и на ней еще осталось место для восьмого. А кум Черника и кум Тыква ушли в свой домик, стоявший в парке.

Мастино, которого незадолго перед тем снова поселили в домике, принял их не очень-то дружелюбно. Но, к счастью, этот свирепый пес всегда уважал закон: посмотрев на предъявленные документы, он вынужден был признать, что домик ему не принадлежит, и согласился уйти в свою старую конуру.

Кум Тыква поудобнее уселся в домике и высунулся в окошечко, а кум Черника улегся у его ног.

— Какая чудная ночь,— говорил кум Черника,— какое ясное небо! Смотрите, что это там взлетает ввысь... Неужели ракеты?

Действительно, принц Лимон устроил в лесу фейерверк, чтобы развлечь графинь.

Фейерверк у него был особенный. Он связывал своих солдат-Лимончиков попарно и стрелял ими из пушки вместо ракет. Ему казалось это очень забавным зрелищем.

В конце концов синьор Помидор подошел к принцу и прошептал ему на ухо:

— Ваше высочество, простите меня, но этак вы истребите всю свою армию!

Только тогда принц велел прекратить развлечение, но при этом сказал со вздохом:

— Ах, какая жалость!

— Ага, — сказал кум Тыква, выглядывая из окна, — фейерверк кончился.

Принц принялся считать уцелевших солдат, чтобы выяснить, можно ли продолжать погоню за беглецами. Оказалось, что для этой цели солдат еще достаточно. Тем не менее погоню решено было отложить до утра.

А пока принц приказал раскинуть в лесу роскошную палатку для графинь. Их уложили на очень мягкую постель, но от волнения и любопытства они еще долго не могли уснуть.

Около полуночи кавалер Помидор пошел погулять по лесу, чтобы успокоить нервы. (Ах да, я ведь не сказал вам, что от досады и злости у него после фейерверка начались судороги.)

«Какая глупость, — думал кавалер, — извести на ракеты столько здоровых солдат!»

Он поднялся на высокий холм, надеясь заприметить где-нибудь костер, который беглецы разожгут на привале.

Но вместо этого, к своему удивлению, он увидел, что окна замка ярко освещены.

«Должно быть, барон и герцог развлекаются без нас в замке, — подумал он раздраженно. — Ладно же! Когда мы поймаем беглецов и покончим с Чиполлино, непременно нужно будет развязаться и с этими двумя дармоедами».

Он продолжал смотреть на замок, и злость его возрастала с каждой минутой.

«Бездельники, — думал он гневно. — Бандиты с большой дороги! Они разорят этих старых дур-графинь, а мне останутся только пустые бутылки да груды телячьих и цыплячьих костей!»

Постепенно во всех окнах замка свет погас, и только одно окно продолжало светиться.

— Скажите пожалуйста, герцог Мандарин не может спать без света! — шипел синьор Помидор сквозь зубы. — Ему, изволите ли видеть, страшно оставаться в темноте. Но что же это он делает? Совсем из ума выжил! Он забавляется тем, что тушит и зажигает свет. В конце концов он испортит выключатель, устроит короткое замыкание, и замок сгорит. Брось! Брось сейчас же! Слышишь, что я тебе говорю!

Синьор Помидор и сам не заметил, что кричит во весь голос.

На мгновение он умолк и призадумался.

«А что, если это какие-нибудь тайные сигналы? — вдруг подумал он, обнаружив, что эта дурацкая забава настойчиво повторяется. — Сигналы? Но какие? С какой целью? К кому они обращены? Я бы дал золотой, чтобы узнать, что они означают. Три коротких вспышки... три длинных... снова три коротких. Темнота. А вот все начинается снова: три коротких вспышки... три длинных... опять три коротких. Герцог, наверно, слушает радио и аккомпанирует музыке, выключая и зажигая свет. Держу пари, что это именно так. Вот чем развлекается, бездельник!»

Синьор Помидор вернулся в лагерь и, встретив одного из придворных, который казался ему человеком сведущим, спросил у него, не знает ли он сигнальной азбуки.

— Разумеется, — ответил Лимон. — Я доктор и профессор сигнализации и даже окончил специальный факультет.

— Ну, так не скажете ли вы мне, что значит вот такой сигнал? — И синьор Помидор сообщил профессору, какие сигналы подавал из окошка замка герцог.

— С... О... С... Да это же сигнал бедствия! Мольба о помощи!

«О помощи? — с тревогой подумал синьор Помидор. — Так, значит, это не игра! Герцог пытается известить нас о чем-то при помощи сигналов. Значит, он в опасности, если передает такой сигнал».

И, не раздумывая долго, кавалер поспешно направился к замку.

Войдя в парк, он посвистел, чтобы подзвать к себе Мастино. Синьор Помидор ждал, что пес выскочит из уютного домика, но с удивлением увидел, что Мастино, прижав уши, выполз из своей старой конуры.

— Что случилось? — спросил кавалер Помидор.

— Я уважаю закон, — с неудовольствием ответил пес. — Законные владельцы предъявили мне бесспорные документы, и мне пришлось уступить им домик.

— Какие такие законные владельцы?

— Некий Тыква и некий Черника.

— А где они сейчас?

— Спят в своем домике. По крайней мере, я так предполагаю, хоть и не могу понять, как это можно спать в таком неудобном положении. Но, очевидно, в замке для них не хватило места.

— А кто же ночует в замке?

— О, много пришлого народу! Публика самого низкого разбора, как, например, сапожники, музыканты, редиски, луковицы и всякий прочий сброд.

— Значит, там и Чиполлино?

— Да, мне кажется, что одного из них именно так зовут. Насколько я мог понять, герцога очень оскорбило присутствие такой компании в замке: он заперся в своих комнатах и не показывается целый вечер.

«Значит, он в плену, — решил Помидор. — Час от часу не легче!»

— Что же касается барона Апельсина, — продолжал пес, — то он тоже заперся, но не у себя в комнате, а почему-то в погребе. Вот уже несколько часов я только и слышу, как хлопают в погребе пробки.

— У, проклятый пьяница! — проворчал про себя синьор Помидор.

— Но я не могу понять, — сказал Мастино, — как это наш Вишенка, забыв о своем графском титуле, общается с людьми столь низкого происхождения!

Синьор Помидор сейчас же помчался в лес, разбудил принца и обеих графинь и рассказал им ужасные новости. Графини хотели было сейчас же вернуться в замок, но принц посоветовал им не торопиться.

— После наших вечерних развлечений, — сказал он, — у нас нет достаточного количества солдат для ночного штурма. Подождем рассвета. Это благоразумнее.

Он позвал синьора Петрушку, который был силен в арифметике, и велел ему снова подсчитать силы, оставшиеся в распоряжении его высочества.

Синьор Петрушка вооружился куском мела, а также грифельной доской и обошел все палатки, отмечая крестиком каждого солдата и двойным крестиком каждого генерала. Оказалось, что у принца остается еще восемнадцать Лимончиков-солдат и сорок

Лимонов-генералов — всего пятьдесят восемь человек, если не считать синьора Помидора, синьора Петрушки, самого принца Лимона, двух графинь, сыщика, его собаки и нескольких лошадей.

Кавалер Помидор не видел толку в лошадях, но синьор Петрушка стал горячо доказывать, что при штурмах крепостей кавалерия бывает очень полезна, а иной раз даже необходима.

Завязался долгий стратегический спор, и в конце концов принц Лимон, согласившись с доводами синьора Петрушки, поручил ему командование кавалерийским отрядом.

План сражения был разработан при участии мистера Моркоу, которого по этому случаю спешно возвели в ранг иностранного военного советника.

Военный советник сразу же приступил к исполнению своих обязанностей.

Первым делом он посоветовал всем генералам и солдатам вымазать себе лица углем или сажей, чтобы напугать осажденных. Принцу эта затея очень понравилась. Он приказал откупорить несколько бутылок вина и, выстроив своих генералов в ряд, принялся собственноручно раскрашивать им лица жженой пробкой.

Генералы, удостоившиеся этой высокой чести, были очень польщены.

К восходу солнца у всех генералов и солдат почернели лица. Но принц этим не удовольствовался. У него осталось еще много неизрасходованной жженой пробки, и он потребовал, чтобы обе графини и синьор Помидор тоже вымазали себе лица сажей.

Графини не осмелились возражать принцу и подчинились его приказу со слезами на глазах.

Наступление началось ровно в семь часов утра.

Глава двадцать вторая

*о том, как барон
погубил двадцать генералов,
сам того не желая*

Первая часть стратегического плана состояла в следующем: собака сыщика, пользуясь естественной дружбой, связывавшей ее с графским псом Мастино, должна была уговорить его открыть ворота парка. Отсюда в парк должен был проникнуть кавалерийский эскадрон под командой синьора Петрушки. Однако эта часть плана рухнула, потому что ворота парка не были заперты. Напротив, они оказались распахнутыми настежь. У ворот стоял навьюченный Мастино и отдавал честь хвостом.

Собака сыщика в испуге вернулась обратно и сообщила об этом странном обстоятельстве.

— Здесь-то и зарыта собака, — сказал мистер Моркоу, употребляя выражение, весьма распространенное у иностранных военных советников.

— Факт, факт! Именно здесь она зарыта! — поддержала хозяина собака.

— Что за собака и где она зарыта? — спросил принц.

— Ваше высочество, тут дело не в собаке. Если мятежники оставили ворота открытыми, значит, тут приготовлена для нас ловушка.

— Тогда давайте войдем в парк через заднюю калитку,— предложил принц.

— Но и задняя калитка тоже открыта!

Генералы Лимонной армии серьезно призадумались — вернее, они не знали, что и думать. Самому же принцу эта война стала уже надоедать.

— Она что-то слишком долго длится,— пожаловался он кавалеру Помидору.— Такая затяжная и трудная война! Если бы я предвидел это заранее, я бы ее и не начинал.

Чтобы ускорить дело, принц решил принять личное участие в операциях. Он выстроил своих сорок генералов и скомандовал:

— Смир-р-но!

Сорок генералов так и застыли на месте.

— Вперед, мар-р-ш! Раз-два, раз-два...

Героический отряд вошел в ворота парка и зашагал к замку, который, как вы знаете, находился на вершине небольшого холма. Подъем показался принцу утомительным. Он стал задыхаться, вспотел и решил вернуться обратно, передав командование Лимону первого класса.

— Продолжайте наступать,— сказал он,— а я иду разрабатывать план общего штурма. Благодаря моему личному вмешательству первая линия обороны уже взята. Вам же я поручаю захватить замок.

Лимон первого класса отдал принцу честь и принял командование. Пройдя пять метров, он объявил пятиминутный привал. Отсюда до замка оставалось всего лишь около ста шагов, и командующий уже готовился отдать приказ о последнем натиске, как вдруг послышался страшный грохот, и с вершины холма навстречу генералам устремился какой-то снаряд поистине невиданных размеров. Все сорок генералов, не ожидая команды Лимона первого класса, разом повернулись спиной и ринулись вниз со всей поспешностью, на какую были способны. Однако они не могли сравниться в скорости с таинственным снарядом, который

через несколько секунд обрушился на них, раздавил десятка два генералов, словно спелые сливы, а затем покатился дальше, за ворота. По пути он разметал кавалерию синьора Петрушки, готовившуюся к атаке, и опрокинул карету графинь Вишен. Когда же он остановился, все увидели, что это не магнитная мина и не бочка с динамитом, а попросту несчастный барон Апельсин.

— Дорогой кузен, это вы? — закричала графиня Старшая, вылезая из лежащей на боку кареты.

Графиня была вся в пыли, ее растрепанные волосы развевались по ветру, а лицо было густо вымазано сажей.

— Я не имею чести знать вас, синьора. Я никогда не бывал в Африке, — пробормотал барон.

— Да ведь это я, я, графиня Старшая!

— О небо, как же это вам пришло в голову так измазаться?

— Это было сделано по стратегическим соображениям, барон... Но скажите лучше, как это вы обрушились на нас?

— Я прибыл к вам на помощь. Правда, немного странным способом, но у меня не было другого выхода. Я всю ночь выбирался из винного погреба, где меня заперли эти разбойники. Можете себе представить, мне пришлось прогрызть дверь погреба зубами!

— О, да вы способны прогрызть днища полудюжины бочек! — проворчал синьор Помидор, все еще дрожа от страха.

— Выбравшись из погреба, я просто покатился с горы и, кажется, по дороге раздавил целый отряд негров, который, вне всякого сомнения, шел на помощь этим разбойникам, захватившим ваш замок.

Когда графиня Старшая объяснила кузену, что это были вовсе не негры, а сорок лимонных генералов, бедный барон очень огорчился, но в глубине души все-таки был горд своим весом и силой.

Принц Лимон в эту минуту принимал ванну у себя в палатке. Узнав о гибели своих передовых частей, он сначала подумал, что враг предпринял вылазку и неожиданной атакой рассеял его от-

ряд. Когда же его высочеству доложили, что виновником несчастья был его союзник, полный самых благих намерений, принц пришел в ярость.

— У меня нет никаких союзников — я веду свои войны сам за себя и сам по себе! — сказал он с негодованием. И, собрав оставшиеся войска — генералов, солдат и вспомогательный состав, общим счетом тридцать человек, — он произнес речь, которую заключил словами: — Спаси меня, боже, от друзей, а от врагов я уж как-нибудь сам избавлюсь!

Принц Лимон, в сущности, прав. Друзья у принцев всегда бывают опаснее врагов, и принцам остается только находить утешение в старых, избитых и довольно нескладных пословицах.

Ровно через четверть часа принц Лимон пришел в себя и приказал начать новую атаку. Десять человек бегом помчались вверх на холм, испуская дикие крики, чтобы напугать хотя бы детей и женщин, находившихся среди осажденных. Атакующих встретили очень любезно. Я бы сказал, даже слишком любезно. Чиполлино приспособил пожарные насосы к самым пузатым бочкам винного погреба. Когда Лимончики подошли на расстояние выстрела, Чиполлино приказал:

— Вином — по врагу, пли!

(Он должен был бы скомандовать «Огонь!», но ведь в его распоряжении были только насосы — орудия для тушения огня, а не разжигания его.)

Осаждающих окатили мощными потоками ароматной, опьяняющей красной жидкости. Вино заливало им глаза, попадало в рот, в нос, в уши. Лимончики неминуемо захлебнулись бы или опьянели бы до бесчувствия, если бы вовремя не отступили. Кто бегом, кто ползком, пустились они в обратный путь, преследуемые струями из насосов.

Когда они добрались до подножия холма, то, к великому возмущению обеих графинь, среди них не оказалось ни одного трезвого Лимончика.

Можете себе вообразить, как разгневался принц Лимон:

— Позор! Вас нужно всех отколотить палками! Разве можно пить красное вино натошак? Так порядочные люди не поступают. Видите, вот еще десять человек вышло из строя!

И в самом деле, десять воинов из армии принца один за другим улеглись у ног его высочества и разом, как по команде, захрапели.

Положение становилось с каждой минутой все тревожнее и опаснее.

Синьор Помидор рвал на себе волосы и умолял мистера Моркоу:

— Да посоветуйте же что-нибудь! Ведь вы же иностранный военный советник, черт вас побери!

А в замке, как вы сами понимаете, царило в это время ликование. Добрая половина врагов была выведена из строя. Скоро, скоро белый флаг взвьется там, внизу, между двумя красными столбами ворот!

Глава двадцать третья

Чиполлино знакомится с пауком-почтальоном

Нет, я не буду обманывать вас: не взвился белый флаг между столбами ворот.

Вместо этого на поле боя прибыла целая дивизия Лимончиков, спешно присланная из столицы, и нашим друзьям осталось либо сдаться, либо бежать.

Чиполлино попытался бежать через погреб, но подземный ход, который вел в лес, был захвачен войсками принца. Кто же открыл Лимончикам потайной ход, о существовании которого они и не подозревали?

Этого я тоже от вас не скрою: предателем оказался синьор Горошек.

Когда дела у Чиполлино и его компании приняли дурной оборот, адвокат сразу же перешел на сторону врагов, боясь, как бы его не повесили во второй раз.

Синьор Помидор так обрадовался, захватив Чиполлино, что отпустил всех остальных пленников по домам. Только Вишенку в наказание заперли на чердаке. А Чиполлино отправили в тюрьму в сопровождении целой роты Лимончиков и засадили в подземную камеру.

Два раза в день тюремщик Лимонишка приносил ему похлебку из хлеба и воды в щербатой миске. Чиполлино съедал похлебку не глядя — во-первых, потому, что был очень голоден, а во-вторых, потому, что в его камере никогда не было света.

Все остальное время Чиполлино лежал на койке и думал: «Только бы увидеться с отцом! Или хоть, по крайней мере, дать ему знать, что я тоже тут, в одной с ним тюрьме».

Днем и ночью патруль Лимончиков ходил мимо двери камеры, громко стуча каблуками.

— Подбейте, по крайней мере, каблуки резиной! — кричал Чиполлино, которому эти шаги не давали спать.

Но тюремщики не оборачивались на его крик.

Через неделю за ним пришли.

— Куда вы меня ведете? — спросил Чиполлино.

Он решил, что его тащат на виселицу. Но его всего-навсего вывели во двор на прогулку. Направляясь к дверям по длинному тюремному коридору, Чиполлино сердился на свои ноги, которые отвыкли ходить, на глаза, которые отвыкли от света и слезились.

Двор был круглый. Заключение, одетые в одинаковую арестантскую одежду, с черными и белыми полосами, гуськом ходили один за другим по кругу.

Говорить было строжайше запрещено. В центре круга стоял Лимонишка и выбивал дробь на барабане:

— Раз-два, раз-два...

Чиполлино вступил в круг. Впереди него шагал старый арестант со сгорбленной спиной и седыми волосами. Время от времени он глухо кашлял, и его плечи судорожно вздрагивали.

«Бедный старик, — подумал Чиполлино. — Если бы он не был так стар, он был бы похож на моего отца!»

Пройдя еще немного, старик так закашлялся, что принужден был выйти из строя и прислониться к стене, чтобы не упасть. Чиполлино бросился ему на помощь и тут только увидел его лицо,

изборужденное глубокими морщинами. Заключенный посмотрел на мальчика потухшими глазами и вдруг схватил его за плечи:

— Чиполлино, мой мальчик!

— Отец! Как же ты постарел!..

Отец и сын, плача, обнялись.

— Не плачь, милый,— бормотал старик.— Будь молодцом, Чиполлино!

— Я не плачу, отец. Мне только больно видеть тебя таким слабым и больным. А я-то обещал освободить тебя!

— Не горюй, придут и для нас счастливые дни.

В эту минуту Лимонишка, отбивавший дробь, сильно стукнул по своему барабану:

— Эй вы, двое! Разве не видите, что вы мне сбили весь строй? Марш вперед!

Старый Чиполлоне поспешно оторвался от сына и занял свое место в цепочке арестантов, шагавших по двору. Они еще два раза обошли двор, а затем в том же порядке двинулись обратно в коридор, ведущий в камеры.

— Я пришлю тебе весточку,— прошептал на прощание старый Чиполлоне.

— Но каким образом?

— Увидишь. Бодрись, Чиполлино!

— Будь здоров, отец!

Старик скрылся в своей камере. Камера Чиполлино была двумя этажами ниже, в подземелье. Теперь, когда Чиполлино по-видался с отцом, камера уже не казалась ему такой темной. В конце концов, немножко света все же проникало сюда через окошечко, выходившее в коридор.

Однако света было так мало, что можно было видеть только слегка поблескивавшие штыки Лимончиков, шагавших взад и вперед по коридору.

На следующий день, когда Чиполлино, чтобы убить время,

считал, сколько раз промелькнут за окошечком штыки часовых, он вдруг услышал, как его зовет какой-то странный, едва уловимый голосок, идущий неизвестно откуда.

— Кто меня зовет? — спросил он удивленно.

— Посмотри-ка на стенку.

— Смотрю во все глаза, но и стены-то не вижу.

— А я вот здесь, у окошечка.

— А, теперь вижу! Ты паук. Да что ты тут делаешь? Ведь здесь и мух-то нет.

— Я паук Хромоног. Моя паутина в камере верхнего этажа. Когда я хочу есть, то заглядываю в свои сети и всегда нахожу там что-нибудь съедобное.

Какой-то Лимонишка грубо стукнул в дверь:

— Эй, замолчи! С кем ты там разговариваешь?

— Я читаю молитвы, которым меня научила моя мать, — ответил Чиполлино.

— Молись потише! — приказал тюремщик. — Ты нас с ноги сбиваешь!

Лимончики были такие тупицы, что при малейшем шуме не могли идти в ногу.

Паук Хромоног спустился пониже и прошептал своим тонким, как паутинка, голоском:

— Я принес тебе письмецо от отца.

И действительно, он опустил опутанную паутиной записочку.

Чиполлино схватил ее и сейчас же прочел. В записочке говорилось:

«Дорогой Чиполлино, я знаю все твои приключения. Не огорчайся, что дела твои идут хуже, чем ты ожидал. На твоём месте я вел бы себя так же, как ты. Конечно, сидеть в тюрьме очень неприятно, но я полагаю, что здесь ты многому научишься и у тебя будет время поразмыслить о том, что ты видел и пережил. Тот, кто принесет тебе это письмо, — наш тюремный почтальон. До-

верься ему во всем и пошли мне через него весточку. Горячо обнимаю тебя. Твой отец Чиполлоне».

— Прочел до конца? — спросил Хромоног.

— Да, прочел.

— Ладно. Теперь положи письмецо в рот, разжуй и проглоти.

Стража не должна его видеть.

— Сделано, — сказал Чиполлино, разжевывая записку.

— А пока, — сказал Хромоног, — до свидания.

— Куда ты идешь?

— Почту разносить.

Тут только Чиполлино разглядел, что у паука висит на шее сплетенная из паутинок сумка — вроде той, какую носят почтальоны. Сумка была полна записочек.

— Ты разносишь эти письма по камерам?

— Уже пять лет, как я этим занимаюсь: каждое утро обхожу камеры и собираю письма, а потом их разношу. Охрана еще ни разу меня не поймала и не нашла ни одной записочки. Таким образом заключенные могут поддерживать связь друг с другом, не боясь, что их письма перехватят.

— А откуда они берут бумагу?

— Они пишут вовсе не на бумаге, а на обрывках рубашек.

— Теперь я понимаю, почему у этой записочки был такой странный вкус, — сказал Чиполлино.

— А чернила, — продолжал паук, — делаются из арестантской похлебки с примесью толченого кирпича.

— А кирпич откуда?

— Да ведь стены-то в тюрьме кирпичные!

— Понятно, — сказал Чиполлино. — Заходи, пожалуйста, завтра в мою камеру. Я тебе дам письмецо.

— Обязательно зайду, — обещал почтальон и отправился своим путем, чуть-чуть прихрамывая.

— Ты что, ушиб ногу? — спросил Чиполлино.

— Да нет, это ревматизм. Понимаешь ли, мне вредно жить

в сырости. Я уже старик, мне бы нужно переселиться в деревню. Там у меня есть брат, который живет на кукурузном поле. Каждое утро он раскидывает меж стеблей свою паутину и целый день наслаждается солнцем и чистым воздухом. Он много раз приглашал меня к себе, но ведь я не могу бросить свою работу. Когда берешься за что-нибудь, так уж надо выполнять дело до конца. А кроме того, у меня свои счета с принцем Лимоном. Его придворный лакей убил моего отца: прихлопнул бедного старика на кухне. Там на стенке до сих пор еще осталось чуть заметное пятнышко. Иногда я захожу поглядеть на этот памятный мне след и говорю себе:

«Когда-нибудь и принца Лимона прихлопнут, да так, что даже и следа не останется». Правильно я говорю?

— Никогда я еще не видел такого благородного паука! — с восхищением сказал Чиполлино.

— Каждый делает что может, — скромно ответил маленький почтальон.

Прихрамывая, он добрался до окошка и пролез в коридор под самым носом у какого-то Лимонишки, который в эту минуту заглянул в «глазок», чтобы удостовериться, все ли в порядке.

Выбравшись из камеры, Хромоног спустился по паутинке и отправился дальше по своим делам.

Глава двадцать четвертая

Чиполлино теряет всякую надежду

В тот же день Чиполлино оторвал клочок от своей рубашки и разделил его на несколько кусков.

«Вот и почтовая бумага,— подумал он с удовлетворением.— Теперь подождем, пока принесут чернила».

Когда Лимонишка принес ему похлебку на ужин, Чиполлино не стал ее есть. Ложкой он наскреб со стены немного кирпича, насыпал его в воду и хорошенько размешал, а затем черенком той же ложки написал несколько писем.

«Дорогой отец! — говорилось в первом письме.— Ты помнишь, что я тебе обещал? Так вот, эта минута приближается. Я все хорошо обдумал. Целую тебя. Твой сын Чиполлино».

В письме, адресованном Кроту, говорилось:

«Милый старый Крот, не думай, что я тебя забыл. В неволе мне делать нечего, и я все время думаю о старых друзьях. Я думал, думал и придумал, что ты, наверно, можешь помочь мне и моему отцу. Я знаю, что это нелегко. Но если тебе удастся собрать сотню кротов, то общими усилиями вы преодолеете все трудности. Жду твоего скорого ответа, то есть жду тебя в своей камере. Итак, до свидания. Твой старый друг Чиполлино».

Постскрипtum: «Здесь у тебя глаза не заболят. В моем подземелье темнее, чем в чернильнице».

Третье письмо гласило:

«Дорогой Вишенка! Я о тебе ничего не знаю, но уверен, что ты не приуныл после нашей неудачи. Даю тебе слово, что скоро мы рассчитаемся с кавалером Помидором сполна. Здесь я подумал о многом, о чем не было времени думать на воле. Жду твоей помощи. Посылаю тебе письмо для Крота. Положи его в условленном месте. Скоро напишу еще. Привет всем. Чиполлино».

Он запрятал письма под подушку, вылил оставшиеся чернила в ямку под кроватью, отдал пустую миску Лимонишке и лег спать.

На следующее утро тот же почтальон принес ему новое письмо от отца. Старый Чиполлоне писал, что он будет очень рад весточкам от сына, но советует ему расчетливо тратить свою рубашку. Чиполлино оторвал почти половину рубашки, разостлал ее на земле, окунул палец в чернила и начал писать.

— Что ты делаешь! — остановил его почтальон. — Если ты будешь тратить на каждое письмо такой большой лист, то через неделю тебе не на чем будет писать.

— Не беспокойся, — ответил Чиполлино, — через неделю меня уже здесь не будет!

— Сынок, боюсь, что ты заблуждаешься!

— Возможно. Но вместо того чтобы делать мне замечания, не можешь ли ты протянуть мне руку помощи?

— Все восемь моих ног в твоём распоряжении. Что ты задумал?

— Я хочу нарисовать план тюрьмы, точно отметить на нем все этажи, наружную стену, двор и прочее.

— Ну, это не трудно: я знаю в тюрьме каждый квадратный сантиметр.

С помощью паука Хромонога Чиполлино начертил план тюрьмы и крестиком отметил двор.

— Почему ты здесь поставил крестик? — спросил паук.

— Это я тебе объясню в другой раз, — ответил Чиполлино уклончиво. — А пока я дам тебе три письма: одно из них — к отцу, а вот эти два письма и план надо отнести моему другу.

— За тюремные ворота?

— Да. Молодому графу Вишенке.

— А далеко он живет?

— В графском замке, на холме.

— Ах, я знаю, где это! Мой двоюродный брат служит на чердаке в этом замке. Он много раз приглашал меня к себе, но у меня все не было свободного времени. А говорят, что там очень красиво. Что ж, я, пожалуй, отправлюсь туда, но кто же будет разносить за меня почту?

— На дорогу туда и обратно у тебя уйдет только два дня, хоть ты и хромаешь на одну ногу. Я полагаю, что два дня можно обойтись и без писем.

— Я бы не стал отлучаться и на один день, — сказал усердный почтальон, — но если эти письма надо доставить срочно...

— Очень срочно! — перебил его Чиполлино. — Речь идет о чрезвычайно важном деле, от которого зависит освобождение заключенных.

— Всех заключенных?

— Да, всех, — сказал Чиполлино.

— В таком случае, я отправлюсь в путь, как только разнесу сегодняшнюю почту.

— Мой дорогой друг, я не знаю, как и отблагодарить тебя!

— Я делаю это не ради благодарности, — ответил хромой почтальон. — Если тюрьма опустеет, я смогу наконец поселиться в деревне.

Он положил письма в сумку, надел ее на шею и, хромая, отправился к окошечку.

— До свидания, — прошептал Чиполлино, провожая взгля-

дом почтальона, который на этот раз вскарабкался на потолок для большей безопасности. — Счастливого пути!

С того мгновения, как паук исчез за окошком, Чиполлино стал считать часы и минуты. Время тянулось очень медленно: час, два, три, четыре...

Когда миновали сутки, Чиполлино подумал: «Сейчас он уже где-то поблизости от замка. Только найдет ли он дорогу? Ну конечно, найдет. В окрестностях замка много пауков, и если они узнают, что он приходится двоюродным братом известному пауку с графского чердака, кто-нибудь его и проводит».

И Чиполлино представил себе, как старый, седой паучок, прихрамывая, карабкается на чердак, как он узнает у своего двоюродного брата, где комната Вишенки, а потом спускается вниз по стене к постели мальчика и, тихонько разбудив его, передает письма.

Чиполлино места себе не находил. С часу на час, с минуты на минуту ожидал он возвращения почтальона. Но прошел второй, третий день, а Хромоног все еще не показывался. Заключенные были очень встревожены отсутствием писем. Перед уходом почтальон никому из них не сообщил о своем тайном поручении, а сказал, что берет на два дня отпуск. Почему же он не возвращается? Уж не решил ли он навсегда покинуть тюрьму и отправиться в деревню, о чем так давно мечтал? Заключенные не знали, что и подумать. Но больше всех беспокоился Чиполлино.

На четвертый день арестантов вывели на прогулку. Чиполлино стал искать глазами отца, но его на дворе не было, и никто не мог сказать, что с ним. Обойдя несколько раз тюремный двор, Чиполлино вернулся в свою камеру и в отчаянии бросился на койку. Он почти утратил всякую надежду.

Глава двадцать пятая
*Приключение паука Хромонога
и паука Семь с половиной*

Что же случилось с пауком-почтальоном?

Сейчас я вам все расскажу.

Выйдя из тюрьмы, он пошел по улице, держась поближе к тротуару, чтобы его не раздавили телеги, коляски и кареты. Но тут он чуть было не угодил под колесо велосипеда и был бы раздавлен, если бы не успел отскочить в сторону.

«Батюшки мои! — подумал он испуганно. — Мое путешествие чуть не кончилось прежде, чем началось».

К счастью, он увидел неподалеку открытый люк и спустился в сточную трубу. Едва он туда залез, кто-то окликнул его по имени. Паук оглянулся и увидел своего дальнего родственника. Родственник этот жил раньше на кухне графского замка. Звали его Семь с половиной, потому что у него было семь с половиной ног: половину восьмой ноги он потерял из-за несчастного случая — после неудачного столкновения с половой щеткой.

Хромоног вежливо поздоровался со старым знакомым, и Семь с половиной пошел с ним рядом, болтая о том о сем, а больше всего — о том, как он потерял половину восьмой ноги. Семь с половиной то и дело останавливался, чтобы рассказать поподробнее

о своей роковой встрече со злополучной щеткой, но Хромоног тащил его дальше, не поддаваясь искушению поболтать по душам со своим спутником.

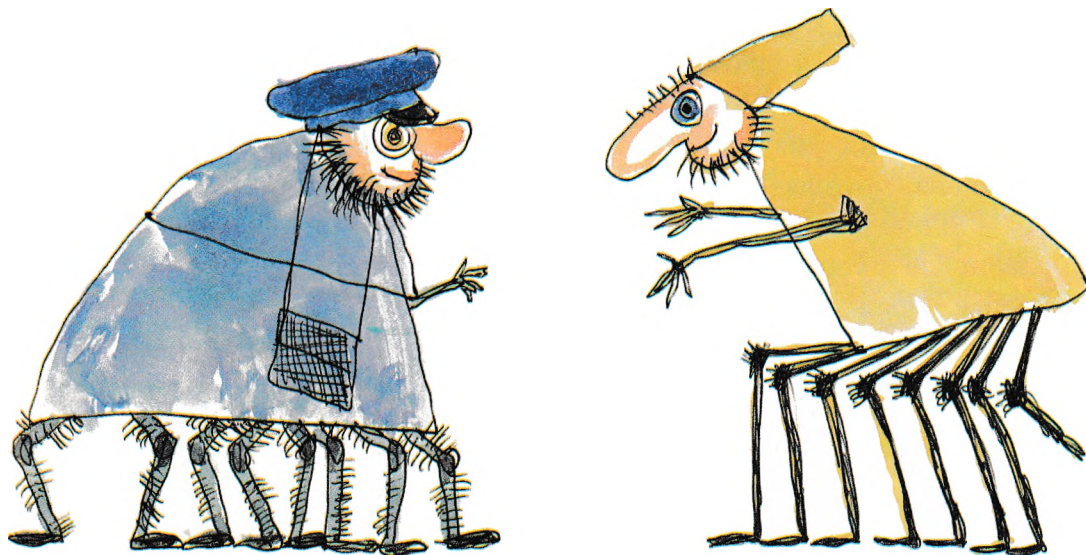
— Куда же ты так спешишь? — спросил наконец Семь с половиной.

— К двоюродному брату, — уклончиво ответил Хромоног.

В тюрьме он научился хранить тайны и поэтому умолчал о том, что несет письма от Чиполлино к Вишенке и Кроту.

— К двоюродному брату? — переспросил Семь с половиной. — К тому, что живет в замке? Он меня давно зовет пожить недельку у него на чердаке. Так знаешь что, я пойду с тобой вместе — сейчас у меня нет никаких срочных дел.

Хромоног не знал, радоваться ли ему компании или нет. Но потом он решил, что вдвоем идти веселее, да к тому же этот неожиданный спутник может оказать ему помощь, если с ним случится какая-нибудь беда.

— Что ж, пойдем,— приветливо ответил он.— Но только не можешь ли ты идти немного быстрее? Дело в том, что у меня есть важное поручение, и я не хотел бы запаздывать.

— Ты все еще служишь почтальоном в тюрьме? — спросил Семь с половиной.

— Нет, я уволился,— ответил Хромоног.

Хотя Семь с половиной был его приятелем и даже родственником, но о некоторых вещах не следует говорить даже самым закадычным друзьям.

Мирно беседуя, они вышли за пределы города и позволили себе наконец вылезти из сточной трубы. Хромоног вздохнул с облегчением, потому что в трубе был такой спертый воздух, что у него кружилась голова.

Вскоре оба спутника оказались в поле. Был чудесный день, ветер слегка шевелил душистую траву. Семь с половиной так жадно разевал рот, будто хотел разом вдохнуть в себя весь воздух.

— Как тут прекрасно! — восклицал он.— Вот уже три года, как я носа не высовывал из моей душной сточной трубы. А теперь, кажется, я ни за что не вернусь обратно. Не поселиться ли мне здесь, в этой тихой и пустынной сельской местности?

— Кажется, местность эта довольно густо заселена,— возразил Хромоног, указывая своему товарищу на длинную вереницу муравьев, которые тащили гусеницу в муравейник.

— Городским синьорам, по-видимому, не нравится наше деревенское общество,— ехидно заметил кузнецик, сидевший на пороге своей норки.

Семь с половиной захотел во что бы то ни стало остановиться и объяснил кузнецнику, что именно думает он о деревенском обществе. Кузнецик ответил. Семь с половиной возразил. Кузнецик протрещал что-то. Семь с половиной не согласился с ним.

В общем, разговор затянулся, а время шло, не останавливаясь ни на минуту.

Вокруг спорящих собралось много всякого народа: кузнечики, жуки, божьи коровки и — на значительном расстоянии — даже несколько отважных мошек. Воробей, который до этого делал вид, будто регулирует уличное движение, обратил внимание на это сборище и подлетел, чтобы рассеять его. Тут он сразу же заметил Семь с половиной.

— Чик-чирик! Недурной кусочек для моих воробышков! — прочирикал он.

Хорошо еще, что какая-то мошка вовремя подняла тревогу:

— Спасайтесь! Спасайтесь! Полиция!

В один миг все жуки, божьи коровки исчезли, словно их поглотила земля. Семь с половиной и Хромоног укрылись в норке кузнечика, который поспешно закрыл входную дверь и стал у порога на страже.

Семь с половиной весь дрожал от страха, а Хромоног начал уже раскаиваться в том, что взял с собой такого болтливого спутника, который затеял спор с первым встречным и привлек внимание полиции.

«Ну вот, меня уже взяли на заметку, — думал старый почтальон. — Воробей, конечно, записал меня в свою книжечку. А уж раз попадешь в эту книжечку — добра не жди!»

Он повернулся к Семи с половиной и сказал ему:

— Послушай, кум, видишь ли, путешествие наше становится очень опасным. Может быть, нам следует расстаться?

— Ты меня, право, удивляешь! — воскликнул Семь с половиной. — Сначала ты сам уговаривал меня идти с тобой, а теперь хочешь оставить меня в беде. Хороший же ты друг, нечего сказать!

— Да ведь это же ты предложил идти со мной вместе! Ну да ладно, дело не в этом. Я иду в замок с важным поручением и не намерен сидеть в этой норке целый день, хоть я и очень благодарен кузнечнику за его гостеприимство.

— Хорошо, я пойду с тобой, — согласился Семь с полови-

ной. — Я обещал твоему двоюродному брату навестить его и хочу сдержать слово.

— Так пойдем же! — сказал Хромоног.

— Подождите минутку, синьоры, я выгляну за дверь и узнаю, где полиция, — предложил осторожный кузнечик.

Оказалось, что Воробей был все еще на своем посту. Он летал низко над землей и внимательно осматривал траву.

Семь с половиной озабоченно вздохнул и сказал, что при таких обстоятельствах он не сделает ни шагу.

— Ну, если так, я пойду один! — решительно заявил Хромоног.

— Что ты, я ни за что не позволю тебе рисковать жизнью! — возмутился Семь с половиной. — Я знал твоего покойного отца и ради его памяти должен помешать тебе идти навстречу верной гибели!

Оставалось сидеть и ждать. А так как Воробей был неугомонным и не желал убраться на покой, то весь день прошел в томительном ожидании.

Только на закате полиция наконец удалилась в свои казармы — на кипарисы у кладбища, — и наши путешественники решились снова пуститься в путь.

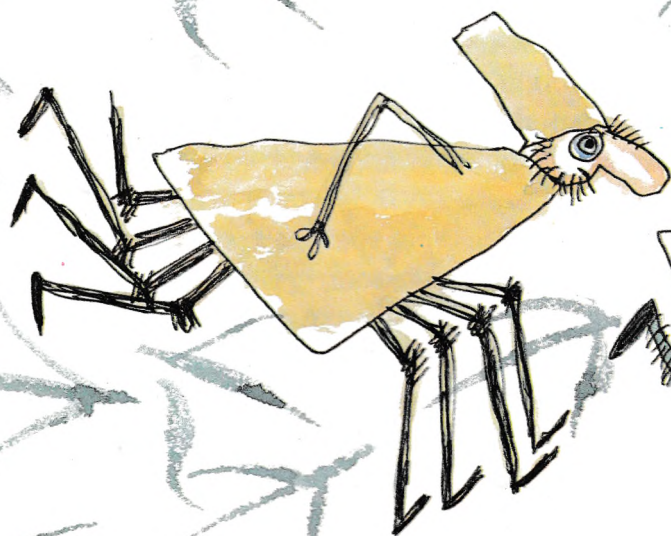
Хромоног был очень огорчен тем, что потерял целый день.

За ночь они могли бы наверстать потерянное время и уйти довольно далеко, но внезапно Семь с половиной объявил, что он очень устал и хочет отдохнуть.

— Это невозможно, — протестовал Хромоног. — Совершенно невозможно! Я не могу больше останавливаться в пути.

— Значит, ты хочешь бросить меня на полдороге ночью? Так-то ты обходишься со старым другом твоего отца! Хотел бы я, чтобы этот бедный старик был жив и хорошенько пробрал тебя за бессердечное отношение к родственникам!

Хромоногу пришлось и на этот раз покориться. Путники

отыскивали удобное местечко за водосточной трубой какой-то церкви и устроились на отдых.

Нет нужды говорить, что Хромоног всю ночь не мог сомкнуть глаза и с яростью смотрел на своего товарища по путешествию, который блаженно похрапывал.

«Если бы не этот трус и болтун, я бы сейчас был уже на месте, а может быть, и на обратном пути!» — думал он.

Едва небо просветлело на востоке, он без лишних проволочек разбудил Семь с половиной.

— В путь! — приказал он.

Но ему еще пришлось подождать, пока Семь с половиной приведет себя в порядок. Старый бездельник аккуратно почистил все свои семь с половиной ног и только после этого заявил, что готов двинуться дальше.

Утро прошло без особых приключений.

Около полудня путники оказались на широкой, гладко утопанной площадке, испещренной множеством непонятных следов.

— Странное место! — сказал Семь с половиной. — Можно подумать, что здесь прошла целая армия.

В конце площадки виднелась низкая постройка, из которой доносились какие-то громкие, тревожные голоса.

— Я не любопытен, — забормотал снова Семь с половиной, — но я бы отдал вторую половину своей восьмой лапки, чтобы узнать, где мы находимся и кто там живет!

Но Хромоног быстро шел вперед, не оглядываясь по сторонам. Он смертельно устал, потому что не спал всю ночь, и у него болела голова от жары. Ему казалось, что он никогда не доберется до замка, словно по мере их пути замок не приближался, а отдалялся. Кто знает, не сбились ли они с дороги: ведь сейчас уже должны были показаться вдали высокие башни замка... Да, конечно, они заблудились в пути. Ведь оба они стары и не носят очков (потому что никто еще никогда не видел паука в очках). Могло случиться, что они прошли мимо замка, не заметив его.

Хромоног был весь погружен в свои печальные размышления, когда маленькая зеленая гусеница стрелой промчалась мимо него с криком:

— Спасайся кто может! Куры!

— Мы пропали! — прошептал в ужасе Семь с половиной, который слышал не раз об этих огромных и прожорливых птицах.

Не помня себя, пустился он бежать, быстро перебирая своими семью длинными и тонкими ногами и припрыгивая на культяпке восьмой.

Его хромой спутник не был так проворен — во-первых, потому, что был слишком занят своими мыслями, а во-вторых, ему никогда еще не приходилось встречаться с курами и даже слышать о них. Но когда одна из этих незнакомых страшных птиц занесла над ним свой клюв, у него хватило присутствия духа швырнуть сумку с письмами товарищу и крикнуть ему на прощание:

— Отнеси...

Но у него уже не осталось времени сказать, кому предназначались эти письма. Курица проглотила его в один миг.

Бедный хромой почтальон! Ему уже не придется больше разносить почту из камеры в камеру и болтать с заключенными. Никто не увидит больше, как он, ковыляя, карабкается по сырым мрачным стенам тюрьмы...

Гибель товарища была спасением для Семи с половиной. Он успел ускользнуть за сетку, которой были огорожены курятник и площадка, и оказался в безопасности прежде, чем курица обернулась в его сторону. После этого он надолго потерял сознание.

Когда Семь с половиной пришел в себя, то никак не мог сообразить, где он находится. Солнце уже заходило — значит, он пролежал в обмороке несколько часов.

В двух шагах от себя он увидел страшный профиль курицы, которая все это время не теряла его из виду и тщетно старалась просунуть клюв через дырочки частой проволоочной сетки.

Этот ужасный клюв сразу напомнил ему о печальной кончине Хромонога. Семь с половиной вздохнул об участии погибшего друга и попытался сдвинуться с места. Тут только он обнаружил, что его искалеченная восьмая нога придавлена какой-то тяжестью. Это была почтовая сумка, которую Хромоног бросил ему перед смертью.

«Мой храбрый друг завещал мне отнести письма кому-то, — подумал Семь с половиной. — Но кому, куда?.. Не лучше ли бросить эту сумку с письмами в первую же канаву и вернуться в сточную трубу? Там нет ни воробьев, ни кур. Правда, в трубе очень душно, но зато вполне безопасно. Впрочем, пожалуй, я загляну в сумку, но только из любопытства».

Он начал читать письма и не мог удержаться от слез. Ему пришлось смахнуть не одну слезу, чтобы иметь возможность продолжать чтение.

— И он не сказал мне ни слова о своем поручении! А я-то ничего не знал и задерживал его своей болтовней в то время, как ему нужно было так спешить! Нет, нет, теперь мне все ясно: по моей вине погиб Хромоног, и я обязан выполнить его последнюю волю. Пусть мне суждено умереть, зато, по крайней мере, я сделаю что-нибудь, чтобы почтить память верного друга.

Семь с половиной пустился в путь, даже не дав себе времени поспать, и на заре благополучно прибыл в замок. Он легко нашел дорогу на чердак и был радостно встречен своим родственником-пауком. После краткой беседы обо всем, что случилось, оба они передали письма Вишенке, который все еще сидел на чердаке, наказанный за участие в мятеже. Потом паук, проживавший в замке, предложил Семи с половиной провести у него все лето, и старый болтун охотно согласился: обратный путь казался ему слишком страшным.

Глава двадцать шестая,
в которой рассказывается о Лимонишке,
не знавшем арифметики

Однажды утром Лимонишка, который носил Чиполлино хлебку, поставил на землю миску, строго посмотрел на Чиполлино и пробурчал:

— Твоему старику плохо. Он очень болен.

Чиполлино хотел узнать об отце побольше, но Лимонишка, уклонившись от разговора, сказал только, что старый Чиполлоне так слаб, что не может выйти из камеры.

— Смотри никому не проболтайся о том, что я тебе сказал! — добавил Лимонишка. — Я могу потерять место, а мне ведь семью кормить надо.

Чиполлино обещал молчать. Да и без всякого обещания он не захотел бы подвести этого пожилого семейного человека, одетого в лимонную форму. Ясно было, что он служил тюремщиком только потому, что не мог найти лучшего ремесла, чтобы прокормить своих детей.

В этот день полагалась прогулка. Заключение вышли во двор и начали ходить по кругу. Лимонишка отбивал такт на барабане:

— Раз-два, раз-два!

«Раз-два! — повторял про себя Чиполлино. — Мой почтальон

пропал бесследно, словно в воду канул. Десять дней прошло с тех пор, как он ушел, и на возвращение нет никакой надежды. Он никому не передал моих писем, иначе Крот был бы уже здесь. Раз-два!.. Отец болен — значит, и думать сейчас о бегстве нечего. Как унести больного из тюрьмы? Как лечить его? Ведь кто знает, сколько времени придется нам скрываться в лесу или на болоте, без крыши над головой, без врачей и лекарства... Эх, Чиполлино, перестань и думать о свободе и приготовься прожить в тюрьме многие годы, а может быть, и всю жизнь... И остаться тут после смерти», — прибавил он мысленно, поглядев на тюремное кладбище, которое виднелось за окошечком в стене, окружавшей тюремный двор.

В этот день прогулка была еще более унылой, чем обычно. Заключенные в своих полосатых арестантских куртках и штанах брели по двору, сгорбившись. Никто даже не пытался на этот раз обменяться несколькими словами с товарищем, как это бывало обычно.

Все мечтали о свободе, но в этот день свобода казалась такой далекой! Дальше, чем солнце, прячущееся за тучами в дождливый день. А тут еще, словно нарочно, начал накрапывать мелкий, холодный дождь, и заключенные, зябко подергивая плечами, продолжали свою прогулку, которая, по тюремным правилам, полагалась в любую погоду.

Вдруг Чиполлино услышал — или, может быть, ему только показалось? — будто его кто-то зовет.

— Чиполлино, — повторил еще более внятно знакомый глухой голос, — задержись немного на следующем кругу.

«Крот, — подумал Чиполлино, и вся кровь бросилась ему в лицо от радости. — Он пришел! Он здесь!»

Но только как же быть с отцом, запертым в камере?

Чиполлино так спешил поскорее добраться до этого места, откуда он слышал голос Крота, что наступил на пятки шедшему впереди арестанту. Тот обернулся и проворчал:

— Ты гляди, куда ноги ставишь!

— Не сердись, — прошептал Чиполлино. — Передай по кругу, что через четверть часа мы все выйдем из тюрьмы.

— Да ты с ума сошел! — изумился заключенный.

— Делай, что я тебе говорю. Передай, чтобы все были наготове. Мы убежим еще до конца прогулки.

Заключенный решил, что если он передаст это, то большой беды не случится.

Прежде чем люди успели обойти круг, их походка стала тверже и бодрее. Спины выпрямились. Даже Лимонишка, который бил в барабан, почувствовал это и решил похвалить арестантов.

— Вот и хорошо! — закричал он. — Так, так! Грудь вперед, живот убрать. Плечи назад... Раз-два, раз-два!..

Это уже было похоже не на прогулку заключенных, а на военную маршировку.

Когда Чиполлино дошел до того места, откуда его окликнул Крот, он замедлил шаг и прислушался.

— Подземный ход готов, — донеслись до него слова из-под земли. — Тебе нужно только прыгнуть на один шаг влево, и земля провалится у тебя под ногами. Мы оставили сверху только самый тонкий слой...

— Хорошо, но давай подождем до следующего круга,— тихо ответил Чиполлино.

Крот сказал еще что-то, но Чиполлино уже прошел мимо.

Он снова наступил на пятки переднему арестанту и шепнул:

— В следующий обход, когда я тебя толкну ногой, сделай шаг влево и подпрыгни. Только посильнее топни при этом!

Заключенный хотел спросить еще что-то, но в этот миг барабанщик посмотрел в их сторону.

Нужно было как-нибудь отвлечь его внимание. По всему кругу быстро пробежал приглушенный шепот, а потом один из заключенных громко воскликнул:

— Ай!

— Что там случилось? — рявкнул Лимонишка, обернувшись к нему.

— Мне на мозоль наступили! — жалобно ответил арестант.

В то время как Лимонишка угрожающе смотрел в противоположную сторону, Чиполлино приблизился к месту, где был ход в подземную галерею, выкопанную кротами. Он толкнул ногой товарища, шедшего впереди. Тот отскочил влево, подпрыгнул и сейчас же исчез. В земле осталось отверстие, достаточно широкое, чтобы в него мог провалиться человек. Чиполлино пустил по кругу распоряжение:

— С каждым обходом будет исчезать тот, кого я толкну ногой.

Так и пошло. В каждый обход кто-нибудь прыгал влево, в дырку, и пропадал бесследно. Чтобы Лимонишка не заметил этого, кто-нибудь на противоположной стороне круга поднимал крик:

— Ай-ай!

— Что там такое? — спрашивал Лимонишка грозно.

— Мне отдавили мозоль! — слышался один и тот же ответ.

— Сегодня вы только и делаете, что наступаете друг другу на ноги. Будьте повнимательнее!

После пяти-шести кругов Лимонишка стал озабоченно посматривать на кольцо арестантов, ходивших вокруг него.

«Странно! — думал он. — Я могу поклясться, что людей стало меньше».

Но потом он решил, что это ему только показалось. Куда же они денутся! Ворота заперты, стены высокие.

— И все-таки, — бормотал он, — мне сдается, что их стало меньше.

Желая убедиться, что он ошибся, Лимонишка начал считать арестантов, но так как они ходили по кругу, то он никак не мог запомнить, с кого же он начал, и некоторых сосчитал по два раза. Счет никак не сходился: получалось, что заключенных не убавилось, а прибавилось.

«Как это может быть? Не могут же они делиться на части. Какая глупая штука — арифметика!»

Вы, наверно, уже поняли, что Лимонишка не был силен в этой науке.

Он снова начал счет, но число заключенных то уменьшалось, то увеличивалось. Наконец он решил бросить это дело, чтобы не запутаться окончательно. И тут, посмотрев на круг, он в ужасе протер глаза: возможно ли это? Арестантов стало чуть ли не вдвое меньше!

Он поднял глаза к небу, пытаясь разглядеть, не улетел ли кто-нибудь из них за облака, и как раз в это самое время еще один человек прыгнул в подземелье и мгновенно исчез.

Теперь их осталось всего двадцать восемь. Среди них был и Чиполлино, который не переставал думать о своем отце. Каждый раз, когда какой-нибудь арестант впереди него исчезал под землей, у мальчика сжималось сердце: «Ах, если бы это был мой отец!»

Но старый Чиполлоне был заперт в своей камере, — нечего было и думать об его освобождении.

В конце концов Чиполлино решил, что он поможет бежать

всем заключенным, а сам останется в тюрьме с отцом. Не нужна была ему свобода, если ею не мог воспользоваться вместе с ним и старый Чиполлоне. Теперь оставалось всего пятнадцать заключенных... десять, девять, восемь, семь...

Ошеломленный Лимонишка машинально продолжал бить в барабан.

«Какой черт шутит со мной! — думал он тревожно. — С каждым обходом по одному человеку пропадает. Что же мне делать? До окончания прогулки осталось еще семь минут, — правило есть правило. А что, если до конца прогулки они все исчезнут?.. Сколько их там осталось? Один, два, три, четыре, пять, шесть... Да что я говорю: их уже только пятеро!»

Чиполлино был очень огорчен. Он попытался было окликнуть Крота, но не получил ответа. А ему так хотелось объяснить своему доброму другу, почему сам он не может бежать...

Как раз в эту минуту Лимонишка опомнился и решил положить конец этому колдовству, из-за которого у него так таинственно исчезли все арестанты.

Он завопил:

— Стой! Ни с места!

Чиполлино и еще четверо заключенных остановились и посмотрели друг на друга.

— Скорее бегите, — закричал Чиполлино, — пока Лимонишка не поднял тревогу!

Заключенные не заставили себя просить дважды и один за другим прыгали в яму. Чиполлино печально посмотрел им вслед, но вдруг почувствовал, что его хватают за ноги. Товарищи угадали, что он решил остаться, и без долгих разговоров затащили его в подземную галерею.

— Не будь дураком, — сказали они. — Если будешь на свободе, ты скорее поможешь своему отцу. Бежим, бежим, пока не поздно!

— Подождите и меня! — неожиданно закричал Лимонишка,

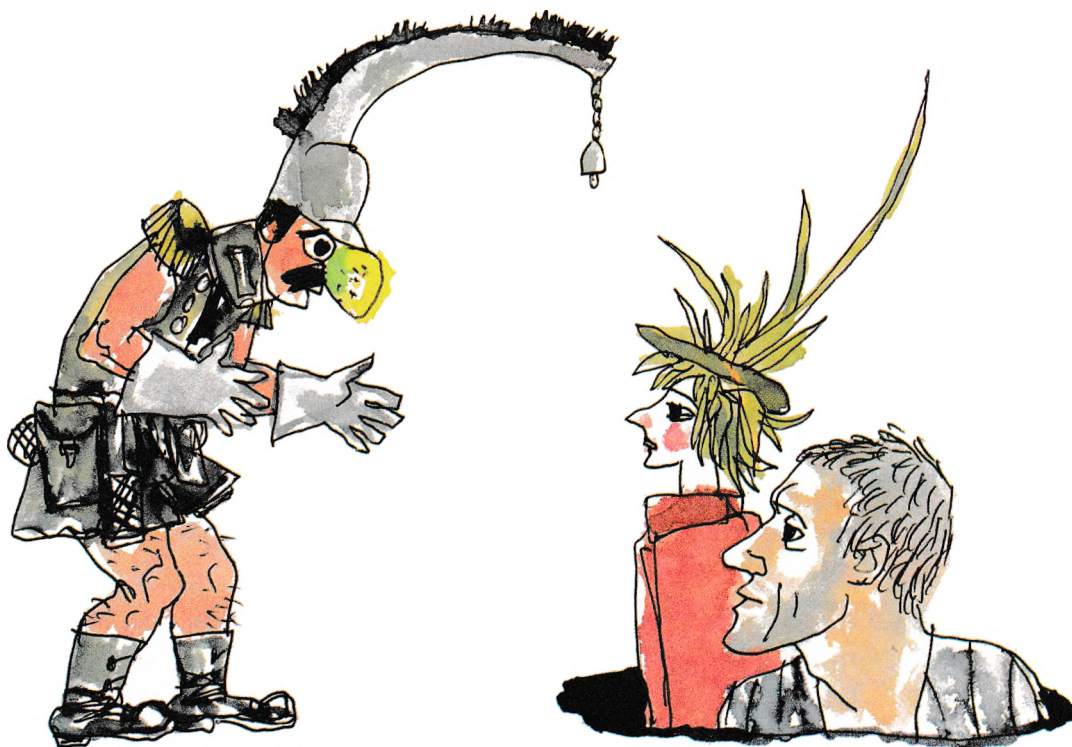
который наконец понял, в чем дело. — И я с вами! Не оставляйте меня здесь: ведь принц повесит меня за ваш побег!

— Ладно, возьмем его с собой, — согласился Чиполлино. — Ведь этому Лимонишке мы тоже немного обязаны тем, что нам так легко удалось бежать.

— Поторопитесь, — слышался глухой голос за его спиной. — Здесь невыносимо светло, а я совсем не желаю ослепнуть или погибнуть от солнечного удара!

— Мой добрый, старый Крот, — сказал Чиполлино, — подумай сам, разве я могу бежать? Отец болен и заперт в своей камере!

Крот почесал затылок.

— Я знаю, где его камера, — сказал он. — Я хорошо изучил план тюрьмы, который ты мне прислал. Но есть ли у нас время? Тебе нужно было предупредить меня заранее.

Он испустил призывный клич, и в то же мгновение появилось около сотни кротов.

— Ребята, нам нужно вырыть еще один ход — вон до того угла тюрьмы, — сказал старый Крот. — Ну что, выроем?

— Что за вопрос! В четверть часа все будет сделано.

Кроты, не задумываясь, принялись за работу. В несколько минут они добрались до тесной клетки, где находился старый Чиполлоне. Чиполлино первым проник в камеру. Его отец лежал на койке и бредил. Едва они унесли старика через подземный ход, как в камеру ворвались Лимонишки, которые метались по всей тюрьме в поисках заключенных, не понимая, каким образом они исчезли.

Когда наконец тюремщики сообразили, что произошло, они так испугались наказания, которому их неизбежно подвергнет принц Лимон, что все разом побросали оружие и, в свою очередь, ринулись в коридор, вырытый кротами.

Выйдя в поле, они попрятались по домам у крестьян, сбросили свою лимонную форму и надели рабочее платье.

Говорят, они побросали также и колокольчики, которые были у них на шапках. Давайте-ка соберем эти колокольчики и отдадим ребятишкам — пускай звонят во всю мочь!

Ну, а Чиполлино? Что с ним случилось дальше?

Старый Крот и Чиполлино, полагая, что бежавшие из тюрьмы Лимонишки гонятся за ними, вырыли для себя другой ход. Вот почему Лимонишки так их и не догнали.

Где же они сейчас находятся?

Потерпите — узнаете.

Глава двадцать седьмая

Гонки с препятствиями

Принц устроил большой праздник.

«Моим подданным необходимы развлечения, — решил принц Лимон, — тогда им некогда будет думать о своих бедах и нуждах».

Он придумал конные состязания, в которых должны были участвовать все придворные Лимоны первого, второго и третьего классов. Разумеется, в качестве наездников, а не лошадей.

Эти состязания были особенные: лошади должны были тянуть колесницы с тормозами.

Сам принц перед состязанием осмотрел эти тормоза, чтобы удостовериться, действуют ли они.

Они так хорошо действовали, что колеса совсем не вертелись. Поэтому лошадям было во сто раз труднее тянуть колесницу.

Когда принц подал сигнал, лошади ударили копытами о землю и напрягли все мускулы, роняя пену с удила. Но колесницы даже не сдвинулись с места. Тогда Лимоны-наездники пустили в ход длинные бичи. Это помогло. Колесницы сдвинулись на несколько сантиметров, и принц Лимон весело захлопал в ладоши. Потом он сам вышел на арену и начал хлестать лошадей одну за

другой. Очевидно, это занятие доставляло ему огромное удовольствие.

— Соболаговолите, ваше высочество, подхлестнуть и моих! — кричали Лимоны, чтобы сделать ему приятное.

Принц Лимон щелкал бичом изо всех сил. Наездники, стоя в колесницах, тоже осыпали лошадей ударами. Каждый удар бича оставлял на спине у лошади длинную белую полосу, но принца это не смущало — он был очень горд придуманной им забавой.

— Любая лошадь способна бежать, если ей ничто не мешает, — говорил он. — А я хочу посмотреть, могут ли они бежать, если их удерживаешь.

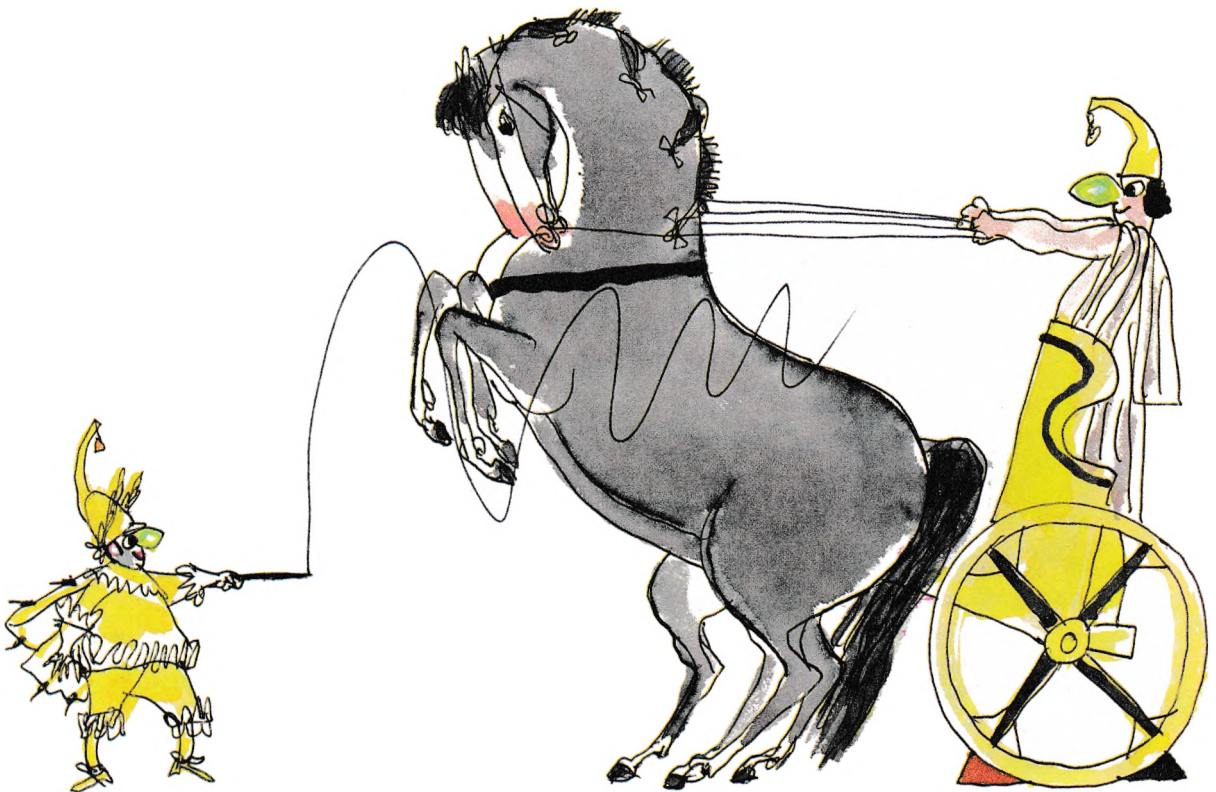

У бедных лошадей, обезумевших от боли и напряжения, подгибались ноги.

Зрители возмущались, но вынуждены были смотреть на это дикое состязание — или, вернее сказать, истязание, ибо если уж принц решил, что люди должны развлекаться, то их развлекали насильно.

Но неожиданно для всех принц замер на месте с поднятым бичом и так вытаращил глаза, что они чуть было не выскочили у него из орбит.

Ноги у него задрожали, лицо еще больше пожелтело, и волосы под желтой шапочкой стали дыбом, так что золотой колокольчик затрясся и отчаянно задребезжал.

Принц увидел, как земля разверзлась у самых его ног. Да, да, разверзлась земля!

Сначала появилась трещина, потом другая, потом на арене вырос небольшой бугорок, похожий на тот, какие оставляют кроты на полях. Затем на верхушке бугорка образовалось отверстие. Оно расширилось, из него показалась голова, плечи, и какое-то живое существо быстро вылезло из-под земли, помогая себе локтями и коленями. Это был Чиполлино.

Из норки послышался тревожный голос старого Крота:

— Вернись назад, Чиполлино, мы ошиблись дорогой! Вернись!

Но Чиполлино уже ничего не слышал. Увидев прямо перед собой бледное, покрытое испариной лицо принца, который так и застыл с бичом в руке, словно превратившись в соляной столп, Чиполлино весь затрясся от ярости.

Не задумываясь над тем, что он делает, мальчик бросился к правителю и вырвал у него из руки бич. Принц и опомниться не успел, как Чиполлино щелкнул бичом в воздухе, как бы испытывая его, а затем размахнулся и полоснул по спине принца. Правитель был так ошеломлен, что и не подумал уклониться от удара, обрушившегося на него.

— О-о-о! — завопил принц.

Чиполлино опять взмахнул бичом и нанес ему новый удар, посильнее прежнего.

Тогда правитель повернулся и бросился наутек.

Это было сигналом. Вслед за Чиполлино из-под земли появились и остальные заключенные, бежавшие из тюрьмы. Народ приветствовал их радостными криками. Отцы увидели сыновей, жены узнали мужей.

В одно мгновение цепь полицейских была прорвана, толпа хлынула на арену и понесла на руках освобожденных пленников.

Придворные гонщики хотели было умчаться на своих колесницах прочь, но как они ни хлестали коней, колеса не могли сдви-

нуться с места. Придворных схватили и связали по рукам и ногам.

Однако сам принц все же успел вскочить в свою карету, которая не участвовала в гонках и поэтому была без тормозов. Принцу удалось вовремя удрать. Но он не решился укрыться в своем дворце, а помчался в поля, подгоняя лошадей неистовым криком. Послушные лошади понеслись таким галопом, что карета в конце концов опрокинулась, и правитель угодил головой прямо в рыхлую кучу, предназначенную для удобрения полей.

«Самое подходящее для него место!» — сказал бы Чиполлино, если бы увидел, что случилось с принцем.

Глава двадцать восьмая
*Синьор Помидор устанавливает
налог на погоду*

В то самое время, когда в городе происходили эти события, в зале замка графинь Вишен, который от времени до времени превращался в зал суда, синьор Помидор собрал всех жителей деревни, чтобы объявить им весьма важное решение.

Председателем суда, конечно, был все тот же кавалер Помидор, адвокатом — синьор Горошек, а секретарем — синьор Петрушка. Левой рукой он записывал в протокол речи сторон и решения суда, а в правой держал свой клетчатый носовой платок, которым пользовался чуть ли не каждую минуту.

Народ был не на шутку встревожен, потому что всякое заседание судебного трибунала сулило ему одни неприятности.

На прошлом заседании трибунал постановил, что не только земля, но и воздух в деревне является собственностью графинь Вишен, и поэтому все, кто дышит, должны платить деньги за аренду воздуха. Раз в месяц кавалер Помидор обходил деревенские дома и заставлял крестьян глубоко дышать в его присутствии. По очереди он измерял у них объем груди после вдоха и выдоха, затем производил подсчет и устанавливал, какая сумма причитается с каждого потребителя воздуха. Кум Тыква, кото-

рый, как известно, очень часто вздыхал, платил, конечно, больше всех. Чего же еще потребуют от крестьян владелицы замка?

Кавалер Помидор взял слово первым и в глубокой тишине произнес:

— За последнее время доходы замка заметно уменьшились. А ведь вы знаете, что наши бедные графини — вдовы и круглые сироты — живут только доходами с принадлежащей им земли и, кроме себя самих, вынуждены содержать еще и своих родственников, герцога Мандарина и барона Апельсина, чтобы не дать им умереть с голоду...

Мастер Виноградинка украдкой поглядел на барона, который сидел в уголке, скромно опустив глаза, и утолял свой голод жареным зайцем с гарниром из воробышков.

— Нечего оглядываться по сторонам! — сурово прикрикнул синьор Помидор. — Если вы будете вертеть головой, я прикажу очистить помещение!

Мастер Виноградинка поспешил устремить взор на кончики собственных башмаков.

— Благородные графини, наши высокочтимые хозяйки, представили в суд прошение, написанное, как этого требует закон, на гербовой бумаге, дабы добиться признания одного из своих неотъемлемых прав... Адвокат, прочтите документ!

Синьор Горошек встал, откашлялся, набрал в легкие побольше воздуха и начал читать документ медленно и внушительно:

— «Нижеподписавшиеся, графиня Старшая и графиня Младшая из почтенного рода Вишен, утверждают, что, будучи владелицами воздуха в своем имении, они должны быть признаны также и владелицами всех осадков, выпадающих в течение года. Посему они просят суд подтвердить, что каждый житель деревни повинен уплачивать им арендную плату в сумме ста лир за простой дождь, двухсот лир за ливень с громом и молнией, трех-

сот лир за снег и четырехсот лир за град». Следуют подписи:
«Графиня Вишня Старшая. Графиня Вишня Младшая».
Синьор Горошек сел.
Председатель спросил:

- Вы говорите, что прошение написано на гербовой бумаге?
- Да, синьор председатель, — ответил синьор Горошек, снова вскакивая на ноги, — на гербовой.
- Подлинность подписей обеих графинь установлена?
- Установлена.
- Прекрасно, — заявил синьор Помидор. — Если прошение написано на гербовой бумаге и подписи действительны, то все ясно. Суд удаляется на совещание.

Кавалер встал, завернулся в черную мантию, которая то и дело сползала у него с плеч, и вышел в соседнюю комнату, чтобы принять решение.

Скрипач Груша подтолкнул своего соседа Лука Порей и спросил у него шепотом:

— По-твоему, это справедливо, что мы должны платить за град? Ну, я понимаю еще — за дождик и за снег, которые приносят пользу посевам. Но ведь град и сам по себе большое несчастье, а за него требуют самую большую плату!

Лук Порей не ответил, он задумчиво поглаживал свои длинные усы.

Мастер Виноградинка растерянно шарил в карманах. Он искал шило, чтобы почесать затылок, но вдруг вспомнил, что, прежде чем войти в зал, жители деревни должны были сдать оружие, холодное и огнестрельное. Огнестрельного у них не оказалось, а шило было признано холодным оружием.

В ожидании приговора суда синьор Петрушка не сводил глаз с присутствующих и записывал у себя в книжечке:

«Груша шептался. Лук Порей приглаживал усы. Кума Тыковочка ерзала на месте. Кум Тыква глубоко вздохнул два раза».

Так записывает на доске имена своих товарищей школьник, которому учительница поручила наблюдать за классом, пока сама она беседует с кем-нибудь в коридоре.

В графе «примерных» синьор Петрушка записал:

«Герцог М. ведет себя отлично. Барон А. — очень хорошо. Он

не встает с места, соблюдает тишину и ест тридцать четвертого воробышка».

«Эх,— думал мастер Виноградинка, почесывая затылок ногтями за неимением шила,— если бы наш Чиполлино был здесь, не было бы всего этого безобразия! С тех пор как Чиполлино в тюрьме, с нами обращаются, как с рабами. Мы не можем пошевелиться без того, чтобы синьор Петрушка не записал нас в свою проклятую книжку».

Дело в том, что все те, кого синьор Петрушка записывал в графу «провинившихся», должны были платить штраф. Мастер Виноградинка почти ежедневно платил штраф, а иной раз и по два штрафа в день. Наконец суд, то есть кавалер Помидор, вернулся в зал заседаний.

— Встать! — скомандовал синьор Петрушка, но сам, однако, остался сидеть.

— Внимание! Сейчас я оглашу решение суда,— сказал кавалер.— «Заслушав прошение графинь Вишен, суд постановил: признать, что вышеупомянутые графини имеют право взимать арендную плату за дождь, снег, град, а также за всякую погоду и непогоду, посылаемую небом. Посему суд устанавливает нижеследующее: каждый житель деревни, принадлежащей графиням Вишням, повинен вносить за погоду плату, вдвое превышающую сумму, требуемую графинями...»

В зале послышался ропот.

— Молчать! — закричал кавалер Помидор.— Иначе я сейчас же прикажу очистить помещение. Я еще не кончил: «Суд постановил, что вышеупомянутые граждане повинны также вносить арендную плату за росу, иней, туман и другие виды сырости. Постановление входит в силу с нынешнего дня».

Все испуганно посмотрели в окно, надеясь увидеть чистое небо. Оказалось, что надвигается черная грозовая туча. В стекло ударило несколько градин.

«Батюшки мои! — подумал мастер Виноградинка, почесы-

вая затылок.— Вот и плати теперь восемьсот лир. Проклятые тучи!»

Синьор Помидор также посмотрел в окно, и его красное, широкое лицо засияло от радости.

— Ваша милость,— сказал ему синьор Горошек,— поздравляю вас! Вам везет: барометр падает, будет ливень.

Все посмотрели на адвоката с ненавистью. Синьор Петрушка быстро оглядел присутствующих и записал в книжечку каждого, в чьих глазах можно было прочесть укор.

Когда и в самом деле разразилась гроза с громом, молнией, дождем и градом, синьор Горошек весело подмигнул синьору Петрушке, а мастер Виноградинка, едва дыша от бешенства, вынужден был еще пристальнее рассматривать свои ботинки, чтобы снова не подвергнуться штрафу.

Жители деревни смотрели на ливень за окном, как на сущее бедствие. Гром казался им страшнее пушечной стрельбы, а молнии словно попадали им в самое сердце.

Синьор Петрушка помусолил чернильный карандаш и начал быстро подсчитывать, сколько заработают на этой божьей милости владелицы замка. Получилась внушительная цифра, а вместе со штрафами — еще более внушительная.

Кума Тыквочка расплакалась. Жена Лука Порей последовала ее примеру, припав к плечу своего мужа и вытирая слезы его длинными усами.

Кавалер Помидор страшно обозлился, затопал ногами и выгнал их всех из зала.

Крестьяне вышли под дождь, смешанный с градом, и побрели в деревню. Они даже не торопились. Град бил им в лицо, струи дождя пробирались под одежду, но они будто и не чувствовали этого. Когда у тебя большое горе, мелких неприятностей уже не замечаешь.

Чтобы попасть в деревню, нужно было перейти через железную дорогу. Крестьяне остановились у шлагбаума, который был закрыт, так как через минуту должен был пройти поезд. Смотреть на поезд у шлагбаума всегда интересно. Видишь, как, пытая и дымя, подходит огромный черный паровоз с машинистом в будке.

В окна вагонов смотрят пассажиры, которые возвращаются с ярмарки, — крестьяне в плащах, их жены, дети...

Вот крестьянка с черным платком на голове. А в последнем вагоне...

— Праведное небо, — воскликнула кума Тыквочка, — посмотри-ка на последний вагон!

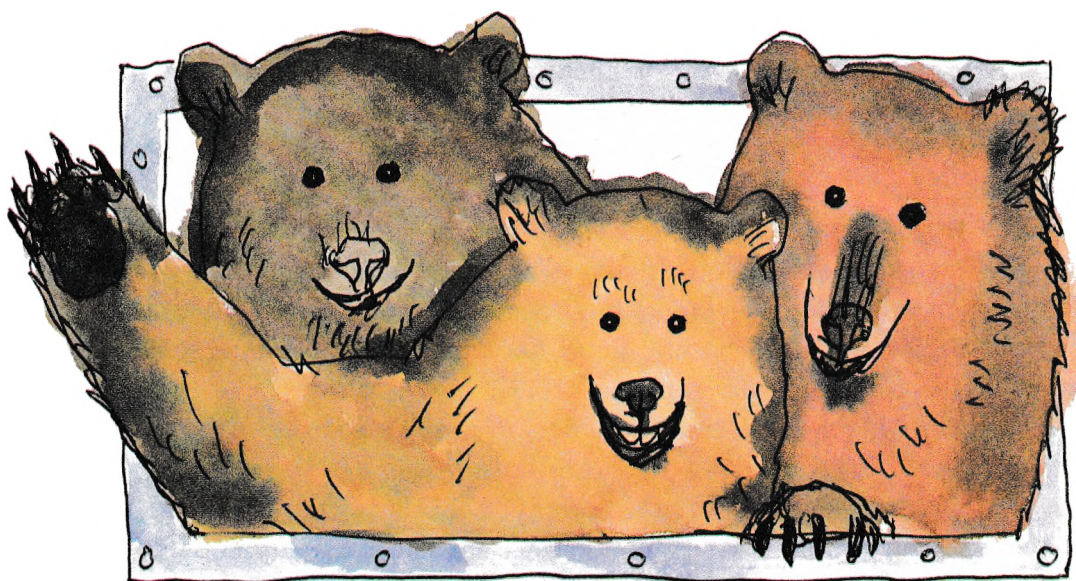
— Кажется... — робко произнес кум Тыква, — кажется, там медведи...

Действительно, у окна вагона стояли три медведя и с любопытством осматривали окрестности.

— Невиданное дело! — протянул Лук Порей.

Усы у него взъерошились от удивления.

Вдруг один из трех медведей закивал головой и замахал ла-

пой, будто приветствуя людей, которые мокли под дождем у шлагбаума.

— Чего это он зубы скалит? — проворчал мастер Виноградинка. — Ишь ты, медведь и тот позволяет себе издеваться над нами!

Но медведь все еще продолжал кланяться, и когда поезд уже прошел, он высунулся из окошка и так махнул лапой, что чуть не вывалился. Хорошо, что два других медведя вовремя удержали его и втащили обратно.

Наши друзья дошли до станции как раз в ту минуту, когда поезд остановился. Медведи неторопливо вылезли из вагона, и самый старый из трех предъявил контролеру билеты.

— Это, должно быть, медведи-акробаты из цирка, — сказал мастер Виноградинка. — Наверно, представлять будут. Сейчас явится сюда их укротитель — старик с деревянной дудкой.

Укротитель и в самом деле вскоре явился, но оказался не ста-

риком, а мальчиком в зеленом беретике и синих штанах с пестрой заплатой на коленке. Лицо у него было живое, веселое и будто очень знакомое каждому из жителей деревни.

— Чиполлино! — закричал Виноградинка, бросившись к нему.

Да, это действительно был Чиполлино. Перед возвращением в деревню он забежал в зоологический сад и освободил медведей. Сторож на этот раз так крепко спал, что можно было бы увести не только медведей, но и слона, если бы только тот согласился бежать из зоологического сада.

Но старый слон не поверил, что пришла свобода, и остался в слоновнике писать свои воспоминания...

Сколько тут было объятий, поцелуев, расспросов и рассказов! И все это под проливным дождем. Ведь когда радуешься, не замечаешь мелких неприятностей, не боишься даже схватить простуду.

Скрипач Груша не переставая пожимал лапу молодому медведю.

— Помните, как вы танцевали под мою скрипку? — спрашивал он, весело подмигивая.

Медведь прекрасно помнил это и тотчас же снова пустился в пляс, не дожидаясь музыки. Ребята весело хлопали в ладоши.

Разумеется, Вишенке тут же дали знать о возвращении Чиполлино. Можете себе представить, как горячо они обнялись при встрече!

— Ну, а теперь поговорим о деле, — сказал Чиполлино. — Я должен сообщить вам, что я задумал.

Пока Чиполлино рассказывал друзьям, что он задумал, пойдем да узнаем, как поживает принц Лимон.

Глава двадцать девятая

Гроза, которая никак не может кончиться

Мы продержали принца в навозной куче так долго, потому что в этом убежище он чувствовал себя в большей безопасности, чем в своей столице.

«Здесь тихо, тепло и спокойно,— думал он, то и дело отплевываясь.— Я останусь здесь до тех пор, пока моя стража не восстановит в городе порядок».

Ведь этот надменный, жестокий, но трусливый принц удрал с арены, не оглядываясь назад, и поэтому не знал, что его стража перешла на сторону народа, его придворные попали в тюрьму и в стране провозглашена свободная республика.

Но когда хлынул дождь и холодные струи проникли в навозную кучу, правитель изменил свое намерение.

«Становится сыро,— решил он,— надо поискать местечко посуше!»

Он заворочался, задрыгал ногами и в конце концов выбрался из кучи.

Тут только он увидел, что находится в двух шагах от замка графинь Вишен.

«Ну и дурак же я! — подумал он, протирая глаза, залеплен-

ные грязью. — Лежу в этой проклятой навозной куче и не подозреваю, что отсюда рукой подать до графского замка, где так тепло и уютно».

Принц отряхнулся и направился к воротам, но вдруг услышал громкие голоса. Он спрятался за стог сена и пропустил мимо себя какую-то шумную компанию. (Вы знаете, из кого она состояла.) Затем принц поднялся по ступенькам замка и позвонил. Отперла ему дверь Земляничка.

— Простите, сударь, хозяйки наши нищим не подают! — сказала девушка и захлопнула дверь перед самым его носом.

Принц забарабанил в дверь кулаками:

— Отвори! Какой я нищий? Я — правитель, принц Лимон!

Земляничка снова приоткрыла дверь и участливо посмотрела на него.

— Бедняжка, — сказала она со вздохом, — ты, видно, от нужды с ума спятил!

— Какая там еще нужда? Я богат, я очень богат!

— Если посмотреть на тебя, так этого ни за что не скажешь, — ответила Земляничка, качая головой.

— Нечего тут разговаривать! Пойди доложи обо мне графиням.

— Что тут происходит? — спросил синьор Петрушка, проходя мимо и ожесточенно сморкаясь в свой клетчатый платок.

— Да вот этот нищий уверяет, будто он принц. Должно быть, сумасшедший.

Синьор Петрушка мгновенно узнал правителя, хотя узнать его было довольно мудрено.

— Я нарочно переоделся, чтобы поближе познакомиться с моим народом, — сказал принц Лимон, желая, видимо, оправдать свой несколько необычный вид.

— Пожалуйста, пожалуйста, ваше высочество, мы так счастливы вас видеть! — воскликнул синьор Петрушка, пытаясь поцеловать грязную руку принца.

Правитель вошел в дверь, бросив мимоходом грозный взгляд на Земляничку. Графини так и ахнули, увидев странного гостя, но, узнав, кто он такой, принялись наперебой расхваливать его заботу о подданных.

— О ваше высочество, вы промокли насквозь! Ни один принц на свете не вышел бы на улицу в такую ужасную погоду.

— Я хотел узнать, как живет мой народ, — ответил правитель и при этом ничуть не покраснел: ведь лимоны никогда не краснеют!

— Ваше высочество, каковы же ваши впечатления? — спросила графиня Старшая.

— Мой народ вполне счастлив и доволен, — заявил принц. — Нет народа счастливее, чем мой. Вот только сейчас мимо меня прошла очень веселая компания... Ей даже дождь нипочем.

Принц и не знал, что говорит сущую правду: в этот день его

народ был и в самом деле счастлив, потому что избавился от своего правителя!

— Не угодно ли вашему высочеству потребовать лошадей, чтобы вернуться во дворец? — спросил синьор Помидор.

— Нет, нет, ни за что! — с тревогой ответил принц. — Я подожду здесь, пока не кончится эта страшная гроза...

— Я позволю себе почтительнейше заметить, — сказал несколько озадаченный синьор Помидор, — что гроза давно прошла и на дворе снова сияет солнце.

— Солнце? Сияет? — гневно переспросил принц. — Вы, кажется, осмеливаетесь противоречить мне!

— Я просто не понимаю вашей дерзости, синьор, — вмешался барон Апельсин. — Если его высочество находит, что на дворе гроза, значит, так оно и есть. Разве вы не слышите, как шумит дождь?

Все поспешили согласиться с бароном.

— Ах, эта гроза никогда не кончится! — сказала графиня Старшая, глядя в окно, за которым после недавнего дождя сверкали на чашечках цветов крупные капли.

— Ужасный ливень! Посмотрите, так и хлещет, — поддакнула графиня Младшая, следя за тем, как весело играет с золотыми рыбками в бассейне солнечный луч, прокравшийся из-за облачка.

— Слышите, как оглушительно гремит гром? — вставил словечко и герцог Мандарин, затыкая уши и закрывая глаза в притворном ужасе.

— Земляничка, Земляничка, где ты? — позвала графиня Старшая слабым голосом. — Сейчас же прикрой все ставни! Все!

Земляничка прикрыла ставни, и в комнате стало темно, как в погребу.

Вскоре зажгли свечи, и большие тени запрыгали по стенам. Синьора графиня Старшая вздохнула:

— Ах, какая ужасная ночная гроза!

Принцу Лимону и в самом деле стало страшно.

— Жуткая ночь! — сказал он, стуча зубами.

Все остальные из вежливости тоже задрожали как в лихорадке.

Синьор Помидор подошел крадучись к окну и, чуть-чуть приоткрыв ставню, рискнул доложить:

— Прошу прощения у вашего высочества, но мне кажется, что гроза кончается.

— Нет-нет, что вы! — закричал принц, заметив косой солнечный луч, который попытался было проникнуть в комнату.

Кавалер Помидор поспешил захлопнуть ставню и подтвердил, что дождь по-прежнему льет как из ведра.

— Ваше высочество, — робко предложил барон Апельсин, которому очень хотелось сесть поскорее за стол, — не хотите ли пообедать... то есть, виноват, поужинать?

Но его высочеству не угодно было ни обедать, ни ужинать.

— В такую погоду, — сказал он, — у меня не бывает аппетита.

Барон не мог понять, какое отношение имеет погода к аппетиту, но поскольку все согласились с принцем, он тоже согласился:

— Я ведь только предложил, ваше высочество. Какая уж тут еда! У меня у самого от молнии и грома так сдавило горло, что я не смог бы проглотить и цыпленка!

На самом же деле он был до того голоден, что с удовольствием сгрыз бы пару стульев, если бы не боялся противоречить его высочеству.

В конце концов принц, утомленный волнениями, пережитыми за день, крепко заснул, сидя на стуле. Его прикрыли одеялом и потихоньку отправились в столовую ужинать. К этому времени и в самом деле стемнело.

За ужином синьор Помидор ел очень мало, а потом попросил у графинь разрешения встать из-за стола, так как его клонит ко сну.

На самом же деле синьор Помидор прокрался в сад и пошел в деревню.

«Что такое случилось? — думал он, шагая по дороге. — Принц чем-то встревожен. Это очень подозрительно. Я не удивлюсь, если окажется, что произошла революция».

От этого слова у него забежали по спине мурашки. Он отогнал тревожную мысль, но она возвращалась снова и снова. Грозное слово так и прыгало у него перед глазами, пугая его каждой своей буквой: Революция!!! Р-Рим, Е-Европа, В-Венеция и так далее... Революция...

Вдруг ему показалось, что кто-то идет за ним следом. Он притаился за изгородью и стал ждать. Через минуту издали показался синьор Горошек, который двигался так осторожно, словно шагал по сырым яйцам.

Адвокату еще в столовой поведение кавалера Помидора показалось подозрительным. Увидев, что кавалер выходит из комнаты, синьор Горошек поспешил отправиться за ним.

«Здесь что-нибудь да кроется, — думал он. — Не будем терять кавалера из виду!»

Синьор Помидор собирался уже выйти из своего убежища, как вдруг в отдалении мелькнула другая тень.

Кавалер еще ниже пригнулся за изгородью, чтобы дать и этому пройти.

Человек, который шел за синьором Горошком, был синьор Петрушка. Он заметил, как ускользнул из столовой адвокат, и решил последить за ним. Своим непомерно большим и чутким носом воспитатель Вишенки почуял, что случилось что-то серьезное, и не хотел оставаться в неизвестности.

Однако синьор Петрушка и не подозревал, что за ним тоже следят. По его пятам крался герцог Мандарин.

— Я нисколько не удивлюсь, если сейчас появится и барон Апельсин, — пробормотал синьор Помидор и затаил дыхание, чтобы не выдать себя.

Действительно, вскоре затарахтела тачка и показался барон. Увидев, что герцог куда-то ушел, барон предположил, что его знатный родич отправился на какой-нибудь званый ужин, и, конечно, решил составить ему компанию. Бедняга тряпичник тяжело отдувался, толкая тачку и не замечая в темноте ни ухабов, ни камней на дороге. Скрипучая тачка, на которой покоилось брюхо барона, то взлетала вверх, то падала в пропасть. При каждом таком взлете и падении у барона захватывало дух, но он только стискивал зубы, чтобы не выдать себя нечаянным криком или стоном.

Барон оказался в этой странной процессии последним.

«Любопытно узнать, куда это они все направляются», — подумал синьор Помидор и вышел из-за изгороди.

Так они и ходили всю ночь друг за другом: синьор Горошек тщетно вглядывался в темноту, пытаясь найти синьора Помидора, который на самом деле шел позади всех; синьор Петрушка неотступно крался за адвокатом; герцог следовал за синьором Петрушкой; барон

не терял из виду герцога, а Помидор двигался по следам барона. Каждый внимательно следил за движениями переднего, не подозревая, что за ним самим шпионят.

Несколько раз Горошек и Петрушка менялись местами: то синьор Петрушка при помощи ловкого обходного маневра оказывался впереди синьора Горошка, то Горошек обгонял Петрушку. Так, наблюдая друг за другом, они кружили всю ночь и, разумеется, ничего не узнали, а только выбились из сил.

Под утро все эти господа решили вернуться в замок. Встретившись в парке, они вежливо раскланялись и осведомились о здоровье друг друга. О своих ночных похождениях они сочли нужным умолчать и наврали один другому с три короба.

— Где это вы были? — спросил у синьора Горошка синьор Помидор.

— Я был на крестинах у моего брата.

— Вот удивительно! Разве крестины бывают ночью?

— Днем у брата дела поважнее! — отвечал адвокат.

Кавалер Помидор усмехнулся: дело в том, что у синьора Горошка никаких братьев никогда не было.

Петрушка сказал, что ходил на почту отправлять письмо своим давно уже не существующим родителям. Герцог и барон, не сговорившись, объяснили, что ходили удить рыбу, хоть ни у того, ни у другого не было при себе удочки.

— Как же это мы не встретились на берегу? — спросил барон.

— Странно! — сказал герцог.

Все так устали, что шли с закрытыми глазами, и поэтому только один из них разглядел, что на башне замка развевается знамя Свободы.

Его вывесили ночью Вишенка и Чиполлино. Оба они сидели теперь наверху, на башне, и ждали, что будет дальше.

Э п и л о г,
в котором Помидор плачет второй раз

Тот, кто первым увидел на башне знамя Свободы, подумал было, что это новая проделка Вишенки.

Он пришел в ярость и решил немедленно сорвать это страшное знамя, а затем хорошенько отшлепать юного графа, который на этот раз «перешел все границы».

И вот этот синьор, задыхаясь от гнева, бежит вверх по лестнице, перескакивая через четыре ступеньки. Он пыхтит, еле переводит дух и с каждым шагом все больше краснеет и раздувается от злости.

Я опасаясь, что, добравшись доверху, он уже не сможет пролезть в дверцу, которая ведет на площадку.

Я слышу топот его шагов, которые раздаются в тишине, словно удары молота. Скоро он будет уже на самом верху. Пролезет или не пролезет? Как вы думаете?

Вот он и добрался до площадки... Ну, кто из вас угадал?

Ладно, я скажу: угадали те из вас, кто думал, что ему не пролезть.

И в самом деле, кавалер Помидор (ведь это он бежал по лестнице, — разве вы не узнали его?) так разбук от злости, что дверца оказалась вдвое уже его туловища.

И вот он стоит там, наверху, в двух шагах от страшного знамени, которое развевается по ветру, но не может сорвать его, не может даже дотянуться до него рукой. А у древка знамени, рядом с Вишенкой, который в это время торопливо протирает очки, находится еще кто-то...

Да кто же это, если не Чиполлино, заклятый, ненавистный враг кавалера, тот самый Чиполлино, который однажды уже заставил его, синьора Помидора, плакать!

— Добрый день, синьор кавалер! — говорит Чиполлино, вежливо кланяясь.

Осторожней, Чиполлино! Из-за этой неуместной вежливости ты подвергаешь свою голову опасности. В ту минуту, когда ты кланяешься кавалеру Помидору, ему довольно протянуть руку, чтобы схватить тебя за волосы, как это уже случилось когда-то в деревне...

Синьор Помидор так взбешен, что не помнит, чем это ему грозит.

Вот он ухватил Чиполлино за вихор и дернул с такой силой, что прядь луковых волос снова осталась у него в руке. Он и опомниться не успел, как у него защипало в глазах, и слезы, крупные, как орехи, градом посыпались из глаз, падая со щелканьем на каменный пол.

Но на этот раз Помидор плакал не только оттого, что вырвал пучок луковых волос у Чиполлино.

Он ревел от бешенства, потому что почувствовал все свое бессилие...

«Что же это — конец? Конец?» — думал он, задыхаясь от ярости и давясь собственными слезами.

Я бы с удовольствием позволил ему захлебнуться слезами или кубарем скатиться с лестницы от первого толчка, но Чиполлино был так великодушен, что пощадил его, и перепуганный насмерть синьор Помидор сам удрал с башни. Он бежал вниз по лестнице, перескакивая не через четыре, а через шесть ступенек,

и, добравшись донизу, юркнул в свою комнату, где ему никто не помешает поплакать вволю.

А что было дальше, ребята! Ах, что тут было!..

Принц наконец проснулся, побродил по комнатам замка и вышел за дверь, чтобы подышать свежим воздухом.

И вдруг он тоже увидел знамя на башне. Закрыв глаза от ужаса, он бросился бежать со всех ног, повернул направо, налево, выбежал за ворота и снова забрался в свое надежное убежище — рыхлую навозную кучу, надеясь, что его там не найдут.

Проснулся и барон Апельсин. Он тоже хотел подышать свежим воздухом и растолкал своего слугу, дремавшего у тачки, на которой покоилось брюхо барона.

Спросонок, не открывая глаза, Фасоль выкатил тяжелую тачку за порог.

На дворе замка его разбудил ослепительный луч солнца.

Но дело было не только в этом ослепительном солнечном луче. Фасоль поднял глаза и увидел знамя, развевавшееся над замком.словно электрический ток пробежал по его пальцам...

— Держи тачку! Держи! — закричал перепуганный барон Апельсин.

Но куда там! Фасоль разжал пальцы, выпустил ручку своей старой тележки, и барон, опрокинувшись на спину, покатился вниз по аллее так же стремительно, как в тот раз, когда он свалил с ног десятка два генералов.

В конце концов он плюхнулся в бассейн с золотыми рыбками и погрузился в воду по шею. Немалого труда стоило выудить его оттуда.

Услышав со двора неистовые вопли барона, герцог Мандарин бросился к бассейну, вскочил на мраморного ангелочка, изо рта которого бил фантан, и закричал не своим голосом:

— Эй, вы, сейчас же уберите знамя с башни... или я утоплюсь!

— Посмотрим! — сказал Фасоль и толкнул его в воду.

Когда герцога вытащили наконец из бассейна, у него во рту оказалась золотая рыбка. Бедная рыбка, она думала, что забралась в подводный грот, а попала в голодный рот... Мир ее золотым плавничкам!

С этого дня события понеслись с неслыханной быстротой — одно событие за другим. Поспешим и мы: дни летят, как листочки отрывного календаря, пробегают недели, а мы едва успеваем что-нибудь разглядеть.

Так иногда бывает в кино: механик пустит картину слишком быстро: дома, люди, машины, лошади так и замелькают перед вашими глазами, а когда лента наконец успокоится и пойдет с обычной скоростью, то, оказывается, многое уже позади и все на экране изменилось...

Принц и графини покинули свои прежние владения. Что касается принца, то это вполне понятно, но почему уехали графини? Ведь никто не собирался обижать старых женщин, лишать их куска хлеба или брать с них плату за воздух. Но в конце концов раз они сами убрались, то тем лучше. Скатертью дорога!

Барон стал худым, как тот хлыстик, которым он погонял прежде своего слугу.

На первых порах ему пришлось порядком поголодать.

Он не трогался с места, так как некому было возить его тачку. Поэтому ему пришлось питаться собственными запасами жира. Барон таял с каждым днем, как воск.

В две недели он потерял половину своего веса, а эта половина была втрое больше веса обычного человека.

Когда барон оказался в состоянии передвигаться сам, без помощи слуги, то начал просить милостыню на улицах. Но прохожие ничего не подавали ему.

— Эх, ты! — говорили они. — Такой здоровенный малый, а попрошайничаешь. Шел бы работать!

— Да я же ничего не умею делать!

— Иди на вокзал чемоданы таскать.

Так барон и сделал, и от переноски тяжестей стал стройным, как спица.

Из одного своего старого костюма он сделал себе полдюжины новых. Однако одну пару он все же оставил в сохранности. Если вы навестите его, он по секрету покажет вам этот костюм.

«Посмотрите,— скажет он, вздыхая,— еще недавно я был такой толстый!»

«Не может быть!» — удивитесь вы.

«Что, не верится? А? — горько усмехнется барон.— Так спросите у людей, они вам скажут! Ах, какие были замечательные времена!.. В один день я съедал столько, сколько теперь мне хватает на три месяца. Полюбуйтесь, какой у меня был живот, какая грудь, какой зад!»

А герцог? Он и пальцем не шевелит для того, чтобы добыть себе кусок хлеба, а живет на счет барона.

Каждый раз, когда родственник отказывает ему в чем-нибудь, герцог взбирается на фонарь и просит сообщить графиням, что он покончил с собой. И барон, который еще сохранил немного доброты в сердце с той поры, когда был толстяком, вздыхая, делит с ним обед или ужин.

А вот кум Тыква больше не вздыхает: он стал главным садовником замка, и бывший кавалер Помидор работает у него подручным.

Вам не нравится, что синьора Помидора оставили на свободе? Он отсидел, сколько ему было положено, а потом его из тюрьмы выпустили.

Теперь Помидор сажает капусту и подстригает траву.

Изредка он жалуется потихоньку на свою судьбу, но только тогда, когда встречается с Петрушкой, который служит в замке сторожем.

Замок уже больше не замок, а Дворец детей. Там есть и комната для рисования, и театр кукол с Буратино, и кино, и пинг-понг,

и множество всяких игр. Разумеется, там есть и самая лучшая, самая интересная и полезная для ребят игра — школа. Чиполлино и Вишенка сидят рядом на одной парте и учат арифметику, грамматику, географию, историю и все остальные предметы, которые надо хорошенько знать, чтобы защищаться от всяких плутов и угнетателей и держать их подальше от родной страны.

— Не забывай, дружок, — часто говорит старый Чиполлоне своему сыну Чиполлино, — негодяев на свете много, и те, кого мы выгнали, могут еще вернуться.

Но я-то уверен, что они никогда больше не вернуться. Не вернется и адвокат синьор Горошек, который поспешил скрыться, потому что у него было слишком много грехов на совести.

Говорят, он занимается своим ремеслом где-то в чужой стране. Конечно, и там ему не место, но хорошо, по крайней мере, что он убрался из нашей повести, прежде чем она кончилась. По правде сказать, мне до смерти надоело возиться с этим цепким и вертлявым пройдохой.

Да, я забыл вам сказать, что старостой деревни стал мастер Виноградинка. Чтобы не ронять своего достоинства, он совершенно избавился от прежней привычки почесывать затылок шилом. Только иногда, в самых серьезных случаях жизни, он пускает в ход вместо шила остро отточенный карандаш, но это случается чрезвычайно редко.

Однажды утром жители деревни увидели на стенах своих домов надпись: «Да здравствует наш староста!»

Кума Тыквочка пустила по деревне слух, будто бы эти крупные буквы на стенах вывел ваксой сам мастер Виноградинка.

— Хорош староста! — говорила ворчливая кума. — Ходит по ночам и сам себе приветствия пишет.

Но это была явная напраслина. Все надписи на домах сделал Лук Порей, и не руками, а усами, которые он обмакнул в чернила.

Да, да, Лук Порей. Я не боюсь открыть вам правду, потому что у вас усов нет и вы не станете по его примеру писать усами.

Ну вот, теперь наша история и в самом деле кончилась. Правда, есть еще на свете другие замки и другие дармоеды. Кроме принца Лимона и синьора Помидора, но и этих господ когда-нибудь выгонят, и в их парках будут играть дети.

Да будет так!

ПЕСНЯ ЧИПОЛЛИНО

(*Мальчика-луковки*)

Я — веселый Чиполлино.
Вырос я в Италии —
Там, где зреют апельсины,
И лимоны, и маслины,
Фиги и так далее.

Но под синим небосклоном
Не маслином, не лимоном —
Я родился луком.
Значит, деду Чиполлоне
Прихожусь я внуком.

У отца — детишек куча,
Шумная семья:
Чиполлето, Чиполлучча,
Чиполлотто, Чиполлоччо
И последний — я!

Все мы выросли на грядках.
Очень мы бедны.
Оттого у нас в заплатках
Куртки и штаны.

Господа в блестящих шляпах
Наш обходят двор.
Видно, луковый наш запах
Чересчур остер.

А у бедных мы в почете.
Нет на всей земле
Уголка, где не найдете
Лука на столе!

По всему известна свету
Луковиц семья:
Чиполлучча, Чиполлето,
Чиполлоччьо, Чиполлотто
И, конечно, я.

За высокою оградой
Зреет апельсин.
Ну, а мне оград не надо —
Я не дворянин.

Я — цыбуля, я — чиполла,
Огородный лук.
Я на грядке кончил школу
Луковых наук.

Но не век бедняге луку
Жить в гнезде родном.
Хоть горька была разлука,
Я покинул дом.

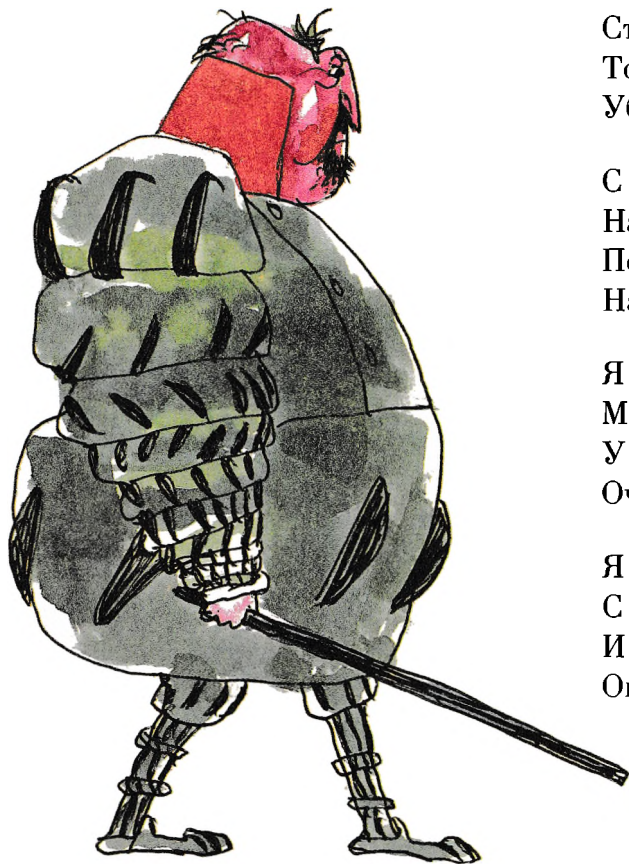
Я иду туда, где лучше, —
В дальние края.
До свиданья, Чиполлучча,
Чиполлето, Чиполлотто,
Братья и друзья!

ПЕСНЯ СИНЬОРА ПОМИДОРА

Я — синьор
Помидор.
Красен я и пышен,
А служу я с давних пор
У помещиц — Вишен.

Хоть и смотрят свысока
Две графини Вишни
На меня, на толстяка, —
Я у них не лишний!

Каждый год я от жильцов —
Свеклы и салата,
От бобов и огурцов —
Требую квартплаты.

Езжу к тыквам-беднякам
И к богатым дыням.
Первый грош беру я сам,
Два везу графиням.

А в имении у нас
Строгие порядки:
Тот, кто денег не припас,
Убирайся с грядки!

С каждым часом я расту,
Наливаясь соком,
Потому что на посту
Нахожусь высоко!

Я — не репа, не морковь —
Мелочь огородная.
У меня под кожей кровь
Очень благородная.

Я — холеный помидор
С кожей атласной,
И вступать со мною в спор
Овощам опасно!

ПЕСНЯ САПОЖНИКА

Я — сапожник удалой.
Беднякам Италии
Шью я толстою иглой
Тонкие сандалии.

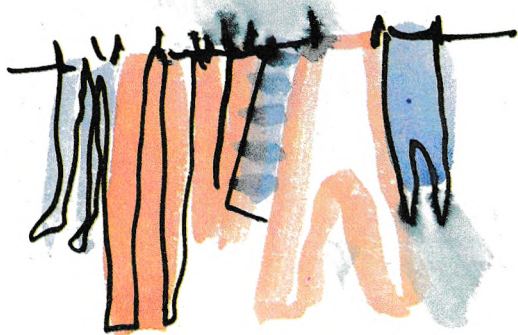
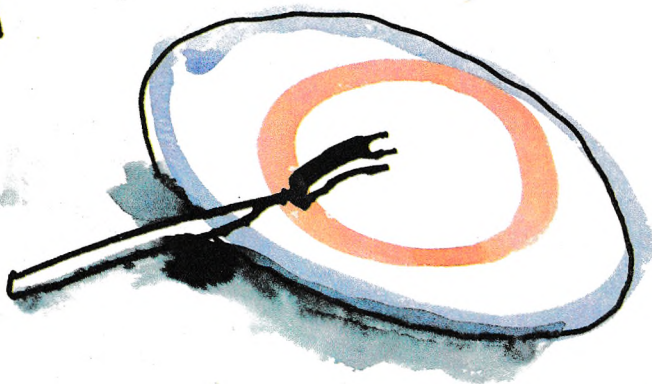
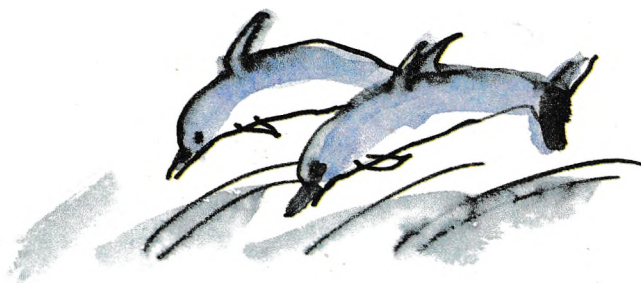
Я сижу за верстаком,
Песню напеваю
И в подметки молотком
Гвоздики вбиваю.

Бью усердно молотком
По чужим штиблетам,
А хожу я босиком
И зимой и летом.

В мастерской моей чини
Рваные ботинки.
Станут новыми они,
Выйдя из починки!

Я — сапожник удалой.
Беднякам Италии
Шью я толстою иглой
Тонкие сандалии.

НОВОГОДНИЕ ПОЖЕЛАНИЯ

Вот стишок мой новогодний.
Пожелаю вам сегодня:

В Январе лучей Апреля,
Чтобы вас получше грели.

Чтобы ветры чаще дули —
Да не в Марте, а в Июле.

Чтобы день ваш был без ночи
Или ночь была короче.

Чтобы в море дни и годы
Не бывало непогоды.

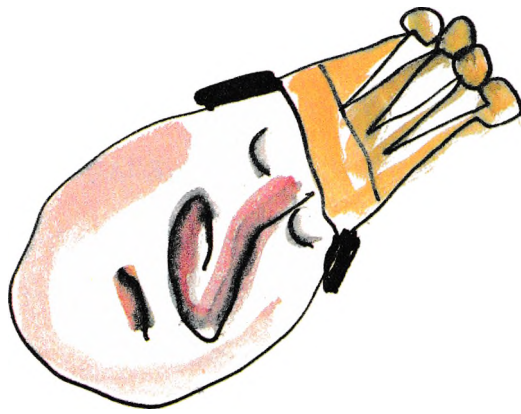
Чтоб весь год не знали драки
Ваши кошки и собаки.

Чтобы сколько хлеб ни режем,
Был он мягким, был он свежим.

Чтобы сливками фонтаны
Наполняли вам стаканы.

Если это слишком много,
Не судите слишком строго.

А награды мне не надо.
Ваша радость — мне награда!

ДИНАСТИЯ ЛЕНТЯЕВ

Не впадая в пристрастие,
Расскажу вам, ребята,
О лентяйской династии,
Что царила когда-то.

Самый первый по счету
И по времени Лодырь
Впал с рожденья в дремоту
Или в сонную одурь.

Четверть века он правил
И, предвидя кончину,
Королевство оставил
Тоже Лодырю — сыну.

Этот Лодырь Второй,
По прозванию Соня,
Тихо правил страной,
Ибо спал он на троне.

И пошли от него
Короли друг за дружкой:
Лодырь Третий, кого
Звали просто Подушкой,

И Четвертый, что стал
Класть в постель себе грелки
(А поэтому спал
И под гром перестрелки).

Дальше царствовал Пятый,
По прозванию Мятый.

В бок толчок получал он,
Чуть во сне помаленьку
Со ступеньки сползал он
На другую ступеньку.

А шестой пролежал
Сто четыре матраца.
А Седьмой не желал
И совсем просыпаться.

А Восьмой себя звал
По ошибке Девятым.
Значит, сын его стал
Поневоле Десятым.

Он отпраздновал брак,
Взяв принцессу Зевоту,
И семнадцать Зевак
Народил он по счету.

Всем будившим его
Он давал подзатыльники
И носил оттого
Кличку «К черту будильники!».

Был ленив, как тюлень,
Лодырь номер одиннадцать,

Целый день было лень
С места Лодырю сдвинуться.

Он скончался давно,
И в истории края
Королем «Все равно»
Именуют лентяя.

Он смотрел без участия
На чужие несчастья,
На войну и на мир,
На рагу и на сыр,

На людей и на кошек,
На морковь и горошек,
На индейку и зайца,
На капусту и яйца...

Не имел он пристрастия
Ни к чему никогда,
И последний в династии,
Он исчез без следа.

ЧТО ЧИТАЮТ КОШКИ ПО ВОСКРЕСЕНЬЯМ

У кошек есть воскресная
Газета интересная,
Где в трех столбцах — не менее —
Даются объявления:

«Ищу уютный теплый дом
Со старым креслом, очагом,
Без сквозняков и без ребят,
Что за хвосты нас тербят».

«Нужна синьора средних лет
Для чтенья книжек и газет.
Условье: знанье языков
В соседних лавках мясников».

«Могу подвал или чердак
От крыс очистить срочно».
«Знакомства ищет холостяк
С владелицей молочной».

Так целый день до темноты
В любое воскресенье
Читают кошки и коты
Кошачьи объявления.

Потом, газету уронив,
Подняв очки повыше,
Поют, мурлыкая, мотив,
Что слышали на крыше.

**СТИШОК ПРО ЛЕТНЮЮ ЖАРУ
И ГОРОДСКУЮ ДЕТВОРУ**

Приятно детям в зной горячий
Уехать за город на дачи,
Плескаться в море и в реке
И строить зámки на песке.

А лучше — в утренней прохладе
Купаться в горном водопаде.
Но если вас отец и мать
Не могут за город послать,—

На каменной лестнице,
Жарко нагретой,
Вы загораете
Целое лето.

Или валяетесь
Летом на травке,
На берегу
Водосточной канавки.

Если б меня президентом избрали,
Я бы велел, чтобы в каждом квартале
Каждого города всем напоказ
Вывешен был мой строжайший приказ:

1

Детям страны президентским декретом
Жить в городах запрещается летом.

2

Всех ребятишек на летнее жительство
Вывезти к морю. Заплатит правительство.

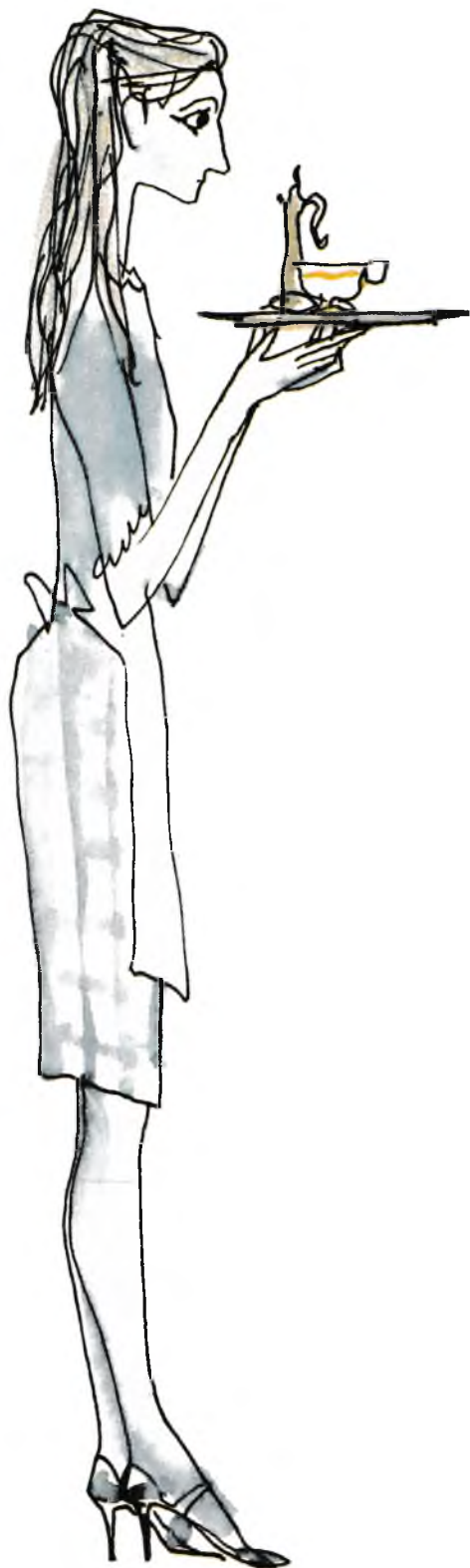
3

Этим приказом — параграфом третьим —
Горы Альпийские дарятся детям.

Заключение

Кто не исполнит приказа, тому
Будет грозить заключение в тюрьму!

СЛУЖАНКА

Вечно ворчит
На служанку хозяйка:
— Плохо погладила
Платье, лентяйка.

Окна не вымыты.
Пол не натерт.
Ложка пропала.
Не выпечен торт.

Дня не проходит
Без новой придирки:
— Соус без соли,
Крендель без дырки.

Кот не накормлен.
Кофе не молото.
Плохо начищены
Бронза и золото.

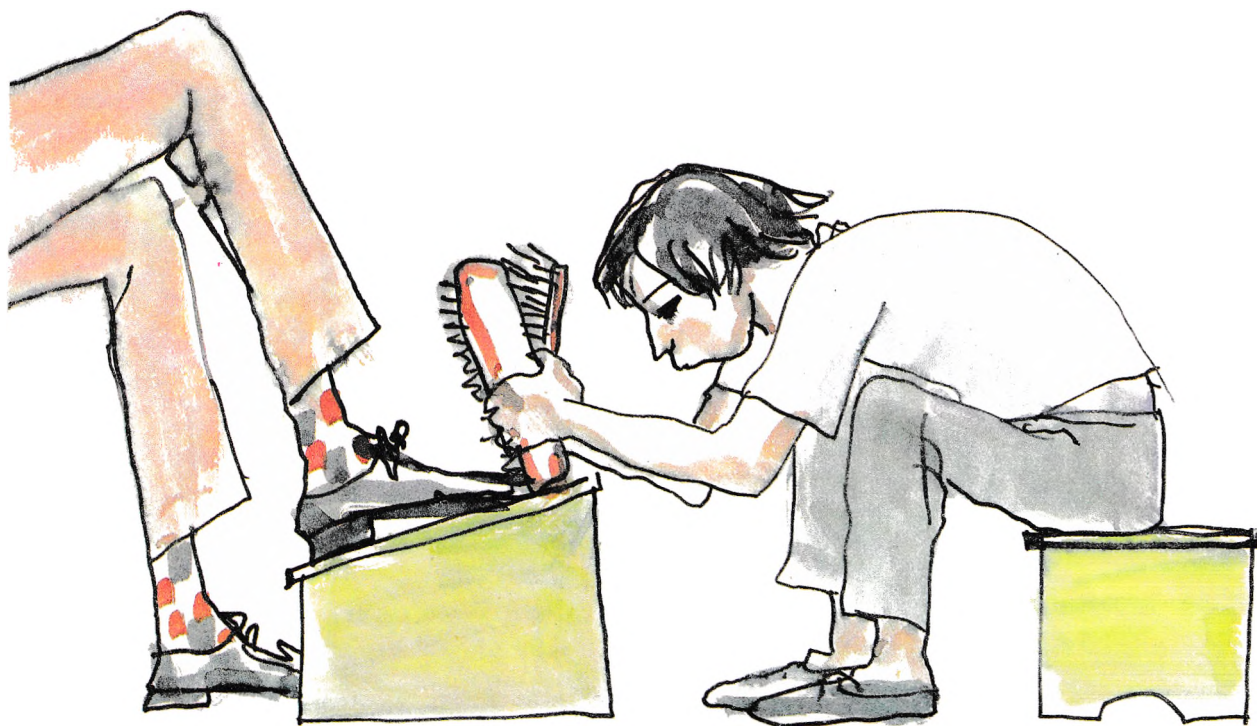
Лопнул стакан,
И разбиты две банки...
Туго приходится
Бедной служанке!

ЧИСТИЛЬЩИК САПОГ

Вот чистильщик сапог.
Он снизу видит свет.
Знакомство он заводит с ног
И знает ваш секрет.

Почистить обувь, например,
Подходит кавалер.
Как будто с виду он и горд,
Но каблучок его потерт...
Видать, пенсионер!

А вот и школьный педагог.
Солиден он на вид,
Но дырка в каждом из сапог
О многом говорит.

Чиновник выдал свой секрет,
Почистив башмаки:
На них живого места нет,
Остались гвозди прежних лет
Да старые шнурки.
В душе у чистильщика страх:
А вдруг рассыплются в руках
Ботинки в пыль и прах?

На перекрестке двух дорог
Сидит он, чистильщик сапог,
И знает, бросив беглый взгляд,
В какой зачислить вас разряд.

Вот пара лаковых штиблет.
Слепит глаза их яркий свет.
Они свои проводят дни
В кафе — в прохладе и в тени,
Где лед мерцает в хрустале
На мраморном столе.

А эта армия сапог
Месила грязь и пыль дорог.
Пусть сапоги запылены, —
Шаги достоинства полны,
Хоть нет нестоптанных сапог
На сотню ног!

ОТКРЫТКИ С ВИДАМИ ГОРОДОВ

Открытки, блестящие глянцем,
Распродаются иностранцам:

Милан с прославленным собором.
Рим: Капитолий, Купол, Форум.

Неаполь с морем и вулканом,
Откуда вьется дым султаном.

Вот Пиза со своей всегдашней
Наклонной — падающей — башней.

Вот Генуя с морскою гаванью
И с кораблем, идущим в плаванье...

А что скрывается внутри —
Ты за открытку посмотри.

Вправду ли, вечно гоняя гондолы,
Венецианцы поют баркаролы?

Вправду ль Неаполю только и дела —
Глазеть на вулкан да плясать тарантеллу?

Может, и так. Но я верю глазам,
Верю тому, что увижу я сам.

Разрешите мне, синьоры,
За открытку кинуть взоры,

Узнать, как дела у людей обстоят,
Что делают люди, о чем говорят.

Кто горюет, веселится,
Кто без ужина ложится,

Кто зимой не защищен
От дождя и снега,
У кого отличный сон,
Только нет ночлега.

Загляните-ка, синьоры,
За открытку, на которой
Парки, башни и соборы...

ПЛОЩАДЬ МАСТАИ

Площадь Джованни Мастаи Феррети.
В брызгах фонтана купаются дети.

В воду ныряют на площади Рима,
А рядом троллейбус проносится мимо.

Кажется, лопнет троллейбус набитый.
Люди в троллейбусе очень сердиты.

Смотрят в окошки, как будто грозя:
«Эй, шалопаи! Купаться нельзя!»

Но под одеждой, взмокшей от зноя,
В душах людей я читаю иное.

Что-то живое бьется тайком
В сердце у каждого под пиджаком.

Думают взрослые: «Эх, чертенята!
Лето — раздолье для вашего брата.

Мы же строчить в министерствах должны,
Вместо того, чтобы сбросить штаны.

И полоскаться в бассейне, как дети,
На площади старой Мастаи Феррети».

ЗАЛ ОЖИДАНИЯ

Это — большое вокзальное здание,
В здание имеется зал ожидания.

Если ночлега нигде не найдешь,
Ты притворись, будто поезда ждешь.

Ночью ты голос услышишь спросонья:
— Скорый — в Неаполь!
Курьерский — в Болонью!

Сидя на лавке меж двух узелков,
Спи под напев паровозных гудков.

Думает, зал обходя, контролер:
«Что же не едет этот синьор?

Спит на скамейке он крепко и сладко.
Видно, в пути у него пересадка».

Сплю я, синьор, не будите меня!
Только не поезда жду я, а дня.

Носят меня не колеса, а ноги.
Днем я хожу да хожу по дороге.

Жду я работы, ищу пропитанья,
Но возвращаюсь в зал ожидания...

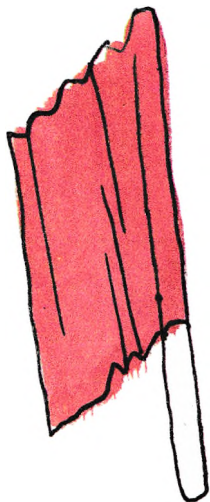
В зале сижу я ночь напролет.
Видно, не скоро мой поезд придет.

Гул паровоза, протяжный и зычный,
Напоминает гудок мне фабричный.

Ах, контролер, не мешайте вы мне
Видеть работу хотя бы во сне!

ДЕТСКАЯ ЖЕЛЕЗНАЯ ДОРОГА

Есть такая страна на свете,
Где в своих поездах разъезжают дети.

В поездах настоящих — с дымом, паром,
С машинистом, кондуктором и кочегаром.

По настоящим рельсам и шпалам
Поезд идет к настоящим вокзалам.

Начальник станции — с вершок,
Чуть-чуть побольше, чем свисток.

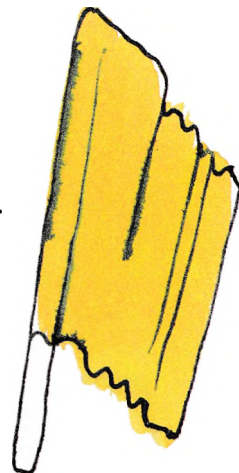
Помощница на полвершка
Короче своего флажка.

Кондуктор главный молод тоже,
А контролер еще моложе.

Места для едущих ребят —
Под окнами вагона.

В окошки путники глядят
Во время перегона.

Берет при входе пассажир
Билет перед посадкою.

Над кассой вывесил кассир
Такую надпись краткую:

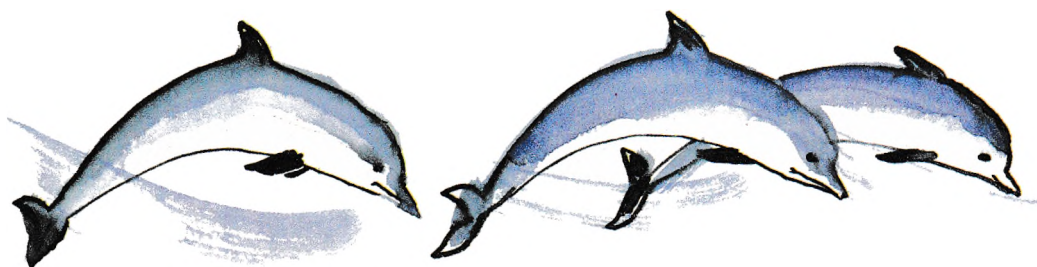
«Родителям, желающим
В ребячий сесть вагон,
С лицом сопровождающим
Явиться на перрон!»

ПЕРВОЕ МАЯ

Первое мая.
В море видел я
Парус,
Как знамя,
Огненно-алый.
А рядом в волнах
Танцевали
 дельфины,
Выгнув блестящие
Черные спины.

Я не забуду
Этой минуты:
Парус багряный,
Ветром надутый.
Точно козлята,
Скачут дельфины,
Солнцу подставив
Черные спины.

О НАЧАЛЬНИКАХ СТАНЦИЙ

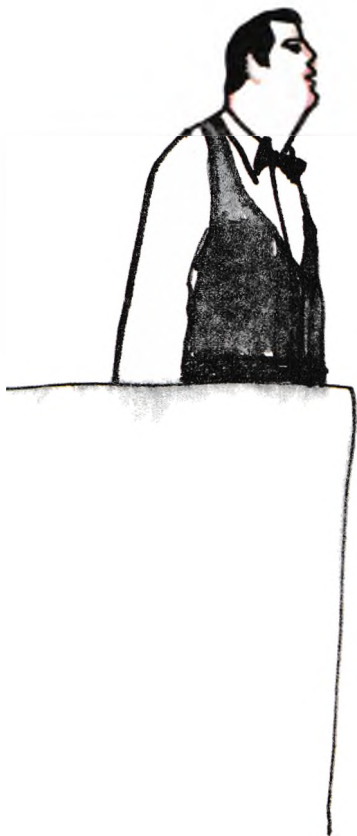
Начальника станции
Все уважают.
Он в новой фуражке,
Осанист на вид.
А мне его жалко:
Ведь все уезжают,
А он на платформе стоит.

С площадки начальник
Друзьям не помашет,
Сынишку не спросит:
«А что привезти?»
«Прощай, не волнуйся!» —
Не крикнет мамаше,
Не выспится за день
в пути.

Он самый оседлый
В стремительном мире,
Где круглые сутки
Туда и сюда
В двенадцать с минутами,
В семь и в четыре
По рельсам летят поезда.
Мечтаю однажды я
С домом расстаться,
И поезд,
Дымя паровой трубой,
Возьмет по пути
Всех начальников
станций —
Я их приглашаю
В дорогу с собой!

ПЕСЕНКА О ПЕСЕНКЕ

Эта песенка о песенке.
С песней петухи встают.
На лугу ночном кузнечики
В небо звездное поют.

На балконе тенор дуется,
Руку к сердцу прижимая.
Паренек поет на улице,
На педали нажимая.

Песенке бояться нечего:
Ей ни холодно, ни жарко.
Спел шофер дождливым вечером,
У плиты поет кухарка.

Бродит песенка по городу,
Кто ее еще покличет?
Дедушка, сбривая бороду,
Про себя ее мурлычет.

Хоть слова и неразборчивы
(Дедушка поет с трудом),
Песне старого рабочего
Все же радуется дом.

Всем, кто трудится без усталости,
Рада песенка помочь:
Хоть на время мысли грустные
От тебя прогонит прочь.

Пусть свободно песня кружится!
Сыт не всякий, кто поет,
Но зато крупицу мужества
Сердцу песенка дает.

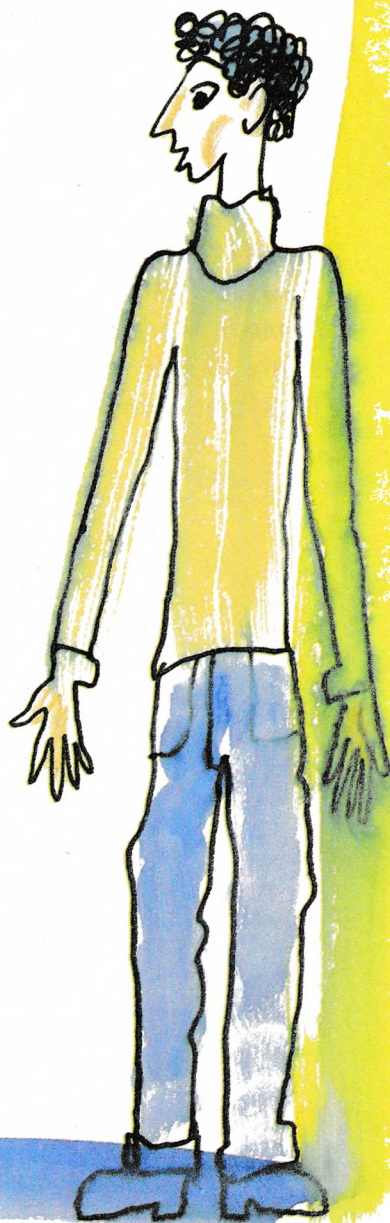

КОРОЛЬ И Я

Не хочешь ли
Сказку послушать?
Изволь.
...В древности жил
Разнесчастный король.
Бывало, как только
Он утром проснется,
Возьмется за хлеб
И к вину прикоснется —
Звякнет ломоть
О застывшее дно:
Золотом сделались
Хлеб и вино.
Конфеток откусает —
Выплюнет слитки.
Нет, не придумать
Ужаснее пытки:
Плачет король,
Царедворцев кляня...

Иначе дела
Обстоят у меня.
Чертовски богатым,
Как пишут в романе,
Являюсь я в лавку
С получкой в кармане.
Куплена, в сущности,
Вовсе безделица,
Но тотчас
Получка
На части разделится.
Тысячи лир
Превращаются в сотни,
Денежки тают,
Как снег прошлогодний.
Едва подержал я
Монеты в руках —
И снова — о чудо! —
Сажу я в долги.

ИСТОРИЯ РЫБЫ-МОЛОТА

Рыба-молот с каждым днем
Выглядит печальней:
Ищет молот днем с огнем
Рыбу-наковальню.
Бьет хвостищем по воде,
Лопаясь от злости, —
Рыбы-стенки нет нигде,
Скрылись рыбы-гвозди.
Рыбу-камень бы забить
Молотом в дорогу,
Рыбу-палец ушибить
Или рыбу-ногу...

— Ну кому же я нужна, —
Хнычет рыба-молот, —
Вечно плаваю одна
И в жару, и в холод.
Где приятель мой, башмак?
Уж ему, бывало,
Я подметку так и сям
Ловко подбивала.
Как о нем не пожалеть,
Старом, неуклюжем...
Угодил приятель в сеть
Рыбаку на ужин!

ОБЕД И УЖИН

*Посвящается Банатино в его бытность
министром продовольственных товаров*

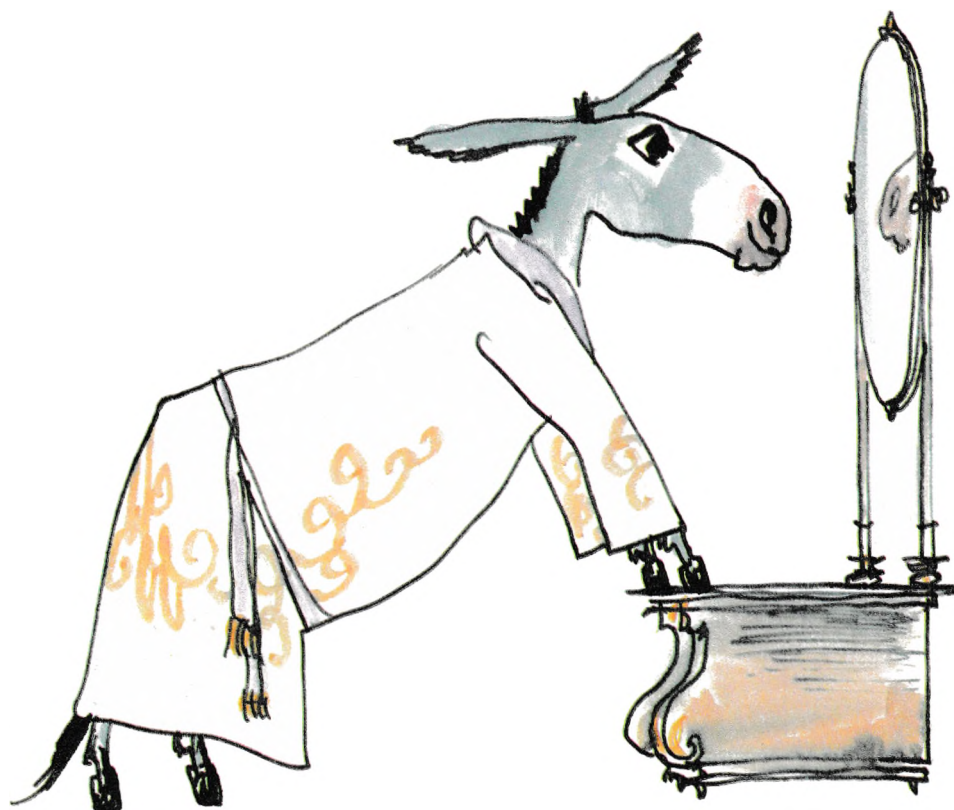
Сел Арлекин с Пульчинеллой обедать.
Приятно из общей тарелки отведать!
Жаль, что в тарелке ни крошечки нет,—
Знатный бы мог получиться обед.
Весь день Арлекин с Пульчинеллой дружен;
Сели приятели вместе за ужин.
Отличнейший ужин! Да сущей безделки
Не оказалось в артельной тарелке.
Разгадка простая:
Тарелка — пустая.

ИСТОРИЯ ПРО ОСЛА

*Посвящается одному из ослов
страны лжецов, который рычал,
чтобы казаться львом*

Знавал я одного осла,
Упрям он был и зол.
Но странность
У осла
Была:
Не знал, что он — осел.
Осел сказал:
— Я убежден,
Что я — не кто иной, как слон.
Нет пышной гривы — значит, я
Не лев, о чем жалею,
Баран мне тоже не родня,
Поскольку я не блею.
Пожалуй, я не адвокат —
В суд не захожу...
А вдруг я
Генералу брат?
В министры угожу?
Иль произвел меня в пажи
Король своей рукой?
Будь другом, зеркало,
Скажи,
Кто же я такой? —
Но зеркало сказало так:
— Ты, малый,
Попросту
Ишак.
— Ишак?! —
Вскричал осел. —

Ну нет,
Обиды не спущу,
За оскорбительный ответ
Копытом угощу! —
...Полно осколков на столе,
Сто крошечных кусков.
Но разве стало на земле
Меньше
Ишаков?

СЕДЫЕ ВОЛОСЫ

*Посвящается
Бенвенуто-не-присядь-ни-на-минуту*

— Каменщик,
Ответь мне
На такой вопрос:
Сколько у тебя
На голове
Седых волос?
— Их у меня
По одному на каждый

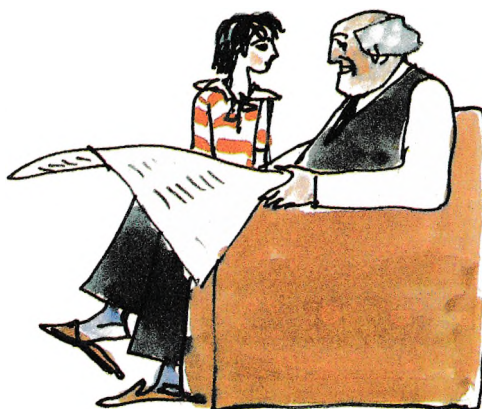
дом,

На каждый дом,
Построенный
Моим трудом.
— А вы, синьор учитель,
Ответьте на вопрос:
Сколько у вас
На голове
Седых волос?
— Много их, дружок,
Ты найдешь у старика,
По одному на каждого
Ученика.

— Дедушка, дедушка,
Ответь-ка на вопрос:
Много ли, скажи,
У тебя
Седых волос?
— На каждую сказку
Их по одному,
На сказку,
Что придумал я
Внучонку своему.

РАССКАЗЫ

ИЗ КНИГИ

„НОВЕЛЛЫ
НА ПИШУЩЕЙ
МАШИНКЕ“

•

МАРКО, МИРКО И ГРОЗНАЯ БАНДА

Мáрко и Мíрко близнецы, но отличить их нетрудно. Марко носит молоток с белой ручкой, а Мирко — с черной ручкой. Оба ни на минуту не расстаются с молотками, никогда. Они готовы даже вытерпеть мытье головы, когда мыльная пена попадает в глаза, лишь бы их не отдавать.

Их отца зовут синьор Аугу́сто, а мать — синьора Эме́нда. Оба они владельцы магазинов. Но синьор Аугусто владеет магазином по продаже электротоваров, а синьора Эменда — магазином женских шляпок, а это, согласитесь, вещи разные. Утром, прежде чем выйти из дому, синьор Аугусто дает сыновьям отеческие наставления, а синьора Эменда — материнские.

— Марко, Мирко, никому не открывайте дверь. Ведь в городе объявилась грозная банда похитителей стирального порошка «Ода».

— Хорошо, мама, хорошо, папа.

Едва родители ушли, близнецы, понятно, распахнули дверь в надежде увидеть притаившегося на лестничной площадке похитителя стирального порошка. Никого. Разочарованные, они вышли на балкон, чтобы потренировать молотки, которые они учат возвращаться назад, словно бумеранг, и разным другим трюкам. Молотки взлетели к небу и вернулись на балкон. Затем они ринулись вниз, на улицу, трижды пронеслись со свистом над шляпой прохожего и снова вернулись.

— Они пока все еще свистят, а художественного шипения не издают, — заметил Марко.

— Ничего, понемногу научатся и шипеть, — спокойно сказал Мирко.

Внезапно на вилле напротив распахнулось окно, в нем появилась пожилая синьора.

— Помогите, помогите! — с отчаянием в голосе закричала она, обхватив голову руками. — У меня украли «Оду».

— Седьмой, — сказал Марко, который считает все случаи похищения «Оды» в квартале.

— Пожалейте меня, помогите! — снова крикнула бедная женщина.

— У вчерашней синьоры зубы были белее, — заметил Мирко.

Но тут внимание наблюдательных близнецов привлек незнакомец в маске, который, крадучись, выскользнул из ворот виллы. Он прижимал к груди коробки с «Одой» и явно намеревался поскорее удрать.

— Вот он, долгожданный шанс, — сказал Марко.

— Конечно, вора не часто можно встретить, — подтвердил Мирко.

Молотки взмыли в воздух. На этот раз уже не со свистом, а с ревом. Человек в маске посмотрел вверх, но лучше бы он взглянул на свои ноги. Молоток с белой ручкой подлетел к его правому ботинку, молоток с черной ручкой — к левому... Незнакомец еще

мог бы развести ноги в стороны. Вместо этого он развел руки, выронил коробки и неизвестно почему тоже начал кричать:

— Помогите, сжальтесь надо мной!

Молотки с бешеной скоростью крутились вокруг его ног, не давая ему даже пошевелиться.

— Всё, сдаюсь! — взмолился человек в маске.

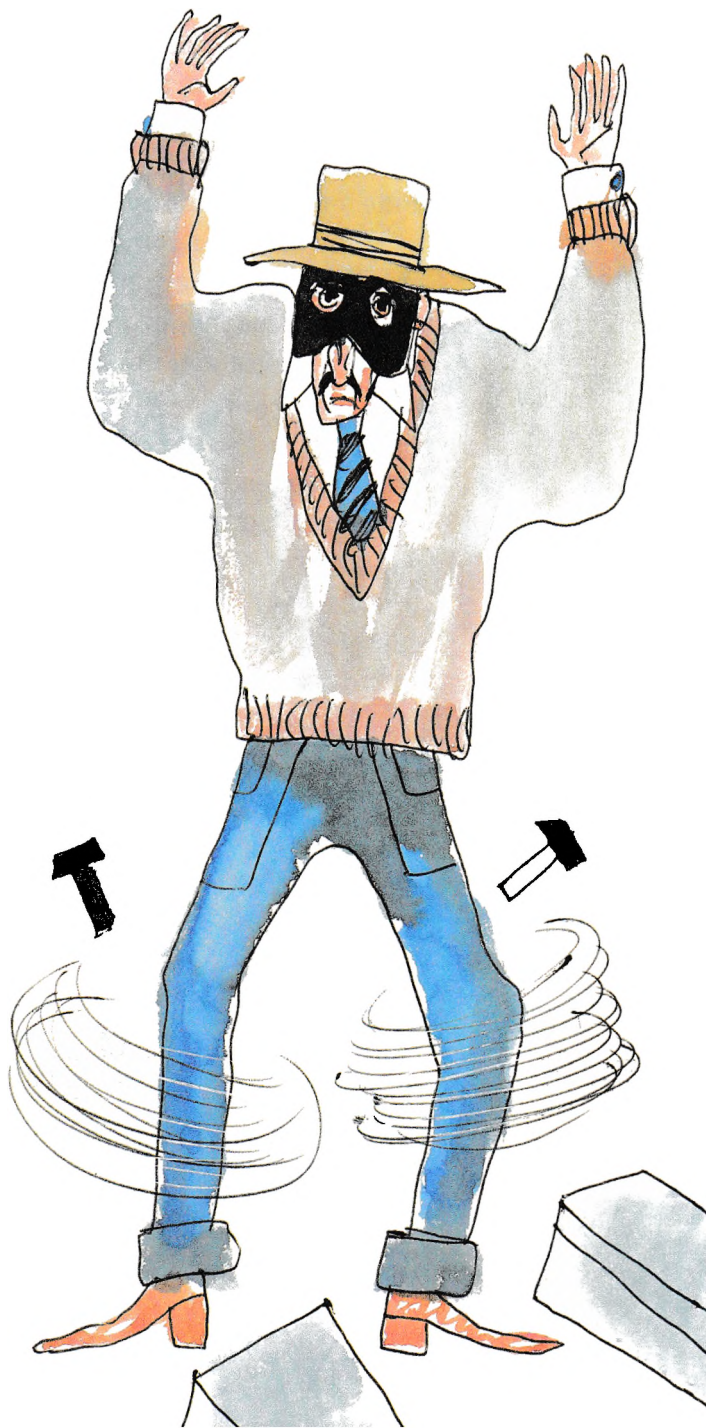
— Этого нам мало, — сказал Марко.

— Мы ждем полного признания, — уточнил Мирко. — Кто вы такой, почему крадете «Оду», кто ваши сообщники, кто глава банды, как зовут жену главаря, и сколько ей лет, и так далее и тому подобное?

— Меня зовут Человек в маске. Я краду стиральный порошок «Ода» по поручению третьего лица. Приказы мне отдает известный преступник Лёмме Лёмме. Больше я ничего не знаю. Теперь я могу уйти?

— Адрес Лемме Лемме?

— Корсо Гарибальди, дом 3567 с половиной, корпус второй. Стучать в дверь четыре раза, напевая канцону: «Рамона, слышишь колокольчик, что тебя зовет».

Близнецы отпустили Человека в маске под честное слово. Молотки вернулись на балкон с легким воем и с сознанием выполненного долга. Братья сунули их в карман, вышли на улицу и отправились на поиски известного преступника Лемме Лемме. Адрес оказался точным. Они постучали в дверь четыре раза. Никакого ответа. Снова постучали четыре раза.

— Так не годится, — донесся голос из-за двери. — Вы должны еще спеть канцону. Иначе не открою.

— Ах да, песню.

Марко и Мирко запели гимн Гарибальди, но Лемме Лемме ехидно ответил:

— Не та песня, ошиблись. Начинайте всё сначала.

Тут близнецы прибегли к молоткам, и Лемме Лемме мгновенно открыл дверь.

— Извините, но мотив канцоны, которая начинается словами: «Рамона, слышишь колокольчик, что тебя зовет», мы забыли.

— Вы мне дверь сломали,— запротестовал Лемме Лемме.

— Простите за невежливость, но мы хотим знать всю правду о банде похитителей «Оды».

— Зачем вам это нужно? Для школьного сочинения?

Лемме Лемме, сам того не зная, попал на больное место близнецов. При слове «школьное» прогульщики-близнецы покачнулись, а оба молотка съежились, вспомнив, как часто учительница их отбирала и уносила домой. Лемме Лемме получил преимущество в поединке, но он об этом не догадался.

— Вы убежали из дому, чтобы совершить кругосветное путешествие? — продолжал допытываться он. И невольно допустил неосторожность. — Вы найметесь юнгами на корабль, отплывающий из Бриндизи в Патрас?

— Так, значит, добыча банды попадает в Патрас?! — воскликнули Марко и Мирко. — Все, вы пропали. Сейчас придут полицейские и вас схватят.

Лемме Лемме метнулся было к двери, но это было роковой ошибкой — молотки сразу же проверили ударами по коленкам быстроту его рефлексов.

— Ай, ой! — вскрикнул Лемме Лемме. — Мучители, что вам от меня надо? Я всего лишь посредник. У меня под началом двадцать семь воров. Они похищают «Оду» и привозят в мой склад. Каждое утро ко мне в зеленом фургоне приезжает лысый человек и платит за «Оду» золотом и серебром.

— Когда он появится?

— Ровно через две минуты. Спрячьтесь в углу и сами все увидите.

Две минуты тянулись медленно, им-то некуда было торопиться.

ся. Наконец прибыл маленький зеленый фургон, за рулем сидел лысый человек. Лемме Лемме погрузил в кузов мешки со стиральным порошком и протянул руку в ожидании денег. Лысый человечек с ухмылкой плюнул прямо в раскрытую ладонь.

— За последнюю партию «Оды» и такая плата неплоха, хо, хо!

Он уже собрался уехать, но не сумел. Молоток Марко пригвоздил его левую руку к рулю, а молоток Мирко — его правую руку к переключателю скоростей.

— Кто же нападает на людей так предательски, без предупреждения? — захныкал лысый бандит.

— Заплатите честному посреднику! — приказал ему Марко.

Лемме Лемме получил свои золотые плитки, вытер руки о штаны и удрал в Непал.

— Поехали! — приказали бандиту близнецы.

— Сию минуту, — обрадовался лысый человек. — Поедьте в зоопарк. Я куплю вам два пакета орешков, и вы угостите ими обезьян.

— Никакого зоопарка! Едем к главе банды.

— О, нет, нет! — взмолился лысый человек. — Только не к главе банды. Лучше уж я выпью кофе с молоком без единого кусочка сахара.

Молотки заставили его подчиниться, и машина тронулась.

По пути лысый человек признался:

— Глава банды — доктор Дьяболус.

— Кто, кто? Знаменитый ученый Дьяболус?

— Он страшный человек. Стоит мне с опозданием выполнить его приказ, как он насылает на меня резь в желудке. Знаете, как он заставил меня стать своим помощником?

— Нет, нам никто об этом не рассказывал.

— Послал ко мне во сне моего дедушку, и тот всю ночь осыпал меня пощечинами. Я проснулся с опухшим лицом. Вообще же мое любимое занятие — наблюдать за платанами.

— А как это делается?

— Выбираешь платан по своему вкусу, садишься в шезлонг и наблюдаешь. И знаете, наблюдения бывают преинтересные. Кстати, меня зовут Секондо Второй.

— Вернемся к «Оде», синьор Второй. Зачем она доктору Дьяболусу?

— Она ему нужна для Ансэльмика, работа со сверхумом, которого доктор создал после многих лет научных изысканий. А назвал он его Ансельмик в честь своего дяди Ансэльмо.

— Ну, а зачем стиральный порошок «Ода» Ансельмику?

— Он его ест. Съедает в день центнер. Все время ест и думает.

— Над чем же он думает, синьор Второй?

— Не знаю. Когда доктор Дьяболус и робот беседуют между собой, доктор посылает меня во двор рубить дрова. Ну вот мы и прибыли. Видите вон тот белый дом с голубыми шарами?

Марко и Мирко посмотрели и удивились. Это был дом, в котором они сами, вместе с родителями и с молотками, жили на втором этаже.

— Лаборатория доктора в подвале, — объяснил синьор Второй. — Дьяболус всегда выходит из дому, переодетый в торговца водопроводными кранами.

— Синьор Джачинто! — воскликнули Марко и Мирко. — Тот, который часто дарит нам старые водопроводные краны. Подумать только!

Синьор Джачинто, одетый в дьявольскую форму ученого, весьма рассердился на синьора Второго, когда увидел братьев-близнецов. Ансельмик же, наоборот, увидел лишь стиральный порошок и от радости пустился в пляс.

— Каша из стирального порошка! Да здравствует каша! — закричал он, повязал шею салфеткой и принялся столовой ложкой уплетать стиральный порошок. А доктор Дьяболус попытался своим адским взглядом вызвать у Марко и Мирко резь в желудке и таким путем от них избавиться. Но ему не уда-

лось сосредоточиться, потому что молотки с воем закружились над его головой, отчего у него самого началась морская болезнь.

— Соппротивление бесполезно, синьор Джачинто-Дьяболус, вы окружены.

Ученый с плачем поник в кресле:

— Хватит, хватит! Я расскажу всю правду.

Но не успел он сказать и двух слов, как Ансельмик, оторвавшись от тарелки со стиральным порошком, завопил:

— Придумал, придумал! «Убедитесь сами воочию, стиральный порошок «Оду» крадут днем и ночью». Вы уловили, хозяин, тонкий намек?!

Доктор Дьяболус еще больше скрючился в кресле, пробормотав со всхлипом:

— Это уже слишком. Как раз сегодня я решил отказаться от дальнейших попыток — очень уж трудной была задача. И вот Ансельмик додумался, но опоздал на две минуты: ведь вы меня нашли и разоблачили. Сколько неудач сразу! А ведь я чуть было не добился цели всей жизни...

— Какая у вас была дьявольская цель, доктор?

— Найти текст для рекламы стирального порошка «Никсон» в телевизионной «Карусели». Десять лет назад фирма «Никсон» приняла меня на работу и дала это тайное задание... Я создал удивительного робота из монеток по пять лир... Взгляните сами, разве он не прекрасен?! Ансельмик должен был придумать рекламную фразу. Для этого я кормил его «Одой». Я продолжал кормить Ансельмика и после того, когда фирма перестала мне ее поставлять. Тут уж мне пришлось прибегнуть к кражам. Теперь вы сообщите полиции, что я глава банды похитителей «Оды»... Меня приговорят к пожизненному заключению. Возможно, меня посадят в камеру с четным числом. А ведь я всегда любил лишь нечетные числа... Какая трагедия!

Ансельмик не переставая скакал по комнате и напевал в

разной тональности «Убедитесь сами воочию, порошок «Оду» крадут днем и ночью».

— Довольно, надоело, — сказал Марко.

— Стиральный порошок «Ода» — преотвратный, — сурово добавил Мирко.

— Правда? — изумился Ансельмик. — Об этом я как-то не подумал. — И он горько заплакал.

— Ну, перестань, перестань! Надеюсь, тебе не попала мыльная пена в глаза? — подбодрил его Марко... — Хорошо, сделаем так: мы никому ничего не сообщим. Но на таких условиях. Первое: вы, доктор Дьяболус, уйдете в отставку с поста главаря банды и займетесь только производством водопроводных кранов. Весь похищенный порошок вы через почту возвратите прежним владельцам.

— Но как? У меня нет их адресов.

— Отыщете по телефонной книге. Второе: синьор Второй сможет отныне спокойно наблюдать за платанами.

— Ура, бегу покупать шезлонг!

— Третье: Ансельмика вы запрете в шкафу и будете его выпускать один раз в день, в семнадцать ноль-ноль. Он будет делать уроки для меня с Мирко и для наших друзей. А есть станет школьные учебники.

— Урра! — восторженно закричал Ансельмик. — Убедитесь сами воочию, школьные учебники крадут днем и ночью!

Он сразу же заперся в шкафу, потом приоткрыл дверцу.

— Начнем прямо сегодня?

— Нет, после каникул.

— С нетерпением буду ждать конца вышеозначенных каникул.

Все ли проблемы разрешены? Да, все до одной. Марко и Мирко попрощались с синьором Джачинто и вернулись домой. И как раз вовремя. Вскоре возвратились и синьор Аугусто с синьорой Эмендой. Они были очень рады, что дети мирно сидят в гнездыш-

ке, где им не страшны никакие беды и опасности большого города.

— Вы вели себя отлично. В награду я сама помою вам сегодня головы,— сказала синьора Эменда.

Марко и Мирко предпочли бы, чтобы им дали пару затрещин, но они слишком горды и самолюбивы, чтобы выдать свой панический страх перед мыльной пеной.

Увы, не все в жизни бывает таким же приятным, как борьба с бандой похитителей стирального порошка «Ода».

МАРКО И МИРКО, ДЬЯВОЛ И СИНЬОРА ДЕ МАДЖИСТРИС

Марко и Мирко, как я уже рассказывал, — два брата-близнеца, во всем похожие друг на друга. Но различить их нетрудно: Марко всегда носит с собой молоток с белой ручкой, а Мирко — с черной. Их родителей тоже легко различить: синьор Аугусто — владелец магазина электротоваров, а синьора Эменда — владельца магазина женских шляпок. Теперь вам все понятно?

Марко и Мирко были одни дома и писали сочинение на тему: «Расскажите о дьяволе».

Написав первое слово «План», братья стали совещаться.

— Что же писать дальше? — сказал Марко.

— Давай напишем, что дьявол придурковат, — предложил Мирко.

— Согласен. Но надо объяснить, почему он придурковат!

— Потому что он делает сквородки без крышек.

Пока они записывали в тетради столь мудрое умозаключение, в кухне послышался шум. Там кто-то словно стучал молотком по жестяной банке: тук, тук, тук.

Братья отправились на разведку и увидели, что это дьявол.

— Сейчас я вам покажу, как работает дьявол. Сделаю сковородку с крышкой, — грозно сказал он, — тогда отучитесь писать в сочинении всякую ерунду.

Дьявол был небольшой, но очень сердитый. Его рога дымились, и он яростно бил хвостом об пол.

— По-моему, тут нужна крышка восемнадцати сантиметров, — заметил Марко.

— И я так думаю, — согласился Мирко. — Восемнадцать плюс восемнадцать равно тридцати шести. Вот такого размера крышка и нужна.

— Не сбивайте меня с толку! — воскликнул дьявол. — Я для этой сковородки сделаю такую крышку, какая нравится мне. А потом брошу вас на сковородку, накрою крышкой и преспокойно изжарю.

— Ничего не выйдет, — сказал Мирко.

— Точно. Сегодня бастуют газовщики, — подтвердил Марко.

— Чихал я на забастовку. Огонь я и сам могу разжечь, — ответил дьявол.

— Так ты еще и штрейкбрехер! — в один голос воскликнули близнецы.

— Все, готово. Сковородка и крышка, и вам самим крышка, как говорится в древней пословице, — усмехнулся дьявол.

— Сейчас проверим, — сказал Марко и запустил молотком в крышку.

Денг — звякнула крышка и упала в умывальник.

— Она должна была издать другой звук: «Данг», а не «Денг»! — сказал Марко. — Сразу видно, что медь низкого качества. Ну, а теперь проверим сковородку.

Молоток Мирко взмыл и обрушился на сковородку.

Донг... — звякнула сковородка и отлетела в мусорное ведро.

— Совсем никуда не годится, — заключил Марко. — Нет уж, мы не позволим себя жарить в никудышной сковородке.

— Это мы сейчас увидим, — парировал дьявол, поднимая крышку и сковородку.

— Что же мы увидим? — поинтересовался Мирко.

Тем временем молотки, выполнив задание, вернулись к братьям-близнецам, ведь они были молотками обученными. Для них превратиться в бумеранги было легче легкого, так, веселой шуткой.

— Увидим, как быстро вы изжаритесь, — ответил дьявол. И сразу понял, что солгал, недаром же он праотец лжи и обмана. Молотки застучали по его рогам, да так сильно, что у дьявола посыпались искры из глаз.

— Ай! — вскрикнул он.

— Неплохо кричишь, — одобрили Марко и Мирко.

— Это не по правилам! — захныкал дьявол. — Вы должны задрожать как осиновый лист, упасть на колени и горько заплакать. Ой, уберите ваши молотки! У меня от них голова разламывается. Ай!

— Сдаешься?

— Сдаюсь, сдаюсь.

— Как тебя зовут?

— Освальдо.

— Так возвращайся, Освальдо, поскорее в ад. Там тебе будет тепло.

Дьявол ужасно смутился, стукнул копытцем об пол и исчез. Братья-близнецы увидели лишь облачко дыма. Оно исчезло в стенной щели быстрее сороконожки, которая спасается от метлы домашней хозяйки.

Дьявол явился к командиру адского легиона и доложил:

— Братья-близнецы Марко и Мирко не испытывают никакого почтения к дьяволу.

Глава легиона ужасно разгневался. В дьявольской ярости он вырвал волос из головы и приказал дьяволенку вернуться на землю и примерно наказать этих двух сорванцов.

А они никак не могли кончить сочинение.

— Что мы теперь напишем? — спросил Марко.

— Истинную правду. То, что видели сами: «Дьявол носит брюки в крупную клетку».

Не успели они написать эту историческую фразу, как в дверь постучали: тук-тук.

— Кто там?

— Дьявол.

— Прежний или новый?

В ответ дьявол со свистом проскользнул сквозь замочную скважину. Вначале он был тоненьким, словно волос. Но едва коснулся пола, превратился в огромную овчарку с дымящимися ушами. Пролаяв два раза, он превратился в филина с горящими глазами. И повис на люстре. Все лампочки сразу потухли, а глаза дьявола-филина извергали огонь.

— Ну, а что дальше? — спросил Марко.

— Не испугались?

— Нет, ты должен был сначала зарычать: «Ууу... бууу...»

Филин спрыгнул на пол и превратился в дракона с громадными острыми зубами.

— Теперь тоже не испугались?

— Ничуть. Ты снова забыл завывать: «Ууу, бууу», хотя мы тебе и говорили. Зубы у тебя длинные, а вот память короткая.

— Хватит болтать! Вот посажу вас в мешок и унесу, — пригрозил им дьявол.

— Ни в какой мы мешок не полезем, — ответил Марко. — Мама не велела нам выходить из дому. А мы дети послушные.

— А за наглость сейчас посчитаем тебе зубы, — добавил Мирко.

Молотки на огромной скорости устремились к дьяволу, и в мгновение ока его зубы разлетелись на сотни кусочков.

Дьявол превратился в муху, взлетел и сел на оконное стекло.

— Тут я в полной безопасности. Не станете же вы разбивать окна вашими молотками.

— Брат отца — стекольщик, — сообщил дьяволу Марко.

— Он вставляет нам разбитые окна бесплатно, — уточнил Мирко.

— Дядя — стекольщик? Это уже слишком! — взвизгнул дьявол. Он ударил лапкой по стеклу и исчез, оставив лишь маленькую черную точку — мушиный помет.

Когда он доложил обо всем командующему дьявольским легионом, тот чертовски рассвирепел.

— Все вы даром едите огонь! — завопил он, изрыгая дым

из когтей и ноздрей. — Я сам слетаю на землю и покажу, как мстят за оскорбление, недоумки!

Марко и Мирко все еще потели над сочинением. Они написали в тетрадах (левой рукой, потому что в правой держали молотки):

«Дьявол очень боится детей».

И тут главный дьявол появился в тетради в виде рисунка. Странного рисунка. Маленький дьявол хитро подмигивал и оглушительно свистел, от него пахло серой. Внезапно он выскочил из тетради и превратился в громадного, трехметрового дьявола, величиною с диван. Одной рукой он схватил Мирко, другой — Марко, а хвостом выбил у них из рук молотки.

— До чего же ты невежливый! — сказал Марко.

— Очень, — подтвердил Мирко. — Только невежда входит в чужой дом без разрешения. Мы обо всем расскажем отцу.

Дьявол поднес обоих близнецов к носу, чтобы получше их разглядеть.

— У тебя глаза красные. Надо бы их смазать зеленкой, — сказал Марко.

— Могу посоветовать тебе хорошее, ароматное мыло, а то от тебя серой пахнет, — заметил Мирко. — И вообще тебе нужно почаще принимать душ.

— Ха, ха, ха! — проворчал дьявол. — Болтайте, болтайте, милейшие! Посмотрю, какие советы вы будете подавать, жарясь на медленном огне.

В этот момент послышался скрип ключа в замочной скважине. Дверь распахнулась, и хриплый голос прокричал:

— Уууу, ббуу!..

Дьявол испугался и уронил на пол Марко, Мирко и оба молотка.

Кто же вошел в комнату? Это была синьора де Маджйстрис, заботливая соседка. Синьора Эменда, уходя, всегда просила ее присмотреть за своими шалунами. Вот она и заглянула, чтобы

проверить, много ли Мирко и Марко разбили тарелок, не разломали ли они стенной шкаф. Синьора де Маджистрис заметила, что дьявол спрятался под диваном. Она побежала за метлой.

— Кто вы такой? Ну-ка вылезайте!

Дьявол, увидев метлу, страшно обрадовался — решил, что перед ним ведьма. Он вылез из-под дивана и попытался перехватить инициативу. Но братья-близнецы вновь пустили в ход молотки-бумеранги. Молоток с белой ручкой принялся безжалостно молотить дьявола по хвосту, а молоток с черной — по рогам.

— Синьора, уговорите этих чертенят, — корчась от боли, попросил дьявол.

— Хватит, хватит! Отпустите бедного дьявола! — сказала синьора де Маджистрис. — Разве можно так обращаться с несчастными, которые просят милостыню. Им надо дать

остатки обеда или дырявую лиру. Пусть думают, что все люди добрые.

— Прекрасно сказано, синьора! — воскликнул дьявол.

Марко и Мирко дали дьяволу передышку. Тот воспользовался благоприятной возможностью и улетел. Синьора де Маджистрис даже не заметила его исчезновения. Она отправилась на кухню за обедками. Воротилась она с тарелкой молотой требухи — любимого блюда кошек. Но дьявола не нашла.

— Удрал? Вы его запугали? Мне он показался добрым дьяволом. Что ж, ничего не поделаешь. А вы и сами, верно, изрядно напугались. Так и быть, расскажу вам сказку про «Красную Шапочку».

Марко и Мирко побледнели и задрожали от страха.

— Нет, только не про «Красную Шапочку», — попросили они.

— Не хотите? Это же чудесная сказочка. Я, когда была маленькой, очень любила ее слушать. Так вот: жила-была красивая девочка...

Братья-близнецы прижались друг к другу. Они уже в сотый раз слушают историю про Красную Шапочку, но дрожат так же сильно, как в первый раз. Даже сильнее. Ведь в первый раз они не знали, что внезапно появится злой волк. Теперь они это знают. Точно знают, в какой момент он появится... И заранее пугаются, дьявольски пугаются.

Синьора де Маджистрис неумолимо продолжает свой рассказ. Вот уже Красная Шапочка попрощалась с мамой... Весело подпрыгивая, отправилась к бабушке... Вошла в темный лес. Вдруг из-за куста вылез... злой волк! У Марко и Мирко от ужаса застучали зубы. С тихим стоном они спрятались под диван, затаились там. Их молотки валяются на полу словно брошенное поверженными воинами оружие.

— Баста! Баста! — умоляют синьору де Маджистрис братья-близнецы.

Но синьора их не слышит — она слушает лишь себя — и не видит, потому что одновременно вяжет кофту.

Синьора Эменда и синьор Аугусто, вернувшись домой после трудного рабочего дня, вначале не увидели сыновей. Из-под дивана торчали только их ботинки.

— Ах вы мои дьяволята! — ласково сказала синьора Эменда.

— Вылезайте, вылезайте, трусишки! — позвал их синьор Аугусто.

Марко и Мирко выползли из-под дивана. Они спасены.

Братья-близнецы уцепились за юбку матери, а она, счастливо улыбаясь, сказала:

— Ах вы мои шалуны-молоточки.

КРОКОДИЛ-ЗНАТОК

Однажды к воротам здания радио и телевидения в Риме, на виа Мадзѳни, 14, подошел крокодил и попросил приема у ведущего программы «Рискни всем».

Швейцар, понятно, его не впустил. Но крокодил настаивал:

— Где табличка, что крокодилам вход воспрещен? Нет такой таблички. А раз так, не имеете права меня не пускать!

— Подождите, я сначала справлюсь по телефону.

— Прекрасно. Против телефонного звонка я лично не возражаю.

Швейцар позвонил в кабинет директора программы «Рискни всем».

— Дотторе, тут пришел крокодил...

— Ах, синьор Крѳко,— ответил дотторе, который вечно говорил по двум-трем телефонам сразу и окончания слов обычно не слышал.— Хорошо, пропустите его.

Крокодил вошел в кабину лифта. И так как он был двухметрового роста, да еще на его голове красовался цилиндр фиолетового цвета, ему пришлось пригнуться. Одет он был в длинный-предлинный ярко-желтый плащ. Синьора в лифте от разительного контраста цветов цилиндра и плаща упала в обморок.

Секретарша директора программы «Рискни всем» была очень близорукой. Она взглянула на вошедшего и сказала:

— Садитесь, синьор Кроко... Входите, дотторе ждет вас.

Дотторе вовсе не ожидал увидеть крокодила в темных очках над огромной зубастой пастью и отчаянно закашлялся.

Крокодил терпеливо ждал, когда тот откашляется, потом сказал:

— Так вот, я такой-то и такой-то и хотел бы принять участие в вашей замечательной и поучительной передаче. Кстати, у меня есть рекомендательное письмо от брата.

— Прекрасно, прекрасно. Как поживает ваш брат?

— Знаете ли, ему здесь немного тесновато. После Нила трудно привыкнуть к бассейну зоологического сада.

— Простите, а в какой области вы считаете себя знатоком?

— В области полосатых котов и кошек.

— Вам не кажется, что это немного ээ... полосатая область?

— Но, в известной мере, и тигровая.

— О да, об этом я как-то не подумал.

— Значит, вы согласны, дотторе!.. Тогда я хотел бы дебютировать в субботу. Мой брат будет очень рад.

Дотторе сунул в рот мятную карамельку и в растерянности сразу ее проглотил. Он взял другую карамельку и вдруг ужасно вспотел.

— Странно, — сказал он, — не знал, что от мятных карамелек потеешь.

Крокодил на прощание помахал цилиндром и удалился. Директор программы «Рискни всем» вызвал секретаршу,

велел ей принести чашку крепчайшего кофе и позаботиться о всех деталях субботней передачи.

Вечером в газетах появилось сообщение: «В следующую субботу синьор Кроко будет выступать в программе «Рискни всем». Его соперниками будут доктор Фанфарони и синьора Чуюмасло.

О новом знатоке и его желтом плаще мы слышали много хорошего. Однако сама тема состязания держится ведущими в строжайшей тайне. Известно лишь, что речь идет о культе Богини кошки в Древнем Египте».

Читатели сразу разделились на пять партий.

Первая утверждала, что доктор Фанфарони, знаток в области утиных перьев эпохи средневековья, сделает котлету из синьора Кроко и приправит ее чесноком, съест, а потом отдаст кости своему коту.

Вторая клялась, что синьора Чуюмасло, знаток в области африканских сыров, поставит своего соперника Кроко на колени и заставит его признать превосходство суданского сыра качотта над сыром робиола из Северной Италии.

Третья была уверена, что победный марш из «Аиды» прозвучит в честь синьора Кроко.

Четвертая пребывала в сомнениях.

Пятая плевать хотела на весь этот поединок, так как увлекалась лишь футболом да немного шахматами.

Наступил четверг, потом занялось утро пятницы, и, наконец, настала суббота.

На экранах всех телевизоров, кроме невключенных, появился крокодил в желтом плаще. Но ведущий программы «Рискни всем» Мике Бонджорно, следуя полученным инструкциям, невозмутимо называл его синьор Кроко. Все же он дал понять телезрителям, что и сам не слепой.

— Знаете, синьор Кроко, вы очень похожи на нильского крокодила!

— Вы спутали меня с моим братом. Я сам родом из озера Тана.

— Браво, браво! Наконец-то и у нас в программе «Риски всем» появился, как и в команде «Ювентус», так сказать, иностранный игрок итальянского происхождения... Расскажите, расскажите же нам, уважаемый синьор Кроко, как и почему вы решили специализироваться в сфере полосатых кошек?

— Что подделаешь, синьор Микее. Я вырос в заброшенном селении, где даже сыра почти не было. Я уж не говорю о музыке в стиле барокко и об истории свеклы. Об этом мы даже не слыхали. Я до всего дошел своим умом, благодаря силе воли и наблюдательности. И вообще, я самоучка, как и Джузеппе Верди.

— Чудесно, изумительно! Синьор Кроко показал себя знатком и в сфере оперной музыки.

— В прекрасные дни моей юности я съел фаготиста и оплакал его в си-бемоль мажоре, — скромно опустив глаза, признался крокодил.

Доктор Фанфарони брезгливо поморщился, а синьора Чую-масло с непроницаемым видом вынула из сумочки сыр горгонцолу.

Тут ведущий понял, что пора переходить к вопросам.

Все три соперника точно ответили на десять вопросов из десяти.

Из Копенгагена особым рейсом прибыли многочисленные болельщики крокодила.

Трое знатоков заняли для финального поединка три кабины. Доктор Фанфарони ответил на самый сложный вопрос по архитектуре. Но допустил ошибку, когда его спросили, сколько крутых яиц вместила бы Пизанская башня, если бы ее превратили в гигантский контейнер.

Крокодил выскочил из своей кабины и в мгновение ока проглотил доктора, выплюнув лишь золотые швейцарские часы.

— Однако же вы, синьор Крко, большой проказник, — с улыбкой заметил ведущий. — Разве можно съесть своих соперников?

— Извините, но я не сумел удержаться. Слишком уж я люблю Пизанскую башню.

— Понимаю, — сказал Мике Бонджорно. — Но выплевывать великолепные швейцарские часы вы не должны были!

— Простите, синьор Микее. Я не знал.

— Хорошо, на этот раз мы вас прощаем.

Настала очередь синьоры Чуюмасло. Ей нужно было ответить на вопрос, кладут ли люди племени банту в овечий сыр петрушку или же бруснику.

— Они кладут петрушку, — ответила синьора Чуюмасло. Но мгновенно поправилась: — Нет, нет, я хотела сказать — бруснику!

— Обман! — завопил крокодил. — Засчитывается только первый ответ!

И он проглотил, даже не разжевав, и синьору Чуюмасло.

— Нехорошо, нехорошо, синьор Крко! — воскликнул ведущий Мике Бонджорно, с упреком водя указательным пальцем у него под носом. — Так мужчины не поступают. С женщинами нужно обращаться по-рыцарски. Тем более, что передача идет на всю Европу, и нас смотрят в Беллинцоне и в Амстердаме!

— А в Фрибурге нас смотрят? — в крайней тревоге спросил крокодил.

— Разумеется.

— Как жаль! Обещаю, что больше это не повторится.

— Да, но вы уже съели двух своих соперников. Не знаю даже, можно ли продолжать программу. Что вы об этом думаете, синьор нотариус?

Синьор нотариус ответил, что в правилах не предусмотрены санкции против каннибалов, и потому состязание можно продолжить.

— Тогда скажите, синьор Кроко,— обратился к крокодилу ведущий,— где именно поймала мышь и съела ее кошка Карла Великого, когда его провозгласили императором?

— В Риме, возле Пантеона,— не колеблясь ни секунды ответил крокодил.

— Ответ совершенно точный! — воскликнул Мике Бонджорно.— А теперь...

В тот же миг крокодил выскочил из кабины и, не успели зрители досчитать до трех, проглотил и ведущего.

Из брюха крокодила донесся его протестующий голос:

— Это уж слишком, синьор Кроко. Ведь нас смотрят и в Брюсселе.

Крокодил поправил сползший набок цилиндр и огляделся с победоносным видом, как бы спрашивая: «Остался еще кто-нибудь?»

— Осталась я,— ответила помощница ведущего Сабина с загадочной улыбкой молодой женщины, окончившей философский факультет университета.

Зрители затаили дыхание. Предстоял захватывающий поединок. Удастся ли крокодилу заглотить еще и Сабину? Ведь в животе у него уже сидят три человека, а живот этот растягивается лишь до определенного предела. А может, Сабину спасет от злодея нотариус? Затем он попросит ее руки, женится на ней, и новобрачные отправятся в свадебное путешествие по самым первым страницам всех самых известных бульварных журналов?

Одни верили в такой исход, другие нет. Сама же Сабина не потеряла присутствия духа. Она с милой улыбкой обошла крокодила с тыла и схватила его за хвост. Подняла на высоту одного метра пятидесяти сантиметров и стукнула головой об пол.

— Нарушение правил! — завопил крокодил.— Этого пункта нет в регламенте!

— Тебе не вредно немного размяться,— ответила Сабина.

Крепко держа крокодила за хвост, она стала размахивать им над головой, словно это было ведро с водою. Раз, два, три, все быстрее и быстрее.

— Вступитесь, синьор нотариус! — завопил крокодил. — Право же, синьорина обращается со мной жестоко. Так, словно я — кнут.

— Ты обманщик и плут, — ответила ему в рифму образованная Сабина.

Она стала крутить его над головой с ловкостью ковбоя из цирка Россекс. Крокодил со свистом разрезал воздух, зрители ликовали. Внезапно он ударился челюстью об пол. Цилиндр слетел с головы, желтый плащ надулся, словно парус на сильном ветру.

— Открываю счет. Раз, два, три... — воскликнула Сабина.

При счете десять из пасти крокодила вывалился Мике Бонджорно. Он сразу стал одергивать свой коротенький пиджак — ведь безукоризненный ведущий всегда должен быть и одет безукоризненно.

При счете одиннадцать из брюха вывалилась синьора Чую-масло.

— Какой, однако, непростительный промах! — пробормотала она. — Ведь я же хотела сказать «бруснику».

При счете двенадцать из брюха крокодила осторожно вылез доктор Фанфарони и тут же принялся искать свои золотые часы.

— Хватит! — взвыл крокодил. — Сжальтесь надо мной, я же вернул всю добычу.

— Сейчас я тебя за все твои гнусности выверну наизнанку, — сказала Сабина. Сунула ему руку в пасть и вывернула крокодила наизнанку, словно старый шерстяной носок.

— Какой некрасивый поступок, — заплакал крокодил. — Я пожалуюсь брату.

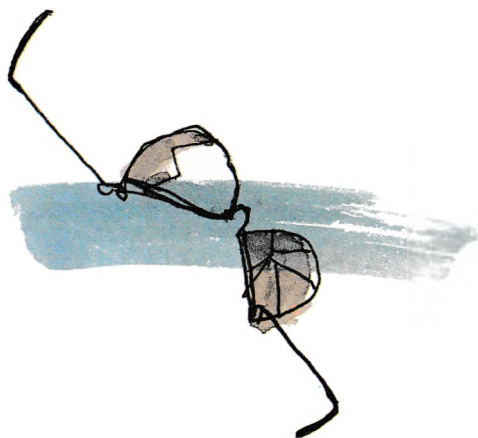
Но это уже была лишь жалкая тень прежнего непобедимого

крокодила-знатока. Собрав последние силы, он снова вывернулся налицо, стряхнул пыль и чешуйки с плаща, почистил зубы и поплелся прочь.

— Мы еще вернемся, вернемся! — туманно пригрозил он.

— Как жаль, синьор Кроко! На этот раз вы грубо ошиблись! — поправил его ведущий Мике Бонджорно. — Надо было сказать в единственном числе: «Я вернусь!»

— Нет, не ошибся, — ответил крокодил, утирая цилиндром слезы. — Мы вернемся с братом. «Мы» — это множественное число, синьор Микее...

СПАСЕНИЕ ВЕНЕЦИИ, ИЛИ КАК СТАТЬ РЫБАМИ

Сцена первая

— Гм! — сказал синьор Тодáро, агент по страхованию, синьоре Дзáнце своей жене.— Послушай, что пишет газета. «По мнению профессора Токийского университета Со Хио Со Хио в 1990 году Венеция очутится полностью под водой. Над поверхностью лагуны будет возвышаться лишь маковка колокольни Сан Марка». До 1990 года осталось совсем немного. Самое время поискать, как нам спастись.

— Где же ты собираешься спастись, умник? Давай уедем к моей сестре в Каварцёре.

— Ни за что,— ответил синьор Тодаро.— Лучше стать рыбами, тогда мы заранее привыкнем жить под водой. И на обуви сэкономим. Труби сбор, жена.

Синьора Дзанце затрубила в трубу. Мгновенно примчались трое ее детей, Бэпи, Нáne и Нина, которые играли на площади

Сан Паоло. Прибежала и племянница Рина, дочь сестры из Каварцере, которая стояла у ворот в ожидании жениха.

— Так вот, чтобы достойно встретить экологическую катастрофу, мы все превратимся сейчас в рыб,— объявил синьор Тодаро.

— Я рыбу не люблю,— сказал их сын Бепи.— Предпочитаю требуху.

— Гм, кто не любит уху, из того делают требуху,— сказал синьор Тодаро,— и влепил сыну затрещину.

— Ты отец — тиран! — с пафосом воскликнул Бепи.

— Ну хорошо, станем рыбами, но какими? — спросил их сын Нане.

— Я хочу стать китом,— заявила их дочка Нина.

— Единица по зоологии,— ответил синьор Тодаро.— Разве ты не знаешь, что кит не принадлежит к семейству рыб? Но не будем заниматься бесполезными спорами, какие породы рыб лучше, какие хуже.

— Как это понимать? — спросила синьора Дзанце.

— А так, что надо приниматься за работу. Хорошее начало — уже полдела. Кто ценит время, тот и минуты даром не теряет. А там, поживем — увидим. Пошли.

— Но куда, умник? — возразила синьора Дзанце.— Ведь уже ночь. Все добропорядочные венецианские семьи укрылись в теплом и надежном домашнем гнезде, а мамы — хранительницы семейного очага — уже включили телевизоры.

— Гм, сейчас самое подходящее время,— сказал, как отрезал, синьор Тодаро.— Быстрее становитесь в ряд, в полном обмундировании! Живот убрать, грудь выпятить. Вперед марш!.. Подождите, я только шляпу захвачу.

Они строем подошли к берегу канала, влезли в воду и стали учиться, как превратиться в рыб.

— Прежде всего плавники,— объяснил синьор Тодаро,— один нужно отрастить на правой руке, другой — на левой.

— А какого цвета мне сделать чешую? — спросила племянница Рина. — Может, фиолетового — ведь я блондинка.

Синьора Дзанце непременно хотела, чтобы хвост у нее был красный. Вдруг она засомневалась:

— Тодаро, а как же завтра утром дети пойдут в школу?

— Не отвлекайся, Дзанце, займись хвостом.

Но дети уже слышали. При мысли, что их ждут неожиданные каникулы, на душе у них стало светло, как вечером на канале во время парусных гонок. Они удвоили свои усилия и за несколько минут отрастили великолепные плавники, достающие до маек.

— Ох, вы порвете новые майки! — сердито проворчала синьора Дзанце.

А синьор Тодаро, наоборот, их похвалил:

— Молодцы, просто молодцы!

Впрочем, он сам влез в воду в пиджаке, и плавники прокололи оба кармана.

— Надеюсь, мы не станем маленькими рыбками? Не то большие рыбы всех нас съедят! — спросила Нина у Рины.

— Что ты! Мы станем самыми большими рыбами в лагуне и сами съедим всех остальных.

— Все равно я предпочитаю рыбе требуху, — повторил Бепи. И тут же на всякий случай отплыл подальше от отца.

Сцена вторая

Туманное утро на Большом Канале. Одни парходики пристают к пристани, другие отчаливают. Там и сям видны гондолы и катера.

Синьор Рокко, который вел большую лодку с грузом горчицы, вдруг увидел, как из воды вынырнула большая рыба, вежливо сняла шляпу и обратилась к нему с такими словами:

— Так вы будете страховаться? Посмотрите, какой туман. Если вы столкнетесь с другой лодкой, то потеряете сразу деньги и горчицу. Гм, подумайте о своих детях, синьор Рокко.

— Синьор Тодаро... Это вы, да?.. Бедняга! Как бы вас не заметили полицейские! Разве вы не знаете, что в Большом Канале купаться запрещено?

— Я не купаюсь, а занимаюсь страхованием жизни и имущества.

На парходиках, гондолах, катерах все повернулись — посмотреть на говорящую рыбу.

Только один английский турист повернулся в другую сторону и с отвращением пробормотал:

— О боже, что я вижу: к серому костюму — коричневая шляпа. Право же, мир обезумел!

Сцена третья

С моста академии юноша по имени Себастиано Морозини, родом из Падуи, наследник владельца виллы с фресками кисти великого Тьэполо и четырех поместий, печально смотрит на пенистый след, который оставляет за собой лодка, груженная мармеладом. Он влюблен в графиню Новеллу, но графиня предпочла ему доктора экономии и коммерции из города Козенца. Они вместе уехали в Египет и там проведут рождество на вершинах пирамид. Молодой Себастиано раздумывает, покончить ли ему жизнь самоубийством немедленно, бросившись с моста, либо побывать сначала на Галапагосских островах, чтобы увидеть хоть раз редких зверей в естественном состоянии. Внезапно («Это наяву или же мне пригрезилось?») Себастиано увидел, как по каналу, изящно поводя плавниками, плывет Рина из Каварцере, племянница жены синьора Тодаро. В своей фиолетовой чешуе, чудесно оттенявшей ее белокурые волосы, Рина казалась несравненной красавицей. Сразу поблек образ графини Новеллы, у которой волосы крашенные, а нос, честно говоря, длинноват.

— Синьорина, — вдохновенно воскликнул молодой Себастиано, — позвольте вас проводить!

Рина заметила, что у юноши голубые глаза, догадалась, что он наследник владельца виллы, расписанной Тьэполо. Она улыбнулась юноше, дав понять, что его общество будет ей приятно. Молодой Себастиано не колеблясь кинулся с моста в канал. Он тоже превратился в рыбу и стал прогуливаться с красавицей по водам канала, рассказывая ей о каждом из своих четырех поместий. Поведал он Рине и о своей несчастной любви к графине Новелле, рассказал о планах на будущее. Таких вот, например: покрасить воды Лагуны в белый цвет в понедельник, в желтый во вторник, в красный цвет в среду, и так до конца недели. А еще он хотел бы объединить Италию, Австрию и Югосла-

вию в одно государство со столицей в Венеции, написать роман в тысячу страниц без единого слова — из одних точек и запятых.

Прекрасная Рина слушала и была счастлива.

ДАЛЬНЕЙШЕЕ РАЗВИТИЕ СОБЫТИЙ

Синьора Дзанце поплыла к району Канареджо и велела плыть за ней своим детям — Бепи, Нане и Нине. Многие мальчишки и девчонки этого знаменитого района из чистого чувства спортивного соперничества тоже стали нырять в воду. Дети синьоры Дзанце и синьора Тодаро научили их, как превратиться в рыб. Те немногие, которым это превращение не удалось, вернулись вплавь на берег и стали сушить штаны. Остальные с радостными криками показывали друзьям новенькие плавники. К несчастью, их увидела со своего балкона старая учительница-пенсионерка. Вместо того чтобы подумать о своих делах, эта беспокойная женщина, вдова знаменитого игрока в шары, подумала: «Как жаль, что столько детишек, став рыбами, принуждены бросить школу, отказаться от любимых книжек, от обожаемых учебников по истории, географии и точным наукам. От диктантов, сочинений и задач, без которых они жить не могут».

От подобных мыслей она, как водится, распалилась. В конце концов она надела свою старую учительскую форму, поцеловала фотографию покойного мужа, чемпиона по игре в шары, нырнула в воду и стала рыбой-преподавателем.

— Дети, все ко мне! — приказала она, хлопая плавниками.

Дети-рыбы растерялись. Как рыбы они хотели уплыть поскорее подальше, к островам Бурáно и Мурáно, а то и к Торчелло, но как бывшие школьники они по привычке все же беспрекословно подчинились приказанию учительницы. Они сразу стали толкаться, подглядывать друг за другом, показывать соседу язык и изучать метрическую систему мер.

Больше всех были разочарованы Бепи, Нане и Нина — ведь они решили, что отныне каникулы для них будут длиться вечно. А вот синьора Дзанце осталась довольна — пока учи-

тельница занимается с ее детьми, она может побеседовать с подругами, которые на берегу чистят горошек. Ее красный хвост вызывает у всех женщин особый интерес.

В других кварталах Венеции тоже произошли серьезные события. Синьор Тодаро воспользовался понятным любопытством своих сограждан и сумел застраховать многих из них на случай смерти, пожара, отравления протухшей рыбой. Но он слегка перестарался. Слух о том, что по каналам плавают большая рыба и время от времени вежливо здоровается, сняв шляпу, достиг ушей и владельца дома, где жил синьор Тодаро. Вместе с другими зеваками этот домохозяин подошел к берегу и увидел своего бывшего жильца.

«Так вот какой ты, Тодаро, хитрый способ изобрел, чтобы не платить за квартиру! — подумал этот жадюга. — Ну нет, меня не проведешь».

Он тоже нырнул в воду, превратился в рыбу и с криком: «А сорок тысяч лир, кто платить будет? Сорок тысяч!» — бросился в погоню за Тодаро.

Услышав о деньгах, продавец электроприборов вдруг вспомнил, что синьор Тодаро не заплатил последний взнос за телевизор. И он ринулся в воду с моста.

Возле Дзаттере прекрасную Рину и молодого Себастиано, увлеченных беседой, увидел священник. Активный и проницательный священнослужитель мгновенно сообразил, что двое влюбленных, став рыбами, не смогут обвенчаться в церкви. Он тут же решил стать рыбой-священником, чтобы наставлять в духе религии новых рыб. Сказано — сделано. И вот уже он плывет по каналу и с каждого бока у него по плавнику в виде ангельских крыльев. В лагуне становится все многочисленнее.

ПОСЛЕДНИЕ ВЕСТИ О ВСЕХ

Мальчуган Бепи, как уже упоминалось, не любит метрическую систему мер. Миллиметры ничего не говорят его фантазии. Гектолитры тоже оставляют его равнодушным. Куда больше ему по вкусу требуха. Вот почему однажды он решил уплыть от рыбы-учительницы и побыть на дне в гордом одиночестве. Подумать, помечтать. И что же он увидел? Он убедился, что лагуна засорена всяким хламом. Дно лагуны, некогда песчаное, с теплой тиной, где водились прежде моллюски и вкусные морские крабы (попробуй их теперь отыскать!), превратилось в свалку. Повсюду валялись железные ящики с тысячами и тысячами нерассмотренных прошений и дел. Тысячи кубических метров бумаги, сотни тонн.

— Гм, вот они недостатки метрической системы мер! — воскликнул Бепи. — Недаром оказывается так сильно поднялся уровень воды в каналах. Хотел бы я посмотреть на них, если б им рулоны бумаги умывальники забили!

Кого именно подразумевал Бепи под словом «их», увы, так и осталось неизвестным. Но это не столь уж важно. Важно то, что Бепи сразу поднял тревогу. Он остановил катер водной охраны и коротко сообщил офицеру о своем открытии.

— Все дело в бюрократических препонах. Если вы их устранили, все проблемы можно будет решить.

— Гм, а у тебя есть водомоторные права? — воскликнул офицер — он, как и все венецианцы, любил пошутить.

Но времени даром он терять не стал, даже не спросил у Бепи, кто его отец. Он мобилизовал всех пожарных и водную охрану, и они принялись тралить воды канала, чтобы устранить бюрократические препятствия. Ему даже удалось, как говорится, поймать сразу двух зайцев. Выловленную бумагу и ящики он отправлял для укрепления дамб. Вскоре положение резко улучшилось. Уровень воды в лагуне понизился, дно, избавившись от

тяжкого груза, приподнялось. Одновременно поднялись и островки, и берега, и мосты, и портики. В природе наступила гармония, чудесная Венеция была спасена! Празднично зазвонили колокола городских церквей: «дин, дон, дин, дон!..»

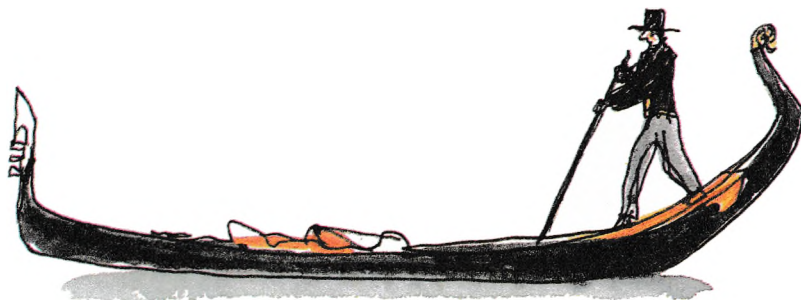
Синьор Тодаро собрал семью и объявил, что дает отбой — тревога миновала. Он велел всем плыть к берегу.

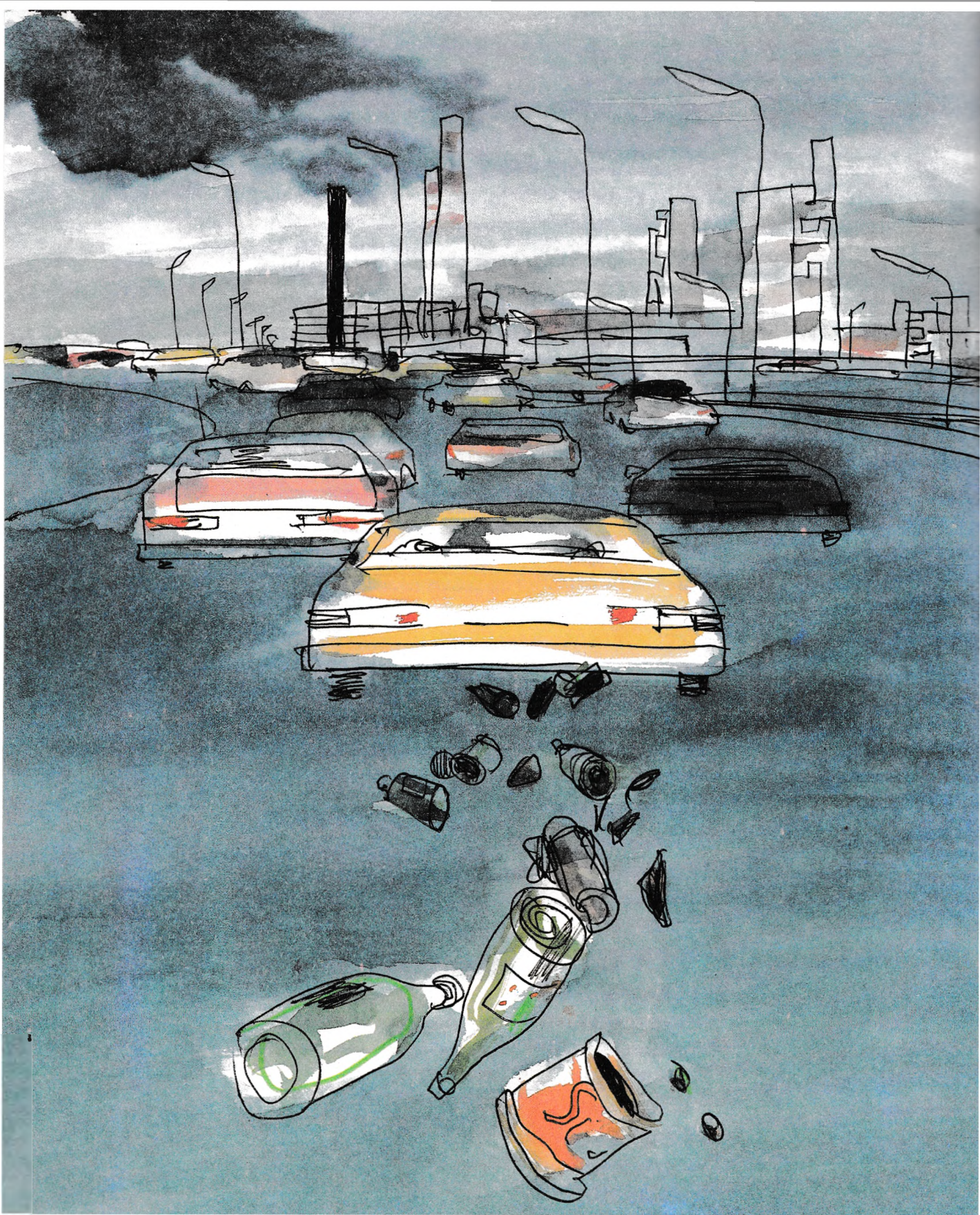
— Больше нам незачем быть рыбами. Можем снова стать венецианцами. Браво, Бепи! Сегодня вечером мы отметим это событие за ужином из жареных крабов и кальмаров.

— Нет, — вне себя закричал Бепи, — хочу требуху!

Мать, брат и сестра дружно его поддержали. Встали на его защиту и прекрасная Рина и молодой Себастиано — завтра они обвенчаются, а потом уедут в свадебное путешествие в ближний город Местре.

— Хорошо, тебе дадим требуху, — сказал уже на ходу синьор Тодаро. И ускорил шаги, чтобы улизнуть от своих кредиторов.

МИР В КОНСЕРВНЫХ БАНКАХ И БУТЫЛКАХ

Семейство Дзербíни, проведя воскресный отдых в горах Тольфа, собралось вернуться через Чивитавеккио в родной город. Синьор Дзербини, который любит природу и порядок, просит остальных членов семьи (жену Отта́вию, сыновей Анджело и Пьéро, дочку Розéллу и ее жениха Пьерлуйджи) не бросать где попало мусор:

— Соберите все до последнего. Но только не складывайте в одну кучу, как всегда. Посмотрите на эту рощицу. Вы там даже бумажного стаканчика не оставили! Пошевеливайтесь, нельзя обделять ни одно из деревьев. Грязные салфетки кладите вот под этот дуб, пустые бутылки — под этот каштан. Так-так. О, как красиво!

Пустых бутылок было три: из-под пива, из-под оранжада и минеральной воды. У подножья каштана они образовали очень

живописный терцет. Анджело и Пьеро хотели пострелять в них камнями, как в мишень, да времени не хватило. Пора было садиться в машину, не забыв прихватить транзистор, и поприветствовать лес веселым прощальным ревом клаксона.

В путь, в путь! Вот они уже на спуске с горы Аллумьёре. И тут Анджело и Пьеро, которые примостились у стекла заднего обзора, чтобы строить рожицы несущимся следом автомобилистам, увидели, что пустая бутылка из-под пива ловко скачет за их машиной по шоссе в нескольких сантиметрах от бампера.

— Папа, посмотри, — дружно воскликнули братья, — пивная бутылка гонится за нами!

— Я сама взгляну, — сказала синьора Оттавия мужу. — А ты води машину.

Она посмотрела и увидела, что пустые бутылки из-под оранжада и минеральной воды присоединились к пустой пивной бутылке и теперь втроем, покачиваясь и подпрыгивая, несутся за машиной, стремясь от нее не отстать.

— Ну, в точности как три собачки, — заметила Розелла, а ее жених Пьерлуиджи одобрительно кивнул головой.

— Нажми, папа, прибавь ходу. Тогда мы от них оторвемся! — воскликнул Анджело и Пьеро.

Однако синьор Дзербини не может прибавить скорость — впереди катит другая машина, а за ней тоже несется, серебристо позванивая, пивная бутылка. Да не одна, а в компании мясной консервной банки и банки из-под маринованной рыбы. А когда мощная машина с презрительным фырканьем обогнала скромную малолитражку синьора Дзербини, тот обнаружил, что и за ней, подпрыгивая, переваливаясь и дребезжа, катятся: бутылка из-под сиропа, три бутылки минеральной воды, банка из-под сардин, стеклянная вазочка из-под черной икры и с дюжину пластмассовых тарелок. Все вместе они барабанили по асфальту не хуже группы ударных инструментов.

— Видите, это не с нами одними случилось, — сказал синьор Дзербини. — Куда хуже было бы, если б вдруг шина лопнула.

По виа Аурелия теперь движется целый караван машин, каждая в сопровождении пустых стеклянных и пластмассовых бутылок и жестяных консервных банок. Каждая из бутылок и консервных банок бежит в своем особом темпе и стиле, кто мелкими шажками, кто могучими прыжками, но всех их сильно заносит на крутых поворотах.

Картина, радующая глаз. Синьор Дзербини вспомнил, что мальчишкой он играл в «джазе оглашенных» на медной тарелке. В том же джазе его дядя играл на мусорном ведре и на трубе от кухонной печки.

Анджело и Пьеро попросили отца замедлить ход, чтобы посмотреть, как мимо проносятся роскошные гоночные машины в сопровождении пустых фляг в соломенной оплетке, изящных пяти- и десятилитровых бутылей и других стеклянных сосудов, достойных внимания.

Кое-какие сложности возникли уже в доме у лифта. Три пустые бутылки проскользнули в кабину, даже не пропустив вперед синьору Оттавию Дзербини. Да и вели они себя беспокойно и не слишком вежливо. Отдавили ноги братьям Анджело и Пьеро, порвали колготки у Розеллы, залезли в карманы брюк ее жениха Пьерлуиджи. Стало ясно, что пустые бутылки были недовольны прогулкой. Войдя в квартиру, они начали носиться по коридору, потом вскочили на кровати.

Пивная бутылка улеглась спать под подушкой синьора Дзербини, бутылка из-под оранжада забралась под коврик синьоры Оттавии, бутылка минеральной воды заснула в кухонной раковине. О вкусах, как говорится, не спорят.

Обоих братьев все это очень веселило, их родителей и Розеллу — немного меньше. Но Розелла слегка утешилась после звонка жениха. Пьерлуиджи пожелал ей спокойной ночи и сказал на прощание:

— Знаешь, в моей кровати спит банка из-под очищенных консервированных помидоров. А ведь я спагетти¹ всегда ем без помидорного соуса!

Бутылки и консервные банки заснули быстро. Во сне они не толкались и не храпели — словом, совсем не мешали бывшим владельцам постелей. Утром они раньше хозяев отправились в ванную мыться, и потом положили на свое место зубную пасту и мыло.

Наконец Анджело и Пьеро ушли в школу, синьор Дзербини — в лавку, а синьора Оттавия — на рынок. Бутылки остались дома. Теперь к ним, выскочив из мусорного ведра, присоединилась пустая кофейная банка с неповрежденной наклейкой, и сразу принялась наводить порядок в раковине умывальника. Кофейная банка с грохотом переставляла тарелки, стаканы, но при этом ни одного не разбила.

«По крайней мере, сегодня мне не придется покупать новые банки и бутылки», — утешала себя синьора Оттавия.

По дороге ей то и дело встречались пустые бутылки, которые шли по своим делам, а когда зажигался красный свет, тут же останавливались. Потом она увидела, как один синьор сунул обувную картонку в коммунальный мусорный ящик, висевший на фонарном столбе. Едва этот синьор повернулся, коробка соскочила на асфальт и, топ-топ, потопала за ним следом. Синьора Оттавия облегченно вздохнула: «Слава богу, хоть на этот раз никто не получил никаких привилегий».

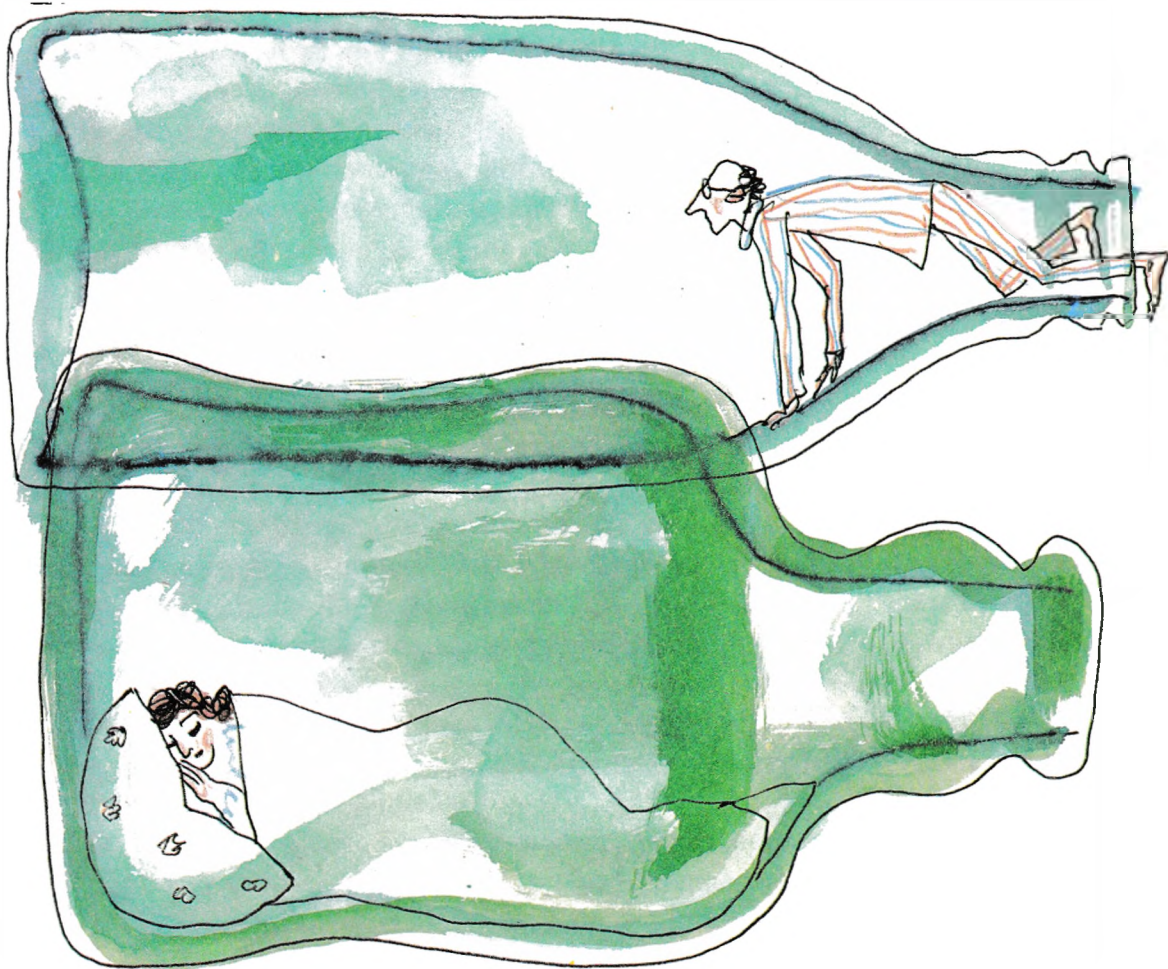
Во время обеда три бутылки и кофейная банка семейства Дзербини остались на балконе подышать свежим воздухом.

— Но какие у них все-таки намеренья? — сказала синьора Оттавия.

— По-моему, пока что они хотят стать больше, — сказал синьор Дзербини.

¹ Спагетти — тонкие макароны.

- Как это больше?
- Посмотри сама: пивная бутылка уже превратилась в пузатую двухлитровую бутыл. Какой была банка из-под кофе?
- Полукилограммовой.
- Вот-вот. А теперь она стала пятикилограммовой.

— А чем они питаются? — спросили Анджело и Пьеро, которых интересуют научные проблемы.

— Надо думать, пустотой. Ведь они и сами пустые! — ответил синьор Дзербини.

Вечерние выпуски газет подтвердили его догадку. Они привели заявление профессора Банкини, эксперта в сфере коробок, банок и прочих упаковок, доцента консервологии в политехническом институте. Профессор объяснил:

«Явление это можно считать абсолютно нормальным. В силу неизвестной нам причины, так называемой «причины икс», пустотелые сосуды проявляют тенденцию стать еще более пустотелыми. Ясно, что для этого они должны увеличиться в размерах. Крайне любопытно будет выяснить, лопнут они в конце концов или нет».

— О боже! — воскликнула синьора Оттавия, заметив, что бутылка минеральной воды примостилась сзади на стуле и читает газету. — Если она лопнет, то разобьет буфетное зеркало!

Бутылка после ужина раздулась до размеров холодильника. Две другие бутылки тоже изрядно увеличились. А кофейная банка стала величиной со шкаф и заполнила собой половину детской комнаты, куда она забралась из чистого любопытства.

— Профессор утверждает, что это — явление нормальное. Ну, иными словами — не чрезвычайное, — объяснил синьор Дзербини. — Увы, Оттавия, ты явно не разбираешься в чрезвычайных явлениях.

— Да, совсем не разбираюсь. Но ты, раз ты такой знаток, ответь, где мы сегодня спать будем, — парировала синьора Оттавия.

И повела своего мужа к супружеской постели. Синьор Дзербини своими глазами убедился, что ее уже заняли бутылка из-под оранжада и пивная бутылка. Простыни вздыбились, а на двух подушках спали две шеи без головы, или, точнее, без пробок.

— Ничего, ничего. Там, где есть место для двоих, найдется место и для четверых,— успокоил жену синьор Дзербини.— Нельзя быть эгоистами.

Неделю спустя банка из-под кофе заняла почти всю детскую. Пришлось поставить кровати и ночные столики в самую банку. Анджело и Пьеро забавлялись игрой в консервированный зеленый горошек. В комнате Розеллы вырос тюбик из-под крема, способный вместить диван-кровать, туалетный столик, коллекцию «Великие живописцы», три больших вазы с цветами, проигрыватель и ночные туфли, которые жених привез Розетте из Сараево, а также корзину, в которой хранятся куклы и время от времени спит кот.

У бутылки из-под минеральной воды хватило здравого смысла расти на кухне не вширь, а в длину, и теперь она, словно орудийное дуло, торчит из окна. Из многих окон соседних домов тоже торчат стеклянные «дула», поэтому никто уже не удивляется.

В постели супругов Дзербини бутылки растут горизонтально, не мешая синьору и синьоре двигаться по комнате. Синьора Дзербини спит в бутылке из-под оранжада — она не переносит запаха пива. До чего приятно смотреть, как они спят в бутылках. Вернее, приятно было бы посмотреть, ведь супруги на ночь тушат свет.

Нечто подобное происходит и во всех остальных домах города. Люди быстро научились влезать в бутылки и вылезать оттуда, а также из баночек из-под варенья и свежемороженных овощей. Адвокаты принимают клиентов, сидя в обувной коробке либо в книжном футляре.

У каждой семьи есть свои пустотелые сосуды, у каждого пустотелого сосуда есть своя семья. Жизнь в бутылке или в банке стала вполне удобной.

Пустые бутылки и банки, которым из-за недостатка жилищ не нашлось места в домах, расположились на площадях, улицах,

садах, на окрестных холмах. Громадная банка мясных консервов почти совсем скрыла от глаз горожан памятник Гарибальди. Крышка банки, надрезанная, скрученная и привязанная к консервному ножу, мешала уличному движению. Но заботливые городские власти соорудили над банкой изящный деревянный мостик, на который легко въезжают автомашины.

Розелла и ее жених встречаются теперь в банке из-под маринованных грибов с приделанной к ней зеленой скамьей, а грибной запах влюбленным даже приятен.

Впрочем, повседневные мелкие заботы семейства Дзербини никого, понятно, не интересуют. Ведь у каждого из ста тысяч жителей города свои, похожие проблемы.

Тем временем бутылки и банки захватывали всё новые позиции. Однажды утром банка из-под макарон фирмы «Мамбретти» («Если они не «Мамбретти», то это уже не спагетти») мгновенно проглотила Колизей. В полдень купол собора святого Петра исчез в жестяной банке, на боку которой еще издали видна надпись огромными буквами: «Мармелад». По телевидению передают прямой репортаж о заглатывании консервными банками горы Червино, Эйфелевой башни и Виндзорского замка. Как всегда, превосходны комментарии Тино Консérви.

Один из астрономов Бохумской обсерватории в Западной Германии и один его коллега из обсерватории Паломар в Америке стали обмениваться закодированными сведениями о странном предмете. По их наблюдениям, он летел из космоса, неуклонно приближаясь к планете Земля.

- Не комета ли это, профессор Бокс?
- Едва ли, профессор Шахтельма́хер. У нее нет хвоста.
- Да, верно. Какой, однако, странной формы этот таинственный предмет!.. Он похож на...
- На что, профессор Шахтельмахер?
- Ну, собственно... В общем, профессор Бокс, он похож на большую коробку.

— На огромную, не так ли? Способную накрыть сразу Землю и Луну!..

— Кстати, профессор Бокс, вы получили коробку из-под сигар, которую я вам послал?

— Да, большое вам спасибо. В ней очень удобно спать. А вы получили мою банку из-под крабов?

— Конечно, я держу в ней книжный шкаф, приемник и проигрыватель.

— Тогда спокойной ночи, профессор Шахтельмахер.

— И вам спокойной ночи, профессор Бокс.

ТРАНЗИСТОРНАЯ КУКЛА

— Ну, так что же мы подарим Энри́ке к рождеству? — спросил синьор Фúльвио у синьоры Лизы, своей жены, и у синьора Ремо, своего шурина.

— Красивый барабан, — не задумываясь, ответил синьор Ремо.

— Что?!

— Да, да, красивый барабанище. И палочки, чтобы на нем дробь выбивать. Бум, бум!

— Не выдумывай, Ремо! — сказала синьора Лиза, для которой синьор Ремо не шурин, а родной брат. — Барабан занимает слишком много места. И потом, кто знает, не разозлится ли жена нашего соседа-мясника.

— Я уверен, что Энрике очень понравится цветная керамическая пепельница в виде коня. И не одна, а в окружении

других керамических пепельниц, но уже совсем маленьких и в виде сырной головки.

— Энрика не курит. Ей всего семь лет, — сурово заметил синьор Фульвио.

— Тогда — серебряный череп или жестяную коробку для ящериц. А может, черепаховый консервный нож в виде ягненка, либо фасолеопылитель в виде зонтика.

— Перестань дурачиться, Ремо, — сказала синьора Лиза. — Хоть раз будь серьезным.

— Ах, серьезным! Тогда — два барабана.

— Я сама знаю, что нужно Энрике, — заключила синьора Лиза. — Красивая транзисторная кукла с приделанной к ней стиральной машиной. Кукла, которая умеет ходить, говорить, петь, слушать чужие телефонные разговоры и стереофонические пластинки и сама писать.

— Согласен, — провозгласил синьор Фульвио твердо, как и подобает главе семьи.

— Мне лично все равно, — сказал синьор Ремо. — Пойду посплю на мягкой постели и мягких подушках.

И вот несколько дней спустя наступило рождество. Продавцы в лавках вывесили над дверьми чудесные свиные окорока, а в сувенирных магазинах выставили в витринах пепельницы в виде маленького флорентийского писца. На улицах появились дудочки, умелые и неумелые, в Альпах выпал снег, долину реки По окутал густой туман.

Транзисторная кукла стояла под рождественской елкой и ждала Энрику. Дядюшка Ремо (речь идет все о том же синьоре Ремо, который для синьора Фульвио — шурин, для синьоры Лизы — брат, для консьержки — бухгалтер, для продавца газет — постоянный покупатель, для дорожного полицейского — пешеход, а для Энрики — дядя) смотрит на куклу с ухмылкой.

Никто не знает, что он тайком занимается магией. К примеру,

силой одного лишь взгляда может разломить пополам пепельницу из камня — траветрина.

Он коснулся куклы в трех местах, переставил несколько транзисторов, снова ухмыльнулся и ушел в кафе. Минуту спустя прибежала Энрика, увидела куклу и вскрикнула от радости. Родители слушали за закрытой дверью и счастливо улыбались.

— Какая ты красивая! Сейчас я приготовлю тебе завтрак.

Лихорадочно роясь в ящике с игрушками, Энрика извлекла оттуда тарелочки, стаканчики, вазочки, бутылочки и расставила их на игрушечном столике. Она велела кукле подойти и сесть на стульчик, три раза сказать «папа» и «мама», потом повязала ей передничек и взяла ложку, чтобы ее покормить. Но едва Энрика повернулась, кукла дважды ударила ногой по столу, и вся посуда полетела на пол. Тарелочки и вазочки разбились на мелкие куски. Стаканчики покатались по полу и с грохотом ударились о трубы парового отопления. Теперь по всей комнате валялись осколки.

Понятно, прибежала синьора Лиза, решившая, что это упала Энрика. Увидела своими глазами, какой в комнате разгром, и тут же накинулась на дочку:

— Скверная девчонка! Что ты натворила! Да еще в рождество! Смотри, если не справишься, отберу у тебя куклу, и ты ее больше не получишь.

Сказала и ушла в ванную.

Энрика осталась одна. Она схватила куклу, нашла ее, назвала «скверной девчонкой» и сказала сердито:

— Что ты натворила! Да еще в рождество! Смотри, если не справишься, запру тебя навсегда в шкаф.

— За что? — спросила кукла.

— За то, что ты разбила тарелочки.

— Не люблю играть в эту дурацкую игру. Давай лучше поиграем с заводными автомобильчиками.

— Я тебе покажу заводные автомобильчики! — и снова шлепнула куклу. В ответ та дернула Энрику за волосы.

— Ой! За что ты так?

— Законная самооборона! — объявила кукла. — Ты сама научила меня драться — я раньше не умела. И начала ты первая.

— Ну ладно, будем играть в школу, — пробормотала Энрика, не зная, что возразить. — Я буду учительницей, ты ученицей. Вот это — тетрадь. Ты наделала в диктанте тьму ошибок, и я ставлю тебе двойку.

— При чем здесь цифра «два»?

— Притом. Так всегда поступает наша учительница. Кто хорошо написал диктант, тому ставит пятерку, кто плохо — двойку.

— Зачем?

— Чтобы плохой ученик научился писать диктанты.

— Смех, да и только!

— Что же тут смешного?

— Как что! Сама подумай, ты умеешь кататься на велосипеде?

— Конечно! — ответила Энрика.

— Когда ты училась кататься и падала, тебе ставили двойку или же наклеивали пластырь?

Энрика в растерянности молчала. А кукла упрямо допытывалась:

— Вспомни. Когда ты училась ходить и падала ничком, разве мама ставила тебе двойку?

— Нет.

— Но ведь ты все равно научилась ходить. А потом и говорить, петь, научилась сама есть, застегивать пуговицы и зашнуровывать ботинки, чистить зубы, мыть уши, открывать и закрывать дверь, отвечать на телефонные звонки, включать телевизор и проигрыватель, подниматься и спускаться по лестнице, бросать мячик в стенку и ловить его, отличать дядю от

племянника, собаку от кошки, холодильник от пепельницы, ружье от отвертки, сыр пармезан от сыра горгонцолы, правду от вранья, воду от огня. Без всяких отметок, не так ли?

Энрика оставила без внимания вопросительный знак в конце фразы и предложила кукле:

— Тогда я помою тебе голову.

— Да ты рехнулась. В день рождества!

— Мне приятно мыть тебе голову.

— А мне нет — мыло попадает в глаза.

— Короче говоря, ты моя кукла, и я могу делать с тобой что захочу. Ясно?

Слово «ясно» прочно вошло в словарь синьора Фульвио. Синьора Лиза порой тоже заключает свои поучения суровым «Ясно тебе?!». И вот теперь Энрике представился случай показать свою власть.

Но кукла, похоже, не собиралась ей подчиняться. Она взобралась на елку и, пока лезла, разбила не одну цветную лампочку. А очутившись на вершине дерева, сломала две другие лампочки.

Энрика, чтобы успокоиться, подошла к окну. Во дворе одни ребятишки играли в мяч и в кегли, другие катались на трехколесных велосипедах, самокатах, состязались в стрельбе из лука.

— Почему бы и тебе не поиграть во дворе с ребятишками в кегли? — спросила кукла, в знак полной независимости засунув два пальца в нос.

— Там одни мальчишки, — уныло ответила Энрика. — Они играют в свои мальчишеские игры. А девочки должны играть в куклы. Научиться быть примерными матерями и прекрасными домашними хозяйками, которые умеют расставлять тарелки и чашки, стирать белье и чистить обувь всей семье. Мама всегда чистит папе ботинки и шляпу.

— Бедняжка!

— Кто?

— Твой отец. Как видно, он безногий и безрукий...

Энрика решила, что самое время дать кукле пару пощечин. Но чтобы до нее добраться, ей пришлось карабкаться вверх по рождественской елке. Глупая елка почему-то взяла и упала на пол. Лампочки и стеклянные ангелочки разлетелись вдребезги.

Кукла очутилась под стулом и оттуда стала строить Энрике рожицы. Но потом вскочила и подбежала к Энрике, посмотреть, не ушиблась ли она.

— Тебе не больно?

— Даже и отвечать не хочу. Это ты во всем виновата, — сказала Энрика. — Ты невоспитанная кукла, и я тебя больше не люблю.

— Наконец-то! — воскликнула кукла. — Надеюсь, теперь ты станешь играть с заводными автомобильчиками.

— И не подумаю. Буду играть с моей старой, тряпичной куклой.

— Правда, — протянула транзисторная кукла. Огляделась вокруг, увидела тряпичную куклу, схватила ее и выбросила в окно.

— Тогда я буду играть с моим кожаным медвежонком, — не сдавалась Энрика.

Транзисторная кукла отыскала кожаного медвежонка и кинула его в мусорное ведро.

Энрика горько разрыдалась. Ее родители слышали плач и тут же прибежали в детскую комнату. Что же они увидели? Новая кукла, завладев ножницами, резала платья всех прежних кукол Энрики.

— Да это же сущее варварство! — воскликнул синьор Фульвио.

— Как я ошиблась! — простонала синьора Лиза. — Думала, что купила куклу, а оказалось — ведьму.

Супруги дружно подхватили маленькую Энрику, принялись ее ласкать, гладить, целовать.

— Фу! — воскликнула кукла со шкафа, на который она

взобралась и сейчас стригла там свои слишком длинные, на ее взгляд, волосы.

— Слыхала?! — обратился синьор Фульвио к жене. — Она сказала «Фу»! Этому ее мог научить только твой братец.

В тот же миг синьор Ремо, словно его позвали, появился на пороге. Он с первого взгляда все понял. Кукла лукаво ему подмигнула левым глазом.

— Что случилось? — невинным голосом спросил синьор Ремо так, словно он с неба свалился.

— Эта чертовка не хочет быть куклой! — всхлипывая, проворкотала Энрика. — Никакого сладу с ней нету.

— Хочу поиграть во дворе в кегли, — объявила кукла, разбрасывая по комнате клочки волос. — А еще хочу барабан, луг, лес, гору и самокат. Хочу быть физиком-атомщиком, машинистом, врачом-педиатром. Или же водопроводчиком. А если у меня будет дочка, я отправлю ее в кемпинг. Ну, а если услышу от нее: «Мама, хочу быть домашней хозяйкой и чистить мужу ботинки и шляпу», я ее в наказание поведу в бассейн и в театр.

— Да она с ума сошла! — воскликнул синьор Фульвио. — Может, один из транзисторов испортился!

— Ремо, ты в этом разбираешься. Посмотри, что там стряслось! — сказала синьора Лиза.

Синьор Ремо не заставил себя долго просить. А с ним и кукла. Она вскочила Ремо на голову и сделала сальто-мортале.

Синьор Ремо прикоснулся к ней трижды в трех разных местах. И кукла превратилась в... микроскоп.

— Ты все напутал! — возмутилась синьора Лиза.

Ремо снова прикоснулся к кукле. И она превратилась сначала в волшебную лампу, потом в телескоп, затем в ролики и наконец в пингпонговый стол.

— Что ты делаешь? — воскликнул синьор Фульвио. — Да ты ее доломаешь! Разве кто-нибудь когда-нибудь видел куклу в форме стола?!

Ремо вздохнул и снова прикоснулся к транзисторной кукле. И она превратилась в нормальную куклу. С длинными волосами и с приделанной сбоку стиральной машиной.

— Мама, я хочу стирать белье, — кукольным голоском объявила она.

— Наконец-то! — обрадовалась синьора Лиза. — Вот это разумные слова. Ну, Энрика, поиграй со своей куколкой. Успеешь до обеда все белье перестирать.

Но Энрика, которая до этого лишь молча смотрела и слушала, заколебалась. Посмотрела на куклу, на дядюшку Ремо, на родителей. Потом глубоко вздохнула и сказала:

— Нет, хочу спуститься во двор и поиграть с мальчишками в кегли. А потом, может, еще сделаю и сальто-мортале.

РЫБАК С МОСТА ГАРИБАЛЬДИ

Синьор Альберто, прозванный Альбертоне, — рыбак, да не просто, а городской рыбак. Он ловит рыбу в реке Тибр с моста Гарибальди и с других римских мостов. Всегда одной и той же удочкой, но не всегда на одинаковую приманку. Потому что одни рыбы любят сушеные фиги, другие — сверчка, третьи — червячка. Но вот беда — самого Альбертоне никакие рыбы не любят. Не клюют на наживку ни зимой, ни летом. Он целые дни сидит, прислонившись к парапету, и ждет, не клюнет ли если уж не лещ, то хоть жалкая плотвишка. Может, сжалится над давным-давно застывшим на воде поплавком и дернет за крючок. Да так сильно, что утянет под воду не только приманку, но и бурно застучавшее сердце рыбака. Если вы проезжаете в восемь утра по мосту Гарибальди, направляясь с бульвара Трастевере на улицу Аренула, либо на закате едете в противо-

положную сторону, Альбертоне всегда сидит на своем месте лицом к реке, спиной к парапету. Попросите друга, если сами вы работаете и проверить не можете, проехать по мосту в полдень или в шесть часов вечера, он непременно увидит Альбертоне с удочкой в руках. От огорчения он немного сгорбился, но это он, прирожденный рыбак Альбертоне.

В трех метрах от Альбертоне в тот день сидел молодой мужчина, который с виду годился не в рыбаки, а самое большее в продавцы энциклопедии, да и то в рассрочку. Но не успел он размотать леску и забросить в воду удочку со свинцовыми грузилами, как на крючок попался огромный серебряный голец, притом от счастья хвостом вилял.

Длиной он был сантиметров сорок и весил целых два килограмма. Чудеса, да и только.

Удачливый рыболов кинул его в корзину и насадил на крючок самого обычного червячка. И тридцать секунд спустя поймал полуторакилограммового усака.

— Этого типа рыбы, можно сказать, на руках носят, — пробормотал Альбертоне.

«Этот тип» тоже что-то бормотал, всякий раз когда забрасывал удочку в воду.

Альбертоне подошел и услышал:

— Рыбка-умбрина, плыви к Джузеппино.

И тут же на приманку клюнула новая рыба. Альбертоне не утерпел:

— Простите, синьор Джузеппино! Я не собираюсь совать нос в чужие дела, но, может, вы объясните, как это у вас так здорово получается?

— Очень просто, — улыбаясь, ответил Джузеппино. — Смотрите и внимательно слушайте.

Он снова закинул удочку и снова забормотал скороговоркой:

— Рыбка-умбрина, плыви к Джузеппино.

И сразу на крючок попался угорь, который в этой части Тибра вообще не водится.

— Да, вы самый настоящий волшебник! — воскликнул Альбертоне. — Разрешите мне попробовать.

— Конечно, — сказал удачливый рыбак.

Альбертоне забросил удочку и тоже повторил скороговоркой:

— Рыбка-умбрина, плыви к Джузеппино.

Ни одна рыба не попалась.

— Простите, я забыл спросить, вас зовут Джузеппино?

— Нет, но при чем здесь это?

— Очень даже при чем. Меня зовут Джорджо, по прозвищу Джузеппино. Потому-то рыбы и откликаются. Знаете, в заклинаниях надо быть предельно точным.

Альбертоне молниеносно собрал вещи и помчался на улицу Биссолáти, где находится Хро́но-Тур, туристское агентство по путешествиям в прошлое. Он изложил свою просьбу дежурному врачу. Тот проконсультировался с электронно-счетным устройством, проверил ответ на перфоленте, запрограммировал машину времени и сказал Альбертоне:

— Все, готово! Садитесь в кресло, и счастливого вам пути... Минуточку! Вы уплатили за путешествие?

— Разумеется. Вот чек.

Доктор нажал кнопку, и Альбертоне очутился в 1895 году, в том самом, когда родился его отец.

Сам Альбертоне превратился в подкидыша, которого поместили в приют. Прошло несколько поистине адских лет, прежде чем он оттуда вырвался. Потом он стал работать в трамвайном парке, где работал и его отец. Постепенно они стали друзьями. Когда его отец женился и у него родился сын, Альбертоне сказал:

— Как другу тебе советую, назови его Джорджо. Вот увидишь, это имя принесет ему счастье!

Отец вначале не соглашался.

— Своего первенца я хотел бы назвать Альберто. Но так и быть, назову его Джорджо.

И вот младенца назвали Джорджо и прозвали Джузеппино. Он пошел сначала в детский сад, потом в школу. Словом, в точности повторил жизненный путь Альберто, только под другим именем. Альбертоне, которого теперь звали Джорджо, по прозвищу Джузеппино, со временем надоело повторять свой же жизненный путь. Это все равно что вновь проучиться в сорока классах, ведь ему пришлось достичь тех же сорока лет и пяти месяцев, чтобы в нужный момент вернуться на мост Гарибальди. Но его согревала мысль, что теперь уж рыбы все до одной будут ему повиноваться.

Когда наступил день и час — прежний день и прежний час встречи с удачливым рыбаком, бывший Альбертоне прибежал на мост, размотал леску, надел на крючок наживку, закинул удочку и с бьющимся сердцем прошептал:

— Рыбка-умбрина, приди к Джузеппино.

Поплавок даже не пошевелился. Он подождал еще немного. Поплавок мирно плавал в воде. Он подождал еще немного.

Результат все тот же. Рыбы на наживку ноль внимания. А в трех метрах от него другой Джорджо-Джузеппино жарил на спиртовке початок кукурузы. Потом насадил обжаренное кукурузное зерно на крючок, закинул удочку, и... вытащил двенадцатикилограммового карпа, с плавниками, покрасневшими от удовольствия.

— Это нечестно! — закричал бывший Альбертоне. — Меня теперь тоже зовут Джорджо, по прозвищу Джузеппино. Почему же рыба только у вас ловится? Это самое настоящее жульничество, и я подам на вас в суд!

— Как, разве вы не знаете, что пароль изменился?! — воскликнул удачливый рыбак. — Слушайте, да повнимательнее. Рыбка-умбрина, приди к Филиппино.

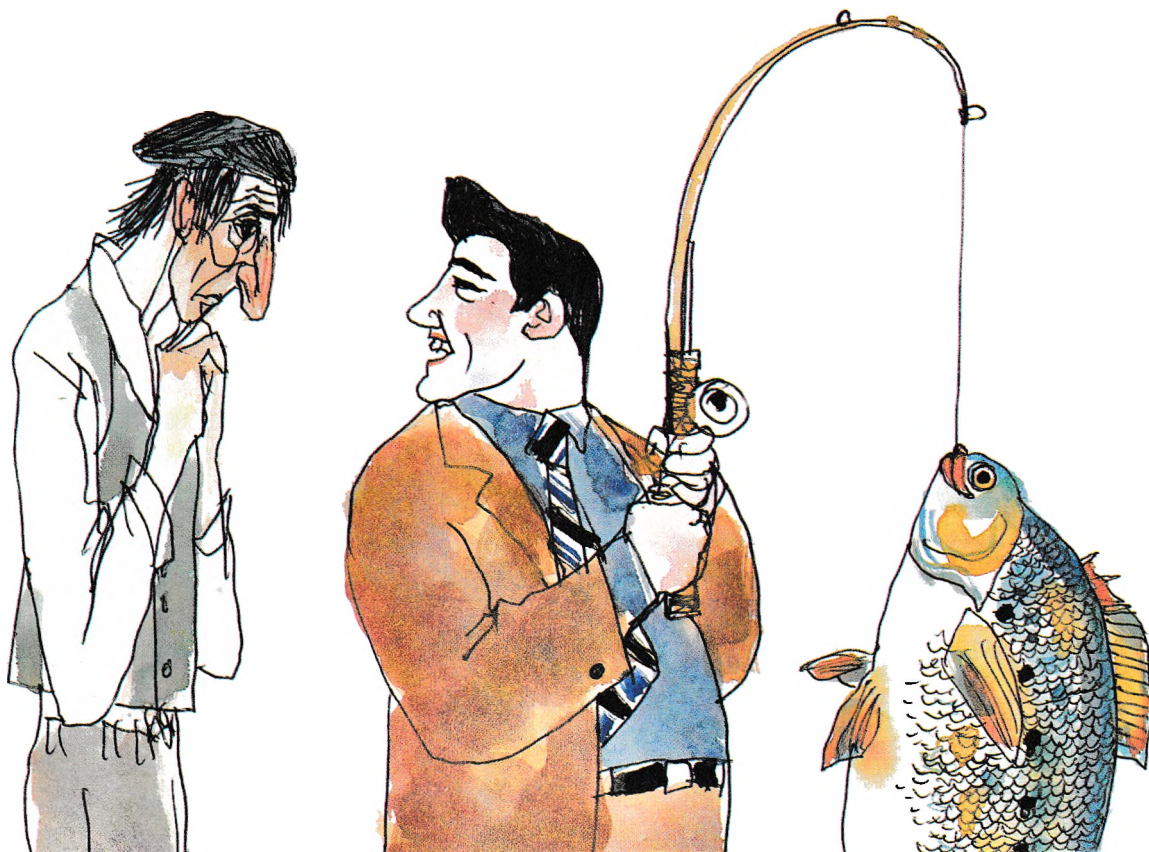
Сразу же на приманку клюнул другой карп, должно быть, близнец первого. И хоть на двенадцать килограммов он не тянул, но на одиннадцать с половиной — точно.

— Но кто он, этот Филиппино?

— Мой брат, — ответил удачливый рыбак. — Он физик-атомщик, и у него нет времени, чтобы удить рыбу. А у меня свободного времени хоть отбавляй, ведь я безработный.

«Черт возьми. Где же взять брата по имени Филиппино, если у меня есть лишь сестра. Да к тому же зовут ее Виттория Эмануэла. Как же теперь быть?» — сокрушался про себя Альбертоне.

Он снова поехал в агентство Хроно-Тур и рассказал о своей

беде дежурному доктору. Тот немного подумал, проконсультировался с электронно-счетным устройством, позвонил своей тете, потом сказал:

— Идите платить в кассу.

На этот раз Альбертоне пришлось вернуться на много веков назад и стать другом прапрадедушки своего прапрадедушки. Затем он отправился вместе с ним паломником в монастырь Сан Якопо ди Кампостелла и остановился на ночь в одной остерии. Когда прапрадедушка заснул, он тайком влил ему волшебное зелье. От этого зелья степень их родства стала постепенно и незаметно меняться. И когда пришло время родиться Виттории Эмануэле, вместо нее родился мальчик, которого назвали Филиппо, а потом все стали ласково называть его Филиппино.

Все это заняло немало времени, но когда Альбертоне вернулся в наши дни, у него был брат тридцати шести лет по имени Филиппо, холостой, по профессии кок на океанском лайнере.

Альбертоне схватил удочку, помчался на мост Гарибальди и забросил удилище в воду. Да так красиво, что водитель троллейбуса номер сорок три крикнул ему через окошко:

— Bravo!

Понятно, Альбертоне тут же прошептал заклинание:

— Рыбка-умбрина, приди к Филиппино.

Где там! Все равно что к стенке обращаться. А тем временем удачливый рыбак поймал плотвичку, но даже не снял ее с крючка.

Секунду спустя на живую приманку клюнул великолепный окунь, который обычно никогда не заплывает дальше плотины Энел. Видно, в Тибр он заплыл специально, чтобы доставить удовольствие удачливому рыбаку.

— Это нечестно! — взревел Альбертоне. Да так громко, что от площади Аргентина до площади Мастаи затормозили все

машины и образовалась гигантская пробка.— Меня, как и вас, зовут Джорджо, по прозвищу Джузеппино, у меня, как и у вас, есть брат Филиппино. Чтобы его заиметь, мне пришлось пожертвовать моей любимой сестрой Витторией Эмануэлой. А рыбы по-прежнему избегают меня словно чумного. Не станете же вы утверждать, что пароль снова изменился?!

— Конечно, изменился! Теперь надо звать рыбу так: «Рыбка-умбрина, приди к фра'Мартино».

— Кто он, этот фра'Мартино?

— Мой шурин. Он монах. У него нет времени ловить рыбу, ведь он собирает пожертвования.

— Ах, пожертвования! Ну, погоди же!

Он подскочил к удачливому рыбаку, перекинул его через парапет и бросил в Тибр. Не помогли упреки учительницы на пенсии, которая из окошка троллейбуса семьдесят пять гневно крикнула Альбертоне:

— Молодой человек, чему вас учили в школе?

Альбертоне ее не видел и не слышал. Он видел лишь, что внизу, под мостом, сотни рыб подхватили удачливого рыбака и понесли его к берегу. При этом они старались, чтобы он даже пиджак не замочил. Увы, волна окатила его брюки, но тут же одна из рыб просушила их феном, правда, не электрическим, а на батарейках. В Тибре нет, к сожалению, штепселей.

Синьор Джорджо-Джузеппино с широкой улыбкой поднялся вверх по лестнице. И как раз вовремя — успел вырвать Альбертоне из рук двух полицейских, которые его задержали за метание в воду мирных рыбаков.

— Поверьте, это была шутка. Конечно, слегка грубоватая, но шутка, ребяческая шалость.

— Но этот человек хотел вас утопить!

— Да что вы! Я ручаюсь за синьора Альбертоне. Больше того, я хочу собрать пожертвования на покупку ему новой удочки взамен упавшей в воду. Вот она-то и в самом деле утонула.

Это было истинной правдой. Альбертоне в ярости бросил в реку и удочку, и теперь рыбы забавлялись, метая ее, словно молот.

Понемногу все уладилось. Полицейские отправились в кино, прохожие разошлись в разные стороны, машины двинулись дальше навстречу судьбе. Альбертоне мрачно уставился на пуговицы своего жилета, а Джорджо-Джузеппино вновь принялся удить рыбу:

— Рыбка-умбрина, приди к фра'Мартино.

И рыбы повалили валом. Даже с моря: кефаль и краснобородки, золотые рыбки и окуни, умбрины и тунцы. Они били друг друга мордами и хвостами, лишь бы первыми попасть на крючок. Чтобы вытащить здоровенного тунца, Джузеппино пришлось обратиться за помощью к двум шоферам автобуса номер шестьдесят и к двум барменам с площади Соннино. Но когда из-за острова Тибертина вынырнул со всплеском кит, синьор Джорджо-Джузеппино отрицательно помахал рукой.

— Никаких млекопитающих! Ловлю только рыб! — сказал он.

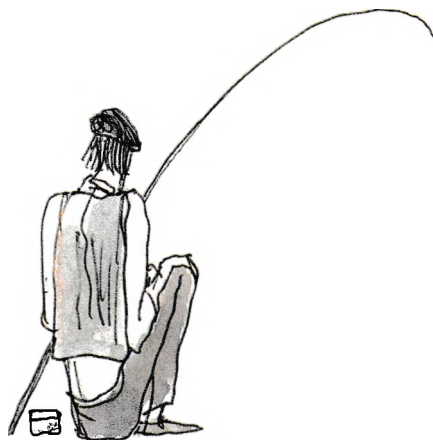
Альбертоне смотрит и молчит.

Он сошел с ума, но никому об этом не говорит. Его всегда можно увидеть то на одном мосту, то на другом, днем и ночью. Он безумным взглядом впивается в воды Тибра и бормочет:

— Рыбка-умбрина,
приди к Робертíно...
Рыбка-умбрина,
приди к Дженнарíно...
приди к Эрнестíно... к Гоффредíно...
приди к Терезíно... к Авеллíно...
приди к Новарíно...

Он все ищет пароль, которому повинуются эти вечно ускользающие от него рыбы. Летом он не чувствует жаркого солнца. Зимой, когда спускается к реке из долины Тиберина, не чувствует пронизывающего северного ветра, от которого в ледяной воде стынет даже голец, мечтающий о шубе и каракулевой шапке. Он отчаянно ищет нужное слово.

Увы, не всегда кто ищет, тот находит.

УХОЖУ К КОТАМ

У синьора Антонио, пенсионера, бывшего начальника станции, есть сын, невестка, внук по имени Антонио, все зовут его ласково Нино, и внучка по имени Даниэла, но нет никого, кто согласился бы его послушать.

— Помню, когда я был помощником начальника станции в Поджисбонди...— начал он свой рассказ.

— Папа,— прервал его сын,— могу я наконец спокойно почитать газету? Меня крайне волнует правительственный кризис в Венесуэле.

Тогда синьор Антонио обратился к невестке:

— Помню, когда я был вторым начальником станции в Галларате...

— Папа,— не дала ему продолжить невестка,— почему бы вам не прогуляться? Вы же видите, что я натираю пол лаком «Пех», который ярче всех.

Не добился успеха синьор Антонио и с внуком Нино — он не отрываясь читал комикс «Сатана и Дьяболус», запрещенный для лиц моложе восемнадцати лет. (Самому Нино было шестнадцать.)

Наибольшие надежды синьор Антонио возлагал на внучку, ведь он ей нередко позволял надевать свою фуражку начальника станции, когда Даниэла играла в железнодорожную катастрофу с сорока семью убитыми и сто двадцатью ранеными. Но Даниэла была очень занята.

— Дедушка, ты мне не даешь посмотреть передачу для детей, а она на редкость поучительна.

Даниэле всего семь лет, но она ужасно любит все поучительное.

Синьор Антонио тяжело вздохнул:

— В этом доме нет места для пенсионера, проработавшего на государственных железных дорогах сорок лет. Рано или поздно я наберусь решимости и уйду отсюда. Слово начальника станции. Уйду к котам.

И вот однажды он вышел из дому, сказав, что хочет поиграть в лото. А сам отправился на площадь Аргентина, где среди руин Древнего Рима поселились коты. Спустился по ступеням лестницы, перелез через железную изгородь, отделявшую царство котов от царства автомашин, и стал котом. Он сразу же принялся лизать лапы, чтобы не принести в новую кошачью жизнь пыль с ботинок человека.

Тут к нему подошла немного облезлая кошка и впилась в него взглядом.

Смотрела долго и пристально. Потом сказала:

— Извини, но ты не был раньше синьором Антонио?

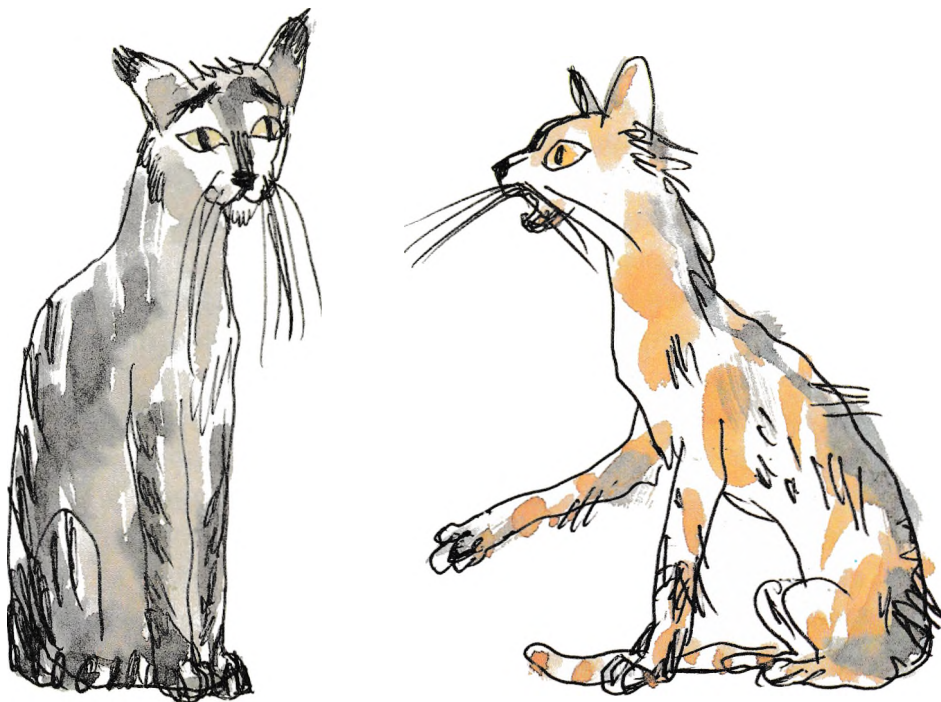
— Даже вспоминать об этом не желаю. Я подал в отставку.

— А, так я и подумала. Знаешь, я была той самой учительницей на пенсии, которая жила напротив твоего дома. Ты, верно, меня видел и помнишь. Или же мою сестру.

— Я видел вас обеих. Вы вечно ссорились из-за канареек.

— Да, да, из-за них. И до того мне надоели эти ссоры, что я решила уйти и жить с кошками.

Синьор Антонио был поражен. Он думал, что ему одному пришла в голову эта чудесная идея. Теперь же он узнал, что на площади Аргентина потомственных, настоящих котов не больше половины. Ну, таких, у которых отец и мать тоже были котом и кошкой. Все остальные — бывшие люди, подавшие в отставку и ставшие кошками. Среди них бывший мусорщик, сбежавший из приюта для престарелых. Две синьоры, которые все время ругались со служанкой. Бывший судья, довольно еще молодой, имевший прежде жену и детей, машину, квартиру из четырех комнат

с двумя кухнями и двумя туалетами. Неизвестно, почему он тоже решил жить с кошками. Но он не задается, и когда кошачьи мамы приносят в кульках рыбные головы, колбасную кожуру, остатки спагетти, корки сыра, мясные косточки и потроха, он скромно берет свою долю и съедает ее в одиночестве на самой верхней ступеньке храма.

Потомственные коты не обижают котов — бывших людей. Относятся к ним как к равным, без чувства превосходства. Лишь иной раз замечают вполголоса:

— Нам, однако, даже и на ум такая мысль не могла прийти — превратиться в людей. Это при нынешних-то ценах на ветчину!

— Мы здесь живем единой, дружной семьей, — сказала однажды кошка — бывшая учительница коту — бывшему синьору Антонио. — Сегодня вечером у меня лекция по астрономии. Ты придешь?

— Конечно. Я всегда увлекался астрономией. Помню, когда я был начальником станции в Кастиольон дель Лаго, я поставил телескоп с мощной линзой на балконе и по ночам наблюдал за кольцами Сатурна, за спутниками Юпитера, вытянувшихся в линию, словно пули в дуле винтовки, за туманностью Андромеды, которая похожа на запятую.

Подошли еще несколько котов, сели, стали прислушиваться. Среди них никогда прежде не было бывшего начальника станции. Они хотели узнать многое о поездах, спрашивали, почему в туалетах вагонов второго класса никогда не бывает мыла.

Когда на небе зажглись звезды и всем стало хорошо их видно, кошка — бывшая учительница начала свою лекцию:

— Вот, взгляните наверх. Это — созвездие Большой Медведицы. А то — Малой Медведицы. Повернитесь вслед за мной и смотрите точно направо от башни Аргентина. Это — созвездие Змея.

— Похоже на зоопарк, — заметил кот — бывший мусорщик.

- А вот созвездия Тельца и Скорпиона.
- Даже Скорпиона! — удивился один из котов.
- Ну, а вон там — созвездие Большого Пса.
- Черт возьми, — пробормотали потомственные коты.

Сильнее всех возмущался Красный Корсар, прозванный так потому, что он хоть и совсем белый, но по характеру любитель приключений.

Он-то вскоре и спросил:

- А созвездие Кота есть?
- Нет, — ответила кошка-учительница.
- Даже звезды, пусть маленькой-премаленькой, которая бы так называлась?
- И такой звезды нет.
- Что же получается? — возмутился Красный Корсар. — Целым созвездиям дали имена свиней, собак, а нам ничего.

Другие коты протестующе замяукали. Кошка-учительница, возвысив голос, встала на защиту астрономов: они знают, что делают. У каждого своя профессия. Раз астрономы не пожелали назвать Гатто-Кот даже астероид, наверняка у них были свои веские причины.

— Причины эти не стоят мышиного хвоста, — возразил Красный Корсар. — Послушаем, что скажет судья.

Кот — бывший судья уточнил. Он потому и подал в отставку, чтобы не судить больше ни о чем и никого. Но в данном случае в виде исключения он готов высказать свое мнение.

— Мой приговор таков — чума на всех астрономов!

Раздались оглушительные аплодисменты. Кошка-учительница покаялась, что отныне сомневается в непогрешимости астрономов, и пообещала начать новую жизнь. Специальные посланцы были отправлены к котам Императорских Форумов, мясных лавок и котам больницы Сан Камилло, которые стояли у окон палат, в надежде, что обед снова окажется отвратным и больные его выбросят. Помчались коты-посланцы и к собратьям района

Трастевере, к бродячим котам окраин, к облезлым котам из трущоб. И наконец — к котам зажиточных римлян. Готовы ли и они наконец присоединиться к остальным котам, забыв хоть раз о преимуществах молотого мяса, пуховой подушки и банта на шее. Сбор был назначен в полночь у Колизея.

— Чудесно! — воскликнул кот — бывший синьор Антонио. — Я побывал в Колизее в качестве туриста, паломника и пенсионера, но не кота. Это будет удивительное событие в моей жизни.

На следующее утро к Колизею подъехали на машинах и подошли пешком американские туристы, прибыли в повозках и автобусах — немецкие, пришли швейцарцы с кожаными мешками за плечами, сицилийцы с тещами, миланцы с японскими кинокамерами. Но им ничего не удалось увидеть — Колизей захватили коты. Заняли все входы, выходы, арену, ступени, колонны, арки. Почти не видно было древних камней — одни коты, тысячи котов. По сигналу Красного Корсара появился плакат. (Его придумали и сделали кошка-учительница и кот-синьор Антонио.) «Колизей захвачен нами, вот! Хотим звезду по имени Кот».

Туристы, паломники и прохожие, которые от любопытства забыли пройти дальше и остановились, дружно зааплодировали. Поэт Альфонсо Гатто произнес горячую речь. Не все поняли, о чем он говорил, но, глядя на него, всем стало ясно — раз можно назвать Гатто-Кот поэта, значит, можно назвать так и звезду.

А пока в ожидании вестей римские коты решили возвратиться домой. И кот — бывший синьор Антонио с кошкой — бывшей учительницей, строя новые радужные планы, бодро направились к площади Аргентина.

— Как был бы прекрасен купол собора святого Петра, усыпанный котами и кошками со вздернутыми хвостами! — воскликнул он.

— А не захватить ли нам олимпийский стадион в день футбольного матча «Рома» — «Лацио»? — спрашивает кошка — бывшая учительница.

Кот — бывший синьор Антонио уже собрался воскликнуть «Потрясающе!», но не добрался и до середины слова. Кто-то его позвал:

— Дедушка! Дедушка!

Кто бы это мог быть? Это была Даниэла. Выйдя из ворот школы, она сразу узнала в коте своего дедушку. Синьор Антонио с кошачьей хитростью притворился, будто ничего не слышал. Но Даниэла не сдавалась.

— Дедушка, ты плохой. Почему ты ушел к котам? Я уже много дней ищу тебя повсюду, на земле и на море. Немедленно возвращайся домой.

— Какая красивая девочка! — говорит кошка — бывшая учительница. — В каком она классе? У нее хороший почерк? Аккуратно ли она чистит ногти? Не из тех ли она скверных учеников, которые пишут «Долой сторожа!» на двери школьного туалета?

— Нет, она очень умная девочка, — растроганно отвечает синьор Антонио. — Пожалуй, пожалуй, я провожу ее немного. Тогда уж она наверняка не перейдет улицу на красный свет.

— Так, все понятно, — сказала кошка — бывшая учительница. — Ну что ж, схожу и я, посмотрю, как живет сестра. Вдруг у нее начался деформирующий артрит, и она сама, без чужой помощи, не может надеть туфли.

— Дедушка, идем же, — властно сказала Даниэла.

Прохожие ничуть не удивились — решили, что кота зовут дедушкой. Да и что тут особенного?! Есть же коты, которых называют Варфоломей и Герундий.

Придя домой, кот — синьор Антонио вскочил на свое любимое кресло и в знак приветствия с достоинством пошевелил ухом.

— Видели? — радостно воскликнула Даниэла. — Это — точно дедушка.

— Верно, — подтвердил Нино. — У дедушки тоже была привычка шевелить ушами.

— Хорошо, хорошо, — немного смутившись, сказал их отец. — А теперь час обеда — все за стол.

За едой все члены семьи лучшие куски отдавали коту-дедушке. Ему — мясо, молоко с сахаром, печенье. И еще ласки и поцелуи внука и внучки. А потом все захотели послушать, как он мурлычет. Попросили его дать лапу. Почесали ему за ухом.

После обеда кот-синьор Антонио вышел на балкон. На другой стороне улицы тоже на балконе стояла кошка — бывшая учительница и следила за канарейками.

— Как дела? — спросил у нее синьор Антонио.

— Лучше не придумаешь. Сестра приняла меня как принцессу.

— Ты призналась, что ты не кошка, а ее родная сестра.

— Я что, по-твоему, дура? Да если сестра узнает, что это я, она, того и гляди, меня в сумасшедший дом упечет. А так она дала мне одеяло нашей покойной матери, на которое прежде даже взглянуть не разрешала.

— Ну, а я не знаю, как и быть, — признался кот — бывший синьор Антонио. — Даниэла требует, чтобы я снова стал настоящим дедушкой. Все они меня очень любят.

— Жалкий глупец. Тебе счастье привалило, а ты своими руками все губишь. Смотри, как бы потом не пожалеть!

— Право, не знаю, как и быть, — повторил он. — Пожалуй, брошу монету и посмотрю, что выпадет, орел или решка? Словом, я готов рискнуть — больно уж мне хочется выкурить то-сканскую сигару...

— Но как ты сможешь снова превратиться из кота в дедушку?

— Очень просто, — ответил Антонио.

Он вернулся на площадь Аргентина в царство котов и опять перелез через железную загородку; и сразу стал пожилым человеком, закуривающим сигару. Когда он возвращался домой, сердце его билось сильнее обычного. Даниэла, едва его увидев, запрыгала от радости. С другого балкона кошка — бывшая учительница ободряюще подмигнула ему зеленым глазом и тихонько пробормотала:

— Жалкий глупец.

На том же балконе стояла и ее сестра. Она нежно смотрела на кошку и убеждала себя: «Я не должна слишком сильно к ней привязываться. Если она умрет, у меня начнутся боли в сердце».

Наступил час, когда коты Императорских Форумов просыпаются и выходят поохотиться на мышей... Коты с площади Аргентина собираются вместе, ожидая добрых тетушек, которые приносят им в кульках всякую вкусноту. Коты больницы Сан

Камилло становятся на садовых клумбах и аллеях, каждый у своего окна. Стоят и ждут, в надежде, что ужин окажется плохим, и больные тайком от сестер-монахинь его выбросят.

Бродячие коты, которые прежде были людьми, вспоминают о том времени, когда они водили грузовики, работали на токарных станках, печатали на машинке, были красивыми и гуляли с возлюбленными.

**КАРЛИНО, КАРЛО, КАРЛИНО,
ИЛИ КАК БОРОТЬСЯ
СО СКВЕРНЫМИ ПРИВЫЧКАМИ У ДЕТЕЙ**

— Вот он, ваш Карлино, — сказала акушерка синьору Альфио, который пришел за сыном в родильный дом.

— Какой еще Карлино! Что за мания называть детей уменьшительными именами. Зовите меня Карло или Па́ола. Пусть даже Леопáрдо, лишь бы это было полное имя. Ясно вам?

Синьор Альфио в изумлении посмотрел на младенца, который даже рта не раскрыл. А ведь возмущался явно он, и его слова проникли синьору Альфио прямо в мозг.

Акушерка тоже услышала вопли младенца.

— Ого, такой маленький, а уже умеет передавать мысли на расстоянии! — воскликнула она.

— Как же иначе! — слышался тоненький голосок. — Не могу же я пользоваться голосовыми связками, раз их пока у меня нет.

— Давайте положим его в колыбель, а там видно будет, — сказал синьор Альфио в еще большей растерянности.

Младенца положили в колыбель, рядом с задремавшей матерью. Синьор Альфио подошел к двери и велел старшей дочери выключить радио, чтобы оно не мешало новорожденному. Но Карлино сразу мысленно подал крайне срочное и важное послание отцу.

— Папа, что тебе взбрело в голову? Ты не дал мне послушать сонату Шуберта для арпеджоне.

— Для арпеджоне? — невольно повторил синьор Альфио. — Мне показалось, что это была виолончель.

— Конечно, виолончель. Теперь эту сонату, сочиненную Шубертом в 1824 году, кстати, в ля минор, исполняет виолончелист. Но задумал ее Шуберт для арпеджоне. Это — нечто похожее на шестиструнную большую гитару, созданную в Вене Иоганном Георгом Штауфером. Этот инструмент, именуемый «Гитар д'амур», или же «Гитар-виолончель», не пользовался популярностью и вскоре был забыт. Но вот соната очень приятная.

— Прости, откуда ты все это узнал? — пробормотал синьор Альфио.

— О боже! Ты поставил рядом книжный шкаф, — вновь с помощью телепатии ответил младенец. — В нем лежит превосходный музыкальный словарь. Как же я мог не увидеть, что на странице восемьдесят второй первого тома говорится об арпеджоне?!

Синьор Альфио, естественно, сделал вывод, что его крохотный сын не только умеет передавать мысли на расстоянии, но и читать нераскрытые книги. И это — еще не научившись читать!

Матери, синьоре Адэле, когда она проснулась, рассказали о странностях новорожденного. Рассказали со всяческими предосторожностями, но она все равно разрыдалась. В довершение всех бед рядом не оказалось носового платка, чтобы вытереть слезы. И вдруг ящик комода бесшумно открылся, и оттуда вылетел аккуратно сложенный носовой платок, выстиранный в мыльном

порошке «Бронк», любимом порошке кастелянши королевы Елизаветы. Белоснежный платок опустился на подушку синьоры Аделе, а из колыбели младенец лукаво подмигнул матери.

— Ну, как понравился вам мой трюк? — телепатическим путем спросил младенец у присутствующих.

Акушерка вскинула руки к потолку и в панике выбежала из комнаты. Синьора Аделе мгновенно потеряла сознание. А синьор Альфио закурил сигарету и тут же ее бросил на пол — он совсем не то собирался сделать.

— Сынок, — сказал он наконец, — у тебя появились весьма скверные привычки, совершенно несовместимые с правилами хорошего тона. С каких это пор вежливый ребенок открывает без разрешения мамины ящики?

Тут в комнату вошла их дочка Антония, прозванная в семье Чиччи, пятнадцати лет и пяти месяцев от роду. Она ласково поздоровалась с младшим братом:

— Чао, как поживаешь?

— В общем, неплохо. Вот только пока мне немного не по себе. Но ведь я впервые на свет родился.

— О, ты говоришь мысленно. Да ты молоток! Как это тебе удается?

— Очень просто — хочешь заговорить, надо закрывать рот, а не открывать его. Это и более гигиенично.

— Карло! — гневно воскликнул синьор Альфио. — Не смей с первого же дня портить свою сестру, послушную, воспитанную девочку!

— О боже! — простонала синьора Аделе, придя в себя. — Что скажет привратница, что скажет мой отец, служащий банка, человек суровых нравов и обычаев, последний потомок целого поколения кавалерийских полковников?

— Ну, привет, малыш, — сказала Чиччи. — Мне нужно решить задачи по математике.

— Математика? — задумчиво переспросил Карло. — А, по-

нял. Эвклид, Ньютон и тому подобное. Но когда будешь решать задачи по учебнику, который держишь в руках, учти, что ответ по задаче 118 неверен. Икс равен не одной третьей, а двум десятым.

— Он позволяет себе критиковать даже школьные учебники. Совсем как левые газеты,— с горечью сказал синьор Альфио домашнему врачу.

Они сидели в кабинете врача и беседовали, а в прихожей синьора Аделе развлекала младенца.

— Да,— тяжело вздохнул врач, синьор Фойетти.— Нет больше ничего святого. Эти беспрестанные забастовки. Кто знает, чем все это кончится. А тут еще новый подоходный налог. Попробуйте найти служанку. Полиции запрещают стрелять, крестьяне не хотят разводить кроликов. И попробуйте дозваться слесаря-сантехника. Э, что говорить... Сестра, позовите мать с ребенком.

Войдя в кабинет, Карло сразу догадался, что доктор Фойетти долгое время жил в Загребе. И потому мысленно обратился к нему на хорватском языке:

— Доктор, я испытываю боль при глотании пищи. Часто у меня бывает отрыжка. Особенно когда съем морковку или свеклу.

Доктор Фойетти, застигнутый врасплох, невольно ответил тоже на хорватском языке:

— Пожалуйста, лягте на кровать.

Потом стукнул себя кулаком по лбу и, приободрившись, приступил к осмотру. Длился медицинский осмотр ровно два дня и тридцать шесть часов. Доктор выяснил, что младенец Карло сорока семи дней от роду:

Читает в мозгу доктора Фойетти имена всех его родных вплоть до четвероюродных братьев. А также впитывает в себя все научные, литературные, философские и футбольные данные, накопленные синьором Фойетти еще со времен детства.

Обнаружил марку Гватемалы, спрятанную под восемнадцатью килограммами медицинских томов.

Силою взгляда передвигает стрелку весов, на которых медицинская сестра взвешивает больных.

Принимает и передает радиопрограммы, включая передачи на ультракоротких волнах и стереофонические записи.

Воспроизводит на стене телевизионные программы, явно выказывая, однако, нелюбовь к передаче «Риски всем». Движением рук проделал дырку в белоснежном халате доктора.

Глядя на фотографию одного из пациентов, он ощутил сильную резь в желудке и безошибочно определил у больного острый приступ аппендицита.

Поджарил на расстоянии в оливковом масле семечки. Кроме того, младенец сумел подпрыгнуть с кровати на пять метров девятнадцать сантиметров, волевым напряжением вынул медаль Святого Антония из коробки сигар с тремя сургучными печатями. Не вставая, снял со стены картину, оживил муляж черепахи, хранившийся в шкафу с медикаментами, и барсука, лежавшего в ванне, намагнитил несколько увядших хризантем, придав

им прежний свежий вид. Еще он сделал чучела умерших птиц и рыб и остановил брожение вина.

— Тяжелый случай, да? — тревожно спросил синьор Альфио.

— Почти безнадежный, — пробормотал доктор Фойетти. — Если он так себя ведет в возрасте сорока семи дней, что же будет в сорок семь месяцев!

— А что с ним станет в сорок семь лет?

— О, тогда он давным-давно будет на каторге!

— Какой позор для его дедушки-полковника! — воскликнула синьора Аделе.

— Значит, уже ничего нельзя сделать? — в отчаянии спросил синьор Альфио.

— Прежде всего надо унести его в прихожую и сунуть в руки полный комплект «Официального вестника». Тогда малыш отвлечется и перестанет слушать наши разговоры. Попытаться стоит.

— Ну, а потом? Когда закончится операция «Официальный вестник»? — допытывался синьор Альфио.

Доктор Фойетти что-то зашептал ему в правое ухо. Таким путем он десять минут непосредственно инструктировал синьора Альфио, а тот в свою очередь нашептывал полученные инструкции жене в левое ухо.

— Да это же просто и гениально, как колумбово яйцо! — радостно воскликнул наконец синьор Альфио.

— Какого Колумба? Великого мореплавателя Христофора или же министра Эмílio? — спросил телепатический младенец из прихожей. — Ссылка на кого-либо всегда должна быть точной.

Доктор подмигнул синьору Альфио и синьоре Аделе. Все трое улыбнулись и ничего не ответили.

— Я спросил, о каком из двух Колумбов идет речь? — настаивал малыш, силою умственного напряжения проделав дыру в стене.

А они молчали, как вареные рыбы. Немного спустя малыш Карло, чтобы его услышали, жалобно захныкал:

— Уууу, ууу!..

— Уже действует! — возликовал синьор Альфио.

Синьора Аделе схватила руку доктора Фойетти, наклонилась и ее поцеловала.

— Вы наш благодетель. Великое вам спасибо. Я впишу ваше имя в свой дневник.

— Ууу, ууу!.. — не унимался младенец.

— Действует! — восторженно прошептал синьор Альфио, кружась в вальсе.

И верно, средство оказалось удачным. Весь секрет заключался в том, чтобы не отвечать на телепатические вопросы Карло. Вот ему и пришлось, как всем нормальным детям, объясняться с помощью звуков.

Малыши очень быстро воспринимают новое и еще быстрее забывают. В шесть месяцев Карло даже не помнил, что еще недавно он все ловил получше транзисторного приемника. Тем временем из дома вынесли все книги, включая энциклопедии, купленные в рассрочку.

Теперь Карло уже не мог упражняться в чтении на расстоянии закрытых книг и быстро утратил такую способность к великой радости родителей. Прежде он выучил наизусть Библию. А теперь начал ее забывать. Приходский священник наконец-то вздохнул спокойно.

В три года Карло еще развлекался тем, что силою взгляда подымал стулья, заставлял танцевать кукол-марионеток, очищал на расстоянии кожуру апельсинов, сунув палец в нос, менял, лежа в постели, пластинки в проигрывателе. Но потом родители отдали его в детский сад. Там он в первый день решил повеселить своих новых друзей и показал, как можно ходить по потолку вниз головой. В наказание его поставили в угол. Карло страшно обиделся и поклялся, что отныне будет прилежно вышивать бабо-

чек, втыкая иглу в точки, нарисованные для него на куске материи сестрой-монахиней.

В семь лет Карло пошел в начальную школу и сразу посадил на учительский стол чудесную лягушку. Учительница вместо того, чтобы объяснить происхождение этих земноводных и рассказать, какой из них получается вкусный бульон, позвала сторожа, а Карло отправила к директору. Синьор директор доказал Карло, что лягушки преглупые животные, и пригрозил ему исключением из всех школ Итальянской республики и всей Солнечной системы, если тот еще раз позволит себе подобную выходку.

— Могу я хоть убивать микробы?

— Нет, для этого есть врачи.

Задумавшись над столь важным фактом, Карло по рассеянности взял и заставил розу расцвести в мусорной корзине. К счастью, ему удалось снова спрятать розу, прежде чем директор что-либо заметил.

— Иди, — суровым голосом сказал директор, показав указательным пальцем на дверь. Жест совершенно излишний — в кабинете была только одна дверь, и ее трудно было спутать с окном. — Иди, будь хорошим мальчиком, и ты станешь утешением в старости для своих родителей.

Карло ушел. Вернулся домой, стал делать домашнее задание, и все напутал.

— Какой же ты глупый! — сказала Чиччи, заглянув в его тетрадь.

— Правда? — с затаенной радостью воскликнул Карло. — Совсем глупый?

От восторга он опустил белку на письменный стол, но тут же превратил ее в невидимку, чтобы Чиччи не заподозрила недоброе.

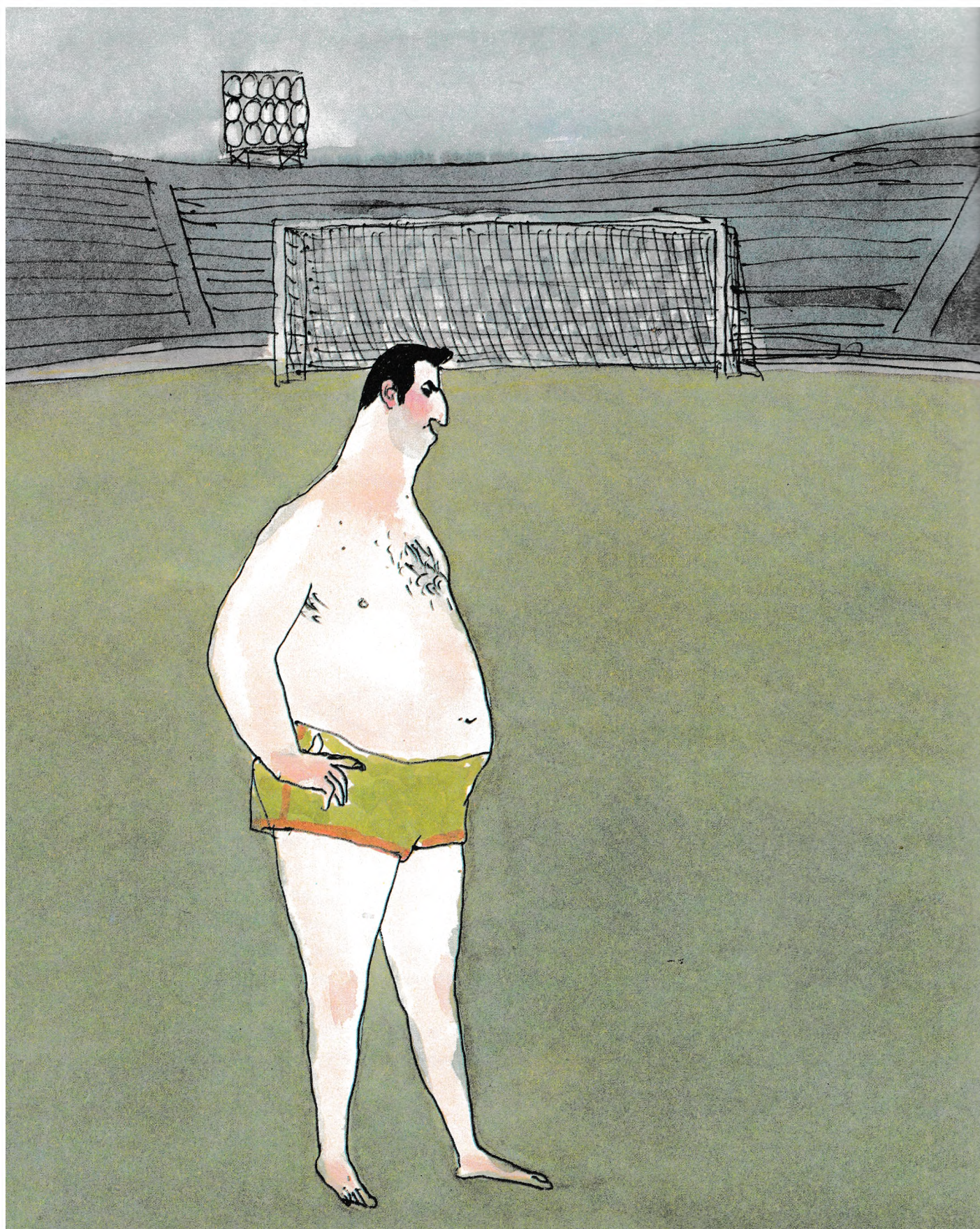
Когда Чиччи ушла в свою комнату, он попробовал снова создать белку, но не смог. Попытался вызвать к жизни морскую

свинку, ничего у него не вышло; жука-скарабея, блоху — безуспешно.

— Слава богу. Наконец-то я начал отвыкать от скверных привычек, — облегченно вздохнул Карло.

Все теперь зовут его Карлино, а он даже не помнит, что прежде очень этим возмущался.

ДОКТОР ВНЕ ДОМА

Когда команда «Тернана» проигрывает, дома или на чужом поле, доктор Форéсти приходит на службу в сквернейшем настроении. Он вызывает верную секретаршу и приказывает ей:

— Кто бы ни спросил, меня нет!

На самом деле он просто вне себя от ярости. Настолько вне себя, что в кабинете, в кресле у письменного стола остались лишь его вещи: пиджак, рубашка, а под столом — туфли и в них носки. Сам же доктор Форести в одиночестве бродит голым по футбольному полю, переживая все перипетии матча.

Верная секретарша это знает, но никому не говорит. Она безумно любит своего начальника и не выдаст его тайны, хоть режь ее на части. Каждому, кто звонит по телефону, она неизменно отвечает — синьор Форести вышел.

Это чистая правда. Часа два-три спустя доктор Форести

возвращается в свой кабинет и в свои брюки и начинает одного за другим вызывать подчиненных. Всем служащим без исключения он учиняет жестокий разнос, заканчивая его грозным «Вон отсюда!».

По всем этажам молниеносно распространяется слух, что начальник вне себя. Служащие грустно склоняют голову над не оформленными в срок документами. Впрочем, доктор Форести нередко выходит из себя не только в день проигрыша «Тернаны».

Порой он до того входит в раж, что оказывается не только вне кабинета, но и вне дома и даже вне города.

Однажды утром он так разозлился, что очутился в месте вне всяких дорог и вне земли. В этом месте собираются все, кто в ярости не знает удержу.

— Накройтесь, не смешите людей,— услышал он вдруг незнакомый голос.

Доктор Форести с удивлением заметил, что все остальные одеты или полуодеты. Он безропотно закутался в одолженный ему на время цветастый ночной халат.

— Сразу видно, что вы из новичков,— сказал старик в мундире отставного генерала.— Мы, знаете ли, уже приспособились. Соорудили некое подобие гардероба. Поэтому, если попадаем сюда снова, нам, слава богу, не приходится дрожать от холода.

— Понимаю. Но что это, черт победит... Ну, словом, что это за место?

— Страна «Вне». Разве вы уже не догадались? Посмотрите вокруг.

У доктора Форести от изумления глаза чуть не вылезли из орбит. Он внезапно обнаружил, что тут полно народу и вещей. Кроме людей, которые были вне себя от ярости по личным мотивам, тут встречались и чемпионы, потерявшие форму, цветы вне сезона, речи, вне всякого сомнения, неумные, артисты вне

конкурса, монеты вне обращения, машины вне дороги, больные уже вне опасности, билеты в консерваторию вне программы, зайцы вне досягаемости охотничьих ружей, внеклассные преподаватели и внеклассные ученики, выгнанные из класса за то, что они писали ученицам. Были тут и преступники, объявленные вне закона.

Они время от времени подбегали к женщинам и кричали:

— Эй ты, с прекрасной внешностью! Отдавай сумочку!

Остальные никак на эти крики не реагировали. Преспокойно играли в карты. Они пригласили и доктора Форести сыграть в подкидного дурачка, но тот вежливо отказался. Объяснил, что его дома заждались.

— Тогда возвращайтесь поскорее.

— Непременно, — ответил доктор Форести.

Он влез в свой пиджак, позвал верную секретаршу и спросил, не приходил ли к нему кто-нибудь.

— Да, один посетитель из внепредусмотренных.

— Скажите ему, что вне расписания я не принимаю.

На самом деле доктору Форести хотелось побыть одному и подумать о стране «Вне».

«Приятные там люди живут. Завтра слетаю туда снова».

Утром он до того радовался предстоящему путешествию, что даже не смог разгневаться. Попробовал с верной секретаршей, затем — с письмоноском, один вид которого приводил его обычно в бешенство, ничего не получилось.

— Нет, я явно не в форме, — пробормотал он. К счастью, он очень рассердился на себя самого за то, что не может рассердиться, и вскоре дошел до точки кипения...

— Привет, доктор Форести, привет, — услышал он. — Значит, сдержали свое слово? Многие обещают, но потом не возвращаются.

К нему подошли прежние приятели, жаждавшие сыграть в подкидного дурака по-научному. Познакомили его также с футболистом вне сезона и велогонщиком, пришедшим на финиш с

огромным опозданием, вне установленного регламентом времени.

До чего же хорошо было доктору Форести в этой удивительной стране! Заговорили о том о сем, потом разговор перекинулся на футбольный тотализатор — Тотокальчо. Сапожник из Торпиньятуры сказал, что он угадал результаты тринадцати матчей и выиграл семьсот девяносто девять миллионов лир.

— Сколько??? — ошалело спросил доктор Форести.

— Семьсот девяносто девять миллионов и ну там... мелочь.

— Простите за нескромность, но что же вы тогда сидите тут?

— В этом-то вся загвоздка, дорогой доктор. Когда я узнал о выигрыше, я от радости надулся как индюк. Стал искать машину, чтобы поехать в город. Из кожи вылез, лишь бы поскорее ее найти. И не нашел. Рассвирепел ужасно и вот очутился здесь.

— Да, но почему вы не возвратились назад?

— Вы же не дали мне досказать. Кожа стала для меня узковата, я больше в нее не влезаю. То нога остается снаружи, то оба уха. Что бы вы мне посоветовали, доктор?

— Нельзя ли получить выигрыш по доверенности?

— Нет, тогда всеми деньгами завладеет мой шурин...

— Есть и другой способ, — подумав, сказал доктор Форести. — Допустим, вы поручите получить в банке выигрыш доверенному лицу. Этот человек принесет вам деньги сюда, в страну «Вне». Но прежде чем отдать вам выигрыш, сунет в пачку фальшивые сто лир. Вы пересчитаете деньги, обнаружите фальшивую монету и рассвирепеете. До того, что похудеете и сможете влезть в кожу.

— Вы внеклассный, простите, первоклассный хитрец! — в полнейшем восторге воскликнул сапожник из Торпиньятуры. — Я только вам могу довериться. Вот выигрышная карточка-тотокальчо. Получите семьсот девяносто девять миллионов, а мелочь оставьте себе.

— Сколько именно?
— Шестьдесят лир.
— Прекрасно. Добавлю еще двадцать лир и куплю чашечку кофе! — сказал доктор Форести.

Сапожник вручил доктору карточку-тотокальчо, футбольного тотализатора.

Синьор Форести гордо прошелся перед новыми друзьями, вобрав живот и выпятив грудь, потом вернулся в свой кабинет. Вызвал верную секретаршу и объявил ей:

— Синьорина, я отлучусь ненадолго, подышу свежим воздухом. Но вы отвечайте всем, что я вышел покурить.

— Могу я сказать, что вы пьете кофе? — спросила секретарша, опустив глаза.

— Вы образцовая секретарша, — похвалил ее доктор Форести.

Он примчался в банк, прошел в кабинет к директору и, оставшись с ним наедине, спросил тихонько:

— Известно вам имя человека, выигравшего в тоттокальчо семьсот девяносто девять миллионов лир?

У директора от волнения начались спазмы в горле.

— Нет, — еле слышно выдавил он из себя.

— Форести Кармело. И этот человек я.

— Где доказательства?

Доктор Форести показал ему карточку. Директор банка вытянулся по стойке «смирно», вобрав живот и выпятив грудь, и объявил:

— Вы приятнейший синьор, а это — счастливейший день в моей жизни. Эй, кассиры! Несите сюда семьсот девяносто девять миллионов лир. Да поживее! Вам их завернуть, доктор?

— Я захватил с собой пластмассовую сумку прачечной Эурилла. Она очень вместительная. Спасибо и до свидания.

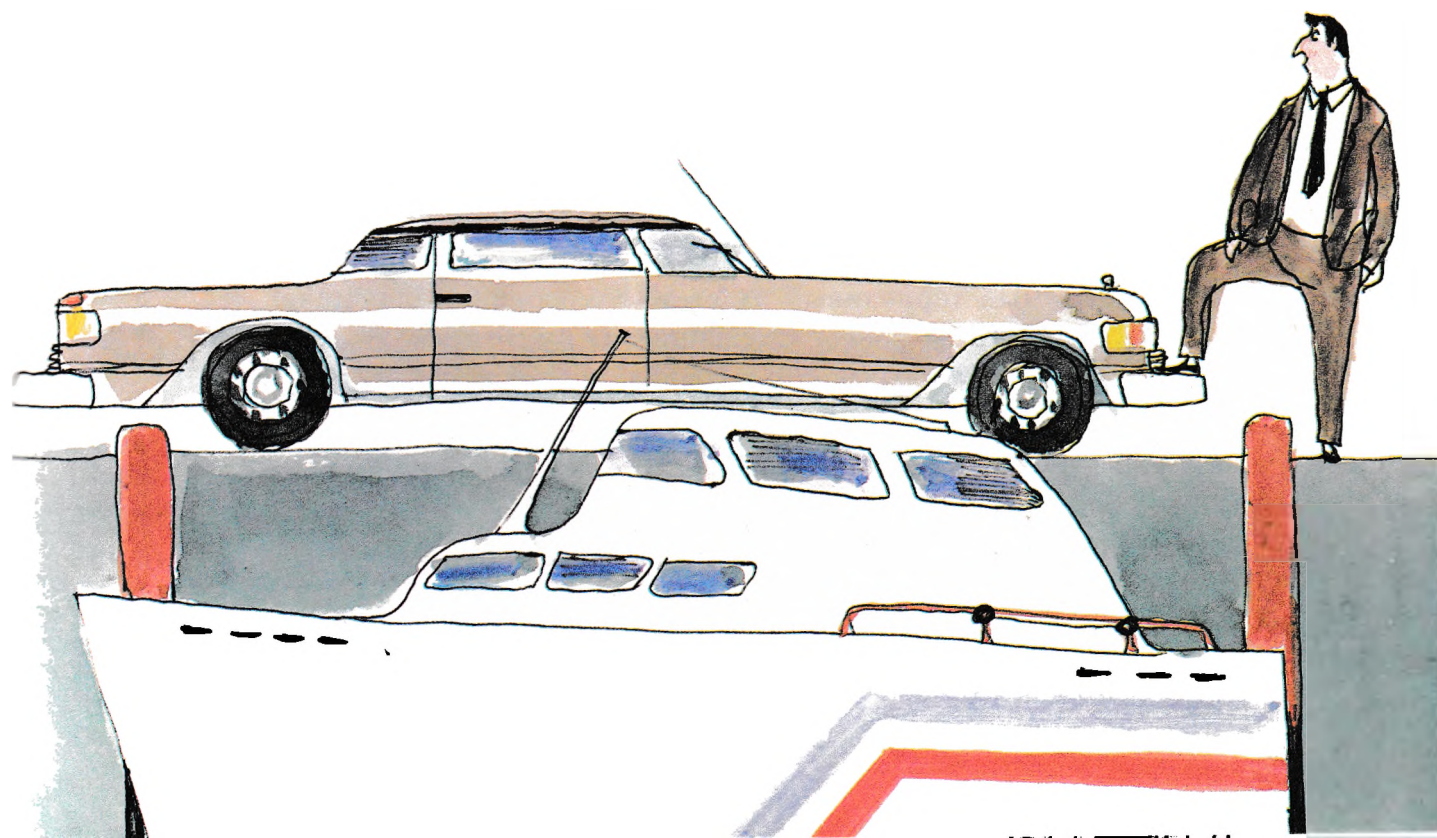
Первым делом доктор Форести купил себе внесерийную «альфа ромео» и лучший, вне конкуренции, моторный катер.

Потом, не поддавшись другим внезапным соблазнам, вернулся домой, спрятал оставшиеся деньги в холодильник и отправился на службу.

Верно, вы уже догадались по его поведению, что он решил без внешних эффектов, но раз и навсегда лишить сапожника его миллионов... Для удачного осуществления этого замысла требовались терпение и выдержка. Доктор Форести не должен был выходить из себя, гневаться.

Иначе он, упаси боже, очутится снова в стране «Вне», и тогда ему несдобровать.

Словом, пришлось доктору Форести стать самым добрым и самым терпимым из начальников отделов своего министерства: снисходительным к подчиненным, нежным к верной секретарше, демократичным с письмоносцами, вежливым со сторожем, дипломатичным с посетителями. За короткий срок с ним произошли удивительные перемены.

Среди служащих разнесся слух: «Наш начальник переменялся. Начинается новая жизнь».

На другой день доктор Карлони вошел в кабинет, не постукавшись.

Раньше синьор Форести выбросил бы наглеца в окно, а тут он даже глазом не моргнул. Доктор Карлони, когда секретарша вызвала его к начальнику, велел передать, что он еще не решил кроссворд.

Если решит, то зайдет. Форести остался невозмутим и спокоен, как оставались спокойными воды реки Пьяве, когда ее форсировали берсальеры в годы первой мировой войны. Доктор Карлуччи дождался, когда Форести вышел в коридор, и зажег серную спичку о его спину. Форести лишь снисходительно улыбнулся.

Доктор Карлоцци разбил два грецких ореха о голову своего начальника, сказав, что забыл дома щипцы. Форести громко засмеялся:

— Однако вы шутник, дорогой Карлоцци!

Со всех этажей огромного здания сбегались служащие самых разных степеней и званий, чтобы испытать терпение доктора Форести. Ставили на его письменный стол спиртовку и варили на ней яйца вкрутую. Тушили и бросали окурки в его баночку с клеем, требовали одолжить подтяжки, чтобы сделать из них рогатки.

— Терпеливейший человек этот Форести. Вне всякого сравнения самый терпеливый на свете, — говорили служащие.

Любопытство росло. Служащие из других министерств, находящихся в разных концах города, просили отпуск на полдня, чтобы посмотреть на доктора Форести. Из дальних провинций всеми доступными средствами транспорта приезжали в Рим служащие-паломники. А он оставался спокойным, как море в штиль. Но вечером после работы отправлялся в спортивный зал и брал уроки бокса. Учился безропотно сносить

удары. «Ничего, через два года портной кончит шить мой выходной костюм, и я сбегу на Азорские острова со всеми деньгами. Никто обо мне больше и не услышит», — утешался он.

Но в один прекрасный день синьора Теодора Ментуччи (к этой истории она не имеет никакого отношения, и даже точно неизвестно, замужем она или уже развелась) вспомнила, что забыла полить горшочки с геранью. Она вышла на балкон и исправила свою непростительную оплошность как раз в тот момент, когда под балконом проходил доктор Форести. Холодная вода полилась вниз и оросила не только цветы, но и голову, затылок и спину бедняги. Доктор Форести не ожидал столь жестокого удара судьбы и в сердцах воскликнул: «Черт побери!» Спина вся промокла, и доктор Форести уже ничего не соображал от ярости. Секунду спустя он уже был вне себя и... вне пределов земли...

— А, вот он, наш любезный доктор! Гони деньги, подлец!

Сапожник из Топиньятуры прервал игру в подкидного дурачка по-научному и схватил доктора Форести за волосы. Все остальные обитатели страны «Вне» оторвались от своих дел и занятий и стали наблюдать за представлением вне программы.

«Ох, попался!» — подумал доктор Форести. И тут же притворился, что произошло недоразумение.

— Это вы мне кричите? — спросил он у сапожника. — Поймите, вы, вне всякого сомнения, ошиблись. Спутали меня с моим двоюродным братом, доктором Близниціни. Такое случается не впервой. Ведь мы похожи друг на друга, как две десятитысячные ассигнации. Вот только он и в самом деле подлец и чаще бывает вне дома, в тюрьме, чем на свободе. А я человек порядочный.

— Я тебя уже три месяца жду, — не сдавался сапожник. — И не отпущу, пока не вернешь все деньги.

И между ними начался кулачный бой. Доктор Форести лишний раз порадовался, что учился искусству бокса. Прямым ударом в челюсть и серией ударов в солнечное сплетение доктор послал в нокаут беднягу сапожника. Тот оказался, как говорят футболисты, в положении вне игры.

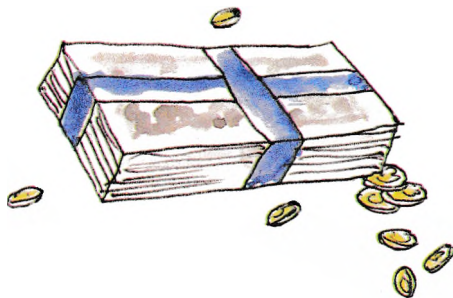
Но зрители возмутились явным нарушением правил честного поединка доктором Форести. Взяли и выкинули его из страны «Вне»...

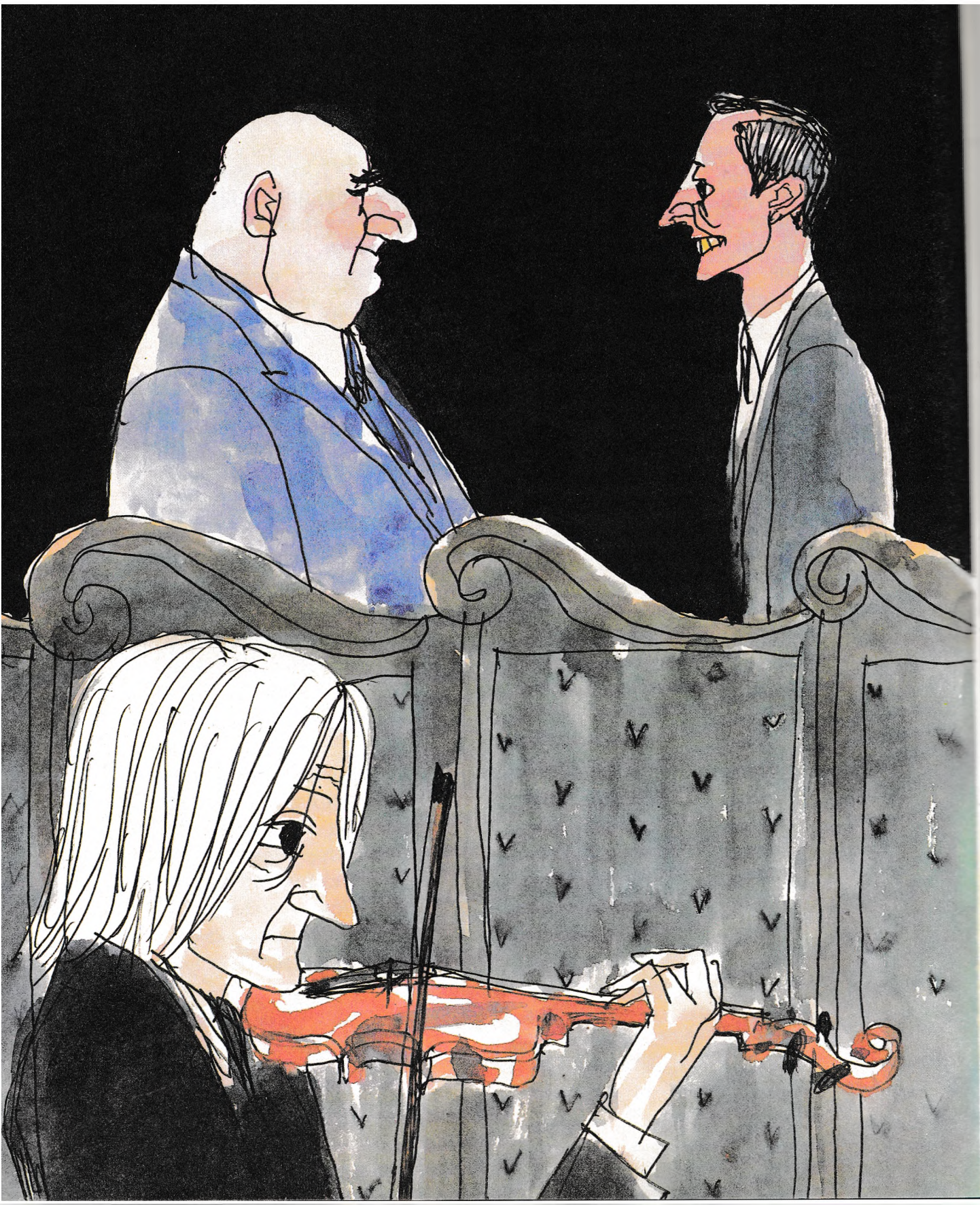
Доктор Форести вновь очутился под балконом синьоры Ментуччи. Стоял и вытирал платком шею и затылок. Каково же было его изумление, когда он увидел в двух шагах от себя сапожника из Торпиньятуры. Поражение до того его огорчило, что он с горя похудел и смог влезть в свою кожу. Он подскочил к доктору Форести и потребовал вернуть деньги. Не то он обвинит его в незаконном преследовании всех сапожников. А чтобы придать бóльшую весомость последнему аргументу, добавил:

— Учти, у меня семь братьев, и они все до одного чемпионы области Ляцио по боксу в полусреднем весе.

Столь сильный довод убедил доктора Форести в бесполезности дальнейшего сопротивления. Сапожник из Торпиньятуры наконец-то получил свои деньги, внесерийную «альфа ромео» и моторный катер. Но у сапожника, в сущности, было золотое сердце. Он великодушно оставил доктору Форести шестьдесят лир и сказал ему на прощание напутственные слова:

— На, бери мелочь! Попробайся начать новую жизнь. Но смотри, держись вне пределов моей досягаемости, друг мой...

ХОЗЯИН И БУХГАЛТЕР

Синьор Мамбрётти — владелец фабрики запасных частей для штопоров в городе Карпи, провинция Модена. У него тридцать машин и тридцать волос на голове.

— Как много у него машин! — говорят горожане.

— Как мало у меня волос! — вздыхает синьор Мамбретти.

А почему вздыхает, и не поймешь, ведь тридцать всегда равно тридцати, не так ли?

На фабрику синьор Мамбретти ездит в машине длиной в двенадцать метров, самой большой, самой роскошной и самой желтой во всей области Эмилия — Романья. Каждый раз, сидя за рулем, Мамбретти спрашивает у стекла заднего обзора:

— Зеркало, зеркало, ответь поскорее — чья машина всех красивее?

— Твоя, синьор Мамбретти, — отвечает зеркало.

Довольный таким ответом, самый знаменитый промышленник в сфере запасных частей для штопоров в долине реки По нажимает на акселератор, и машина, словно автомобильная королева, устремляется дальше по гладкому шоссе.

Однажды в понедельник утром синьор Мамбретти, как всегда, подмигнул зеркалу заднего обзора и спросил:

— Зеркало, зеркало, ответь поскорее — чья машина всех красивее?

Он уже приготовился полакомиться ответом, как лакомятся шоколадом или виски двенадцатилетней давности, как вдруг зеркало промолвило:

— Машина бухгалтера Джованни.

— Проклятье! — воскликнул синьор Мамбретти, яростно нажав на педаль акселератора. Необычное слово «проклятье» он узнал из одного кинофильма. — Быть того не может! — закричал он. — Чтоб у тебя конъюнктивит начался! Бухгалтер Джованни — нищий. У него есть только велосипед, да и то без насоса.

Но зеркало снова и снова отвечало, что самая красивая машина у бухгалтера Джованни. И хотя Мамбретти угрожал разбить его вдребезги, продать в рабство, заклеить белой бумагой, зеркало не отказывалось от своих слов.

Синьор Мамбретти разрыдался, и дорожный полицейский оштрафовал его за нарушение правил уличного движения. Он заплатил штраф и помчался на фабрику. В огромном кабинете синьора Мамбретти бухгалтер Джованни разучивал на скрипке трудную сонату.

Бухгалтер Джованни — маленький, худой человечек с белыми волосами. Такими они у него были с раннего детства, за что друзья-мальчишки прозвали его Белоснежкой.

На фабрике он исполнял множество обязанностей сразу: начищал до блеска запасные части к штопорам, служил передвижным столиком, на котором синьор Мамбретти делал записи в

блокноте, когда обходил свою фабрику. Да еще бухгалтер Джованни осуществлял музыкальное сопровождение.

Синьор Мамбретти не желал ни в чем уступать героям телероманов, которые молчат, если нет музыкального сопровождения. Даже если они ночью спасаются бегством, это происходит под звуки оркестра (музыкантов, видимо, везут на грузовике), исполняющего леденящие душу симфонии.

В кабинете Мамбретти стоит ширма. Когда приходит клиент, чтобы вести деловые переговоры, бухгалтер Джованни со своей скрипкой прячется за ширму. По голосу хозяина он угадывает, когда нужно играть медленно, а когда — быстро или очень быстро.

— Добрый день, синьор Мамбретти, — сказал Джованни, отставив смычок.

Мамбретти долго и весьма сурово смотрел на него. А затем заговорил столь мрачным тоном, что бухгалтер посчитал нужным исполнить тему смерти Изольды из оперы Вагнера «Тристан и Изольда».

— Нет, так дальше дело не пойдет, уж точно не пойдет, Джованни, — сказал синьор Мамбретти. — И оставьте в покое Вагнера. Все эти новости... эти машины...

— А, так вы уже знаете?

— Такие вещи нельзя скрыть. Люди уже поговаривают, что...

— Но я не сделал ничего плохого! Умерла моя тетя Джу-дйтта и оставила мне немного денег, вот я и решил купить маленькую машину.

— Ах, маленькую! Бросьте притворяться...

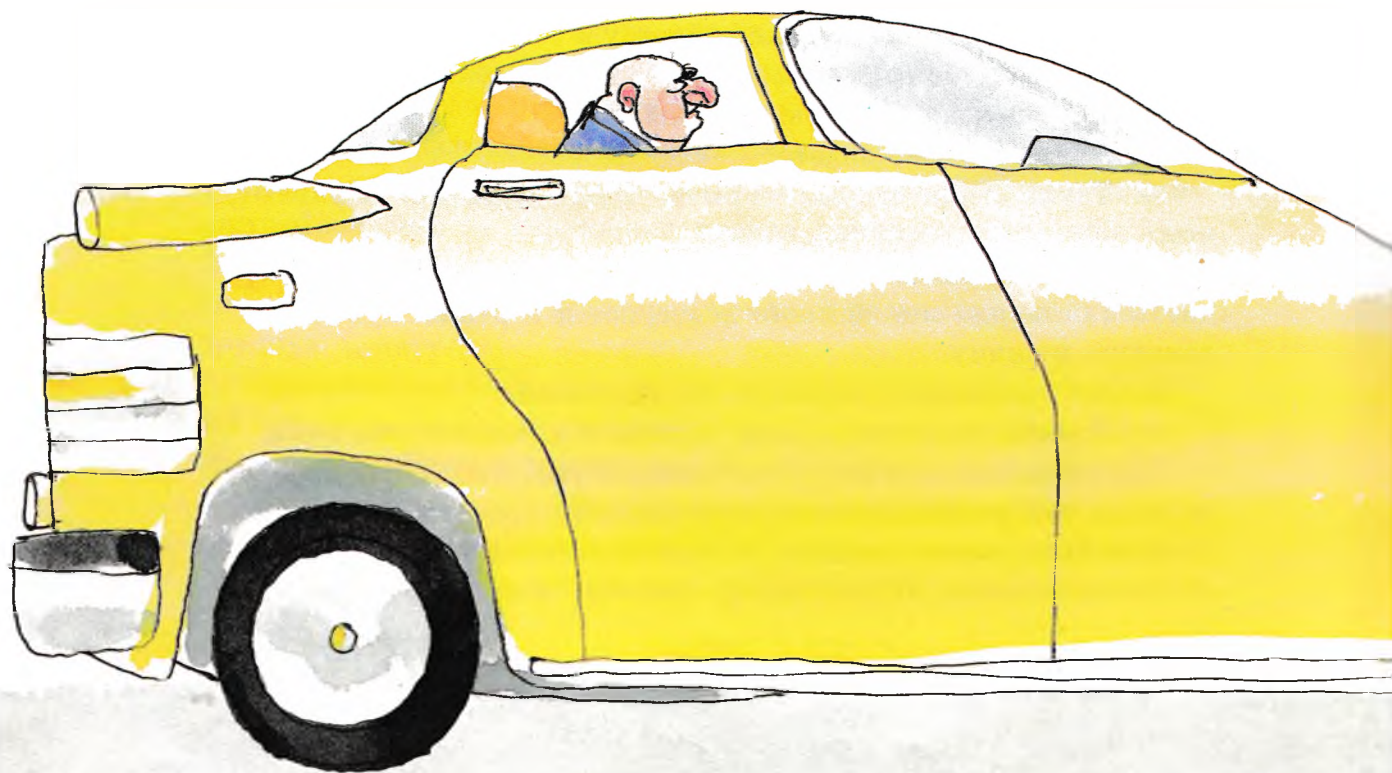
— Что вы говорите, синьор Мамбретти, посмотрите сами.

Приглядевшись, Мамбретти увидел в углу двора крошечную, не выше табуретки, трехколесную машину красного цвета. Она похожа была на автомашину, оставшуюся малюткой из-за недостатка витаминов. «И это самая красивая машина?! — подумал

синьор Мамбретти с кривой усмешкой. — Похоже, мое зеркало рехнулось. Чтоб оно треснуло, проклятое!»

Тут он увидел рабочих, которые шли через двор. Все они останавливались возле машины бухгалтера. Один ласково ее погладил, другой смахнул носовым платком пыль с капота, третий от волнения закурил сразу две сигареты... И никто даже не заметил, что на машине коммандаторе поставлена новая радио-антенна из ляпис-лазури, а в кабинете — художественном салоне висит новая картина знаменитого художника Аннигони.

Позже, возвращаясь домой, синьор Мамбретти последний раз спросил у зеркала заднего обзора:

— Зеркало, ответь поскорее, но не лги, — чья машина всех красивее?

— Машина бухгалтера Джованни.

— Почему?

— Бухгалтера Джованни.

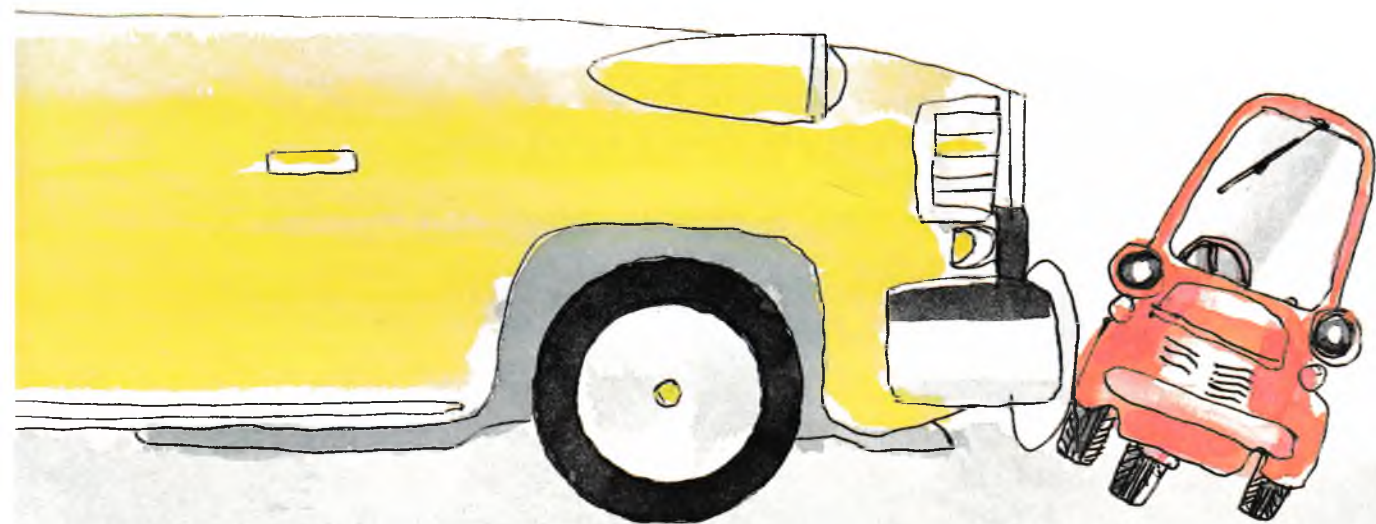
— Но у нее нет даже душа с горячей и холодной водой, самовара и кассетного проигрывателя!

— Бухгалтера Джованни, — повторило зеркало.

— Чтоб от тебя одни осколки остались!

Зеркало с достоинством молчало, и в нем отражался грузовик с прицепом, который вез свиней на колбасную фабрику в городе Реджо Эмилия.

В тот вечер Мамбретти, чтобы отвлечься от грустных мыслей, решил сходить в кино. Возле кинотеатра «Стар» машины стояли

впритык. Их было больше, чем сосен в сосновой роще, дубов в дубовой и вишен в банке с вишневым вареньем. Пока он искал место для своей громадной машины, он увидел в двух метрах от своего переднего бампера жалкую, пришибленную машину-паучка этого бухгалтерши Джованни. Площадь была пустынна. Жители городка Кáрпи либо сидели в кино, либо смотрели дома телевизор, либо играли в кафе в карты. На площади не было ни души, непрошенный свидетель — луна скрылась за облаками.

«Сейчас или никогда», — решил Мамбретти.

Он нажал на акселератор. Тупорылая машина врезалась в красную крохотулю машинку, которая, впрочем, в ночной тьме казалась черной.

От удара машина бухгалтера сплюснулась в лепешку. Мамбретти мгновенно затормозил. Дал задний ход. Включил первую скорость, вторую... и понесся к дому. Никто ничего не заметил. Даже зеркало заднего обзора.

Бухгалтер Джованни, выйдя из кино, увидел, что его машина превратилась в нечто среднее между дуршлагом и яйцом всмятку, и от огорчения упал в обморок.

Подбежали люди, осторожно его подняли, дали понюхать табаку, потом соли, и бухгалтер пришел в себя.

— Бедный я, бедный, — пробормотал он. — Прощайте, радужные мечты!

— Ну, не отчаивайся так, — стали его успокаивать друзья. — Семиру́кий ее починит.

— Кто?

— Да слесарь-ремонтник. Он мастер на все руки, вот и кажется, что у него не две руки, а целых семь.

— А, Семирукий.

— Кто меня зовет? — спросил здоровенный мужчина, который вышел из кино последним.

— Правда, мы говорили о вас, синьор Малагоди, посмотрите, как отделали ту бедную машину.

— Э, я и пострашнее видывал. Я сам ею займусь. Могу я ее забрать, бухгалтер Джованни?

— О, конечно! Тысячу раз спасибо.

Семирукий одной рукой поднял покореженную машину, сунул под мышку и сквозь два ряда зрителей направился в свою мастерскую. Эту ночь бухгалтер Джованни проспал на полу мастерской, крепко прижимая к себе свою исковерканную малолитражку. Утром Семирукий принялся за работу. Джованни даже не пошел на фабрику, стоял и, вздыхая, смотрел, как Семирукий трудится.

У синьора Мамбретти в то утро была деловая встреча с одним деловым человеком из Стокгольма. Мамбретти очень страдал от отсутствия музыкального сопровождения, но притворялся, будто ничего не случилось. После обеда он послал своего шпика — разведать, что происходит в мастерской. Вскоре шпик вернулся и доложил:

— Этот Семирукий творит чудеса. Машина стала почти как новая. Семирукий красит кузов, а бухгалтер аккомпанирует ему на скрипке.

Мамбретти с такой яростью ударил кулаком по столу, что тот раскололся. А попробуй сейчас найти хорошего краснодеревщика! Немного спустя синьор Мамбретти дал шпику другое поручение. Никто не знал, что Мамбретти был тайным главой банды похитителей автомобилей. По его приказу банда начала действовать. Один из бандитов зашел в ремонтную мастерскую и позвал Семирукого.

— Ваша жена просила вас заглянуть на минутку домой. У нее украли пакет стирального порошка.

— Опять?! Третий раз за неделю. Я мигом. Вы, бухгалтер, подождите меня здесь.

Семирукий помчался домой. Тут в мастерскую зашел другой бандит и угостил бухгалтера мороженым с кремом. Бухгалтер Джованни растрогался от такого участия и охотно съел моро-

женое. Но в мороженое бандит положил снотворное. Едва бухгалтер заснул, бандиты украли машину.

Семирукий вернулся очень довольный — весть о краже порошка оказалась ложной. Вдруг он увидел, что машина исчезла. Он все понял и горько разрыдался — ведь не может же он посылать счет за ремонт похитителям машины.

Минуту спустя пришел почтальон:

— Телеграмма на имя бухгалтера Джованни!

— Бедняга. У него украли машину, а теперь еще и телеграмма. Нет, я его будить не стану. Я и сам рад был бы уснуть, — сказал Семирукий.

Тогда почтальон собственноручно разбудил бухгалтера и вручил ему телеграмму. Она гласила: «Умерла тетушка Паскуалина, приезжай получать наследство».

— Слава богу! — воскликнул Семирукий. — Теперь он сможет, верно, купить большую четырехколесную машину.

На другой день по пути на фабрику синьор Мамбретти с ехидством спросил у зеркала заднего обзора:

— Зеркало, зеркало, ответь поскорее — чья машина теперь всех красивее?

Зеркало ответило:

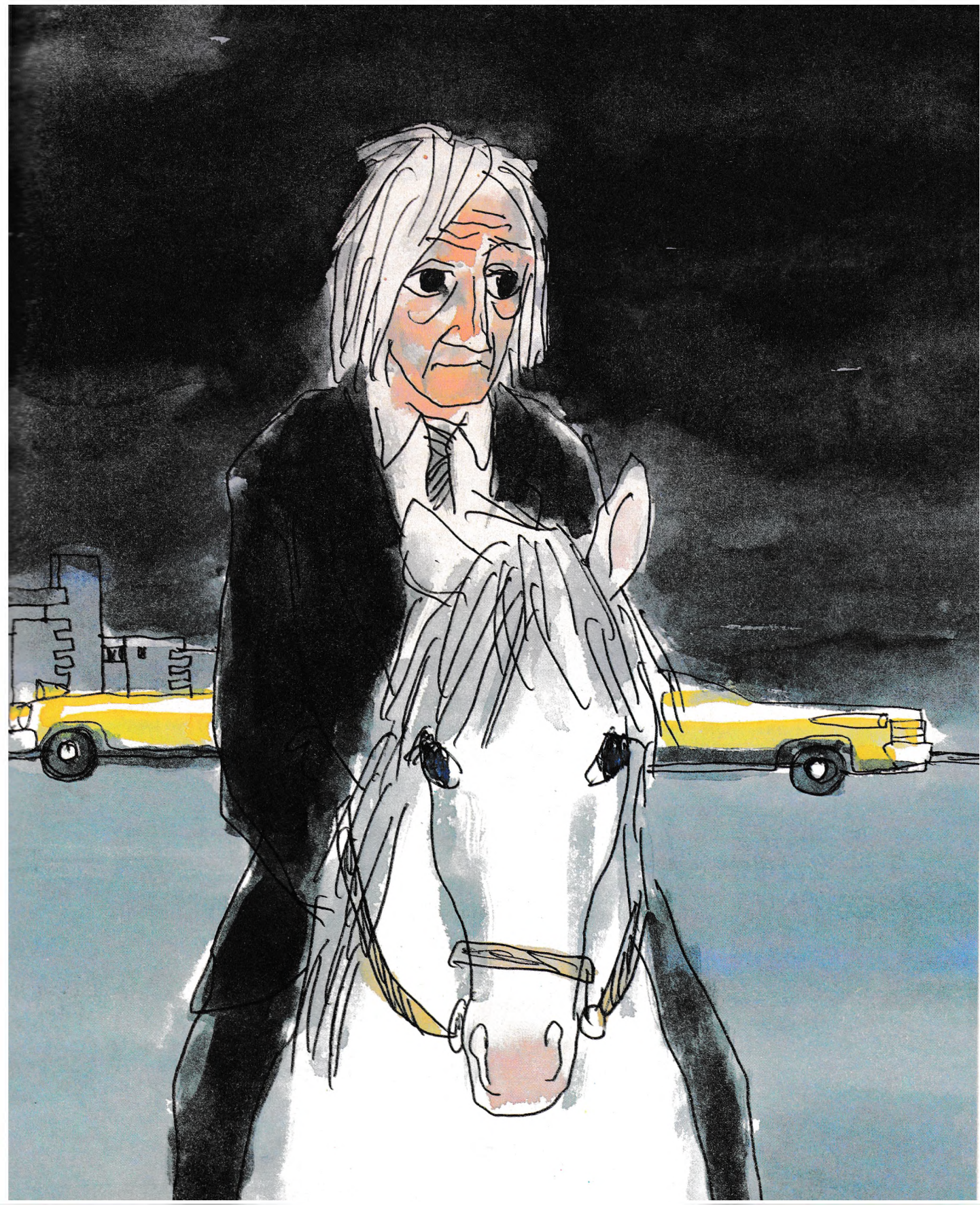
— Бухгалтера Джованни.

Синьор Мамбретти от неожиданности проехал на красный свет и был оштрафован... Он прибежал в свой кабинет и вызвал бухгалтера. Тот явился в приподнятом настроении, готовый исполнить «Вечное движение» Паганини.

— Нет, так дальше дело не пойдет, Джованни. Все эти новости, эти машины...

— Какие машины, синьор Мамбретти?! Посмотрите сами, своими собственными глазами.

Коммендаторе выглянул в окно. В углу двора, в окружении восхищенных рабочих и женщин-служащих, стоял белый конь с мешком овса на шее. Он бил копытом о камень: тук, тук,

тук, словно желая сказать: «Возьми меня, запакуй и отвези домой».

— Мне завещала его перед смертью тетушка Паскуалина.

«Угораздило же меня принять на работу бухгалтера, у которого столько дряхлых тетушек! — подумал Мамбретти. — Счастье еще, что я тайный глава банды конокрадов. К завтрашнему утру от наследства тетушки Паскуалины тоже следа не останется. Но хотел бы я знать, почему моему зеркалу эта кляча нравится больше, чем моя машина мощностью в двадцать семь лошадиных сил?!»

Но зеркало ничего не пожелало объяснять. Оно упрямо повторяло, что лошадь бухгалтера Джованни — самая красивая из всех машин. Мамбретти в ярости вырвал из головы два волоса, и теперь их осталось всего двадцать восемь.

— Чертово зеркало! — закричал он. — Из-за тебя мне день кажется ночью. Чтоб тебе свинкой заразиться!

Когда у бухгалтера Джованни украли и белую лошадь, он чуть не сошел с ума. Хотел сойти, но не смог. С горя он взял скрипку и заиграл, да так красиво и нежно, что даже из городов Сассуоло и Вогера приехали люди его послушать. Приехал и маэстро — первый скрипач миланского оперного театра «Ла Скала». Он заправлялся бензином у автоколонки на автостраде Солнца, как вдруг услышал звуки скрипки.

— Кто это играет так хорошо, и даже лучше? — спросил он у владельца бензоколонки.

— Это бухгалтер Джованни. Он обеспечивает музыкальное сопровождение.

— Хочу с ним познакомиться.

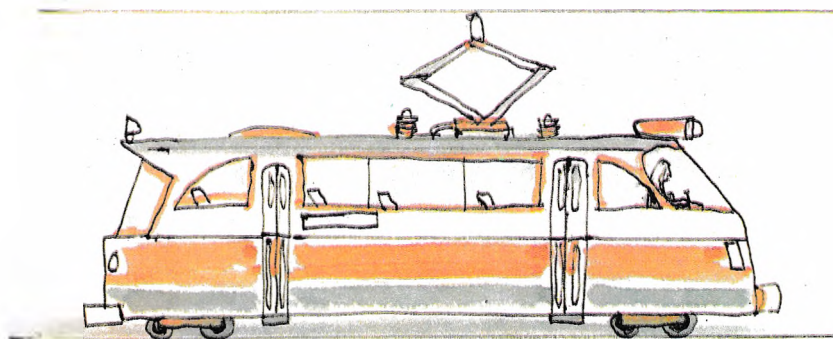
Он встретился с бухгалтером, послушал его игру и сказал:

— Вы лучший в мире скрипач. Поедьте со мной, я сделаю вас богатейшим человеком на земле, и даже богаче.

Бухгалтер Джованни колебался. Несмотря ни на что, он был привязан к фирме, любил запасные части к штопорам. Но без

белого коня ему было так грустно, что он согласился. Отправился с маэстро в Милан. Теперь он самый лучший скрипач в мире. Он заработал тьму денег и наконец-то смог исполнить свою тайную мечту — купил беговой трамвай!

Когда он едет в Модену на соревнование в своем гоночном трамвае, все жители аплодируют ему. Даже монахини выходят из монастырей посмотреть на гоночный трамвай. А синьор Мамбретти запирается в доме, чтобы ничего не видеть и не слышать и чтобы, не дай бог, с досады не вырвать из головы еще один волос.

САД СИНЬОРА МАМБРЕТТИ

Синьор Мамбретти, владелец фабрики запасных частей для штопоров, о котором мы уже не раз упоминали, купил себе прекрасный сад с плодовыми деревьями. Его садовника звали Фортуніно.

— Что за дурацкое имя дал тебе отец! — воскликнул Мамбретти.

— В честь маэстро Верди, коммендаторе.

— Разве Верди звали не Джузеппе?

— Да, Джузеппе, но второе его имя было Фортуніно, а третье — Франческо.

— Хорошо, хорошо, — отмахнулся коммендаторе. — Поговорим о грушах. Завтра ко мне приедут на обед синьор Мамбріни и синьор Мамбрілло. Я хочу угостить их грушами из моего сада. Заранее собери полную тарелку груш.

Фортунино, бедняга, побледнел.

— Но сейчас не сезон для этих груш! — робко сказал он.

Синьор Мамбретти посмотрел на него со снисходительной жалостью.

— Давай разберемся. Грушевое дерево кажется мне крепким, здоровым.

— Конечно! Я за ним как мог ухаживал: унавозил, опылил гербицидами, срезал засохшие ветки. Все как положено.

— Отлично. И это глупое дерево решило, что попало в рай, а не в сад. Ты ему поставил двойку в дневнике?

— В каком таком дневнике, синьор Мамбретти?

— Значит, ты не ведешь дневник. Надеюсь, ты за новейшую систему воспитания, очень надеюсь. Дорогой Фортунино, с деревьями нужна строгость. Чтобы они чувствовали силу и соблюдали дисциплину. Надеюсь, ты меня понял? Впрочем, смотри и учись.

Мамбретти схватил палку, спрятал ее за спину и подкрался к грушевому дереву, которое, если бы могло, запело тревожно: «Слышу звук безжалостных шагов».

— Так, так,— обратился Мамбретти к грушевому дереву.— Нам захотелось покапризничать? В голову лезут всякие мятежные мысли?

— Но, синьор Мамбретти, ведь...

— Молчать! Кто здесь хозяин?

— Вы.

— То-то же. А хороший хозяин всегда прибегает к палке.

И он принялся молотить по стволу груши палкой. Бедняга от испуга уронила все лепестки.

— На сегодня хватит,— сказал Мамбретти и, бросив палку, стал утирать пот со лба.— Особенно усердствовать не надо. Преподавал палкой урок, и довольно. Завтра утром сам увидишь, какие чудесные груши мне подарит это деревце.

Бедный Фортунино хотел было возразить, что грушевое дерево не подарит плодов ни завтра, ни через шесть месяцев. Ведь оно лишилось всех лепестков. Но пока он собирался с духом, Мамбретти уже ушел домой. Фортунино не успел даже рта раскрыть.

— Ну и дела, — пробормотал он. — Но что же будет завтра? Одно ясно, груш синьору Мамбретти не дожждаться. Он, понятно, разъярится, и дереву достанется новая порция ударов.

Думал он, думал, и наконец его осенила чудесная идея. Он спасет дерево. Фортунино отправился домой, разломал копилку и помчался в город, в магазин, где продавались груши ранних сортов. Он купил два килограмма, дождался темноты, вернулся в сад и развесил груши на ветвях.

Эти чудесные, спелые груши он развешивал не как попало, а строго по порядку, чтобы выглядело красиво. На одну ветку прицепил большую спелую грушу, на другую — две груши-близнеца, на самую нижнюю ветку — сразу три груши, две большие и одну маленькую. Казалось, будто это отец и мать вышли на прогулку с малышом. Наступило утро, и в свой сад вступил синьор Мамбретти, — пришел проверить, как обстоят дела. Увидел грушевое дерево и стал радостно потирать руки.

— Теперь убедился, Фортунино?! Такие красивые груши не раскачиваются больше нигде на ветвях в районе к югу от Вероны и к северу от Пистойи. И поверь, это будут самые вкусные груши, ведь они отведали палку. Сорви их и отнеси моей жене. И запомни — с деревьями нельзя быть слишком мягким. Требуй от них мгновенного, слепого и абсолютного повиновения. Понял?

Добрый Фортунино покраснел и опустил голову. Сказать правду он не мог, а солгать — язык не поворачивался. К тому же пока синьор Мамбретти остался доволен, а там видно будет.

На следующее утро Мамбретти отправился в сад и потребовал букет роз.

— Но только Бьянке — белые,— сказал он Фортунино.— Хочу подарить их своей теще Бьянке. Неплохо я придумал, правда?

— Совсем неплохо. Но ведь белые розы в саду еще не расцвели.

— До сих пор не расцвели? Как они смеют! Разве они не знают, что здесь я хозяин?

— Видите ли, синьор Мамбретти...

— Знать ничего не желаю. И видеть тоже. Принести мне кнут.

— Не собираетесь же вы... отхлестать это бедное растеньице?

— Какое еще растеньице! Эта роза уже большая и должна выполнять свой долг. Я люблю лишь понятливые растения. А кто любит, тот и бьет. Неси кнут!

— О бедный я, бедный!..

— При чем тут ты? Я вовсе не собираюсь тебя хлестать. Хочу лишь тебе показать, как надо воспитывать розы. Чтобы они цвели, когда прикажет хозяин, а не когда им самим вздумается.

Мамбретти принялся хлестать розу; у доброго Фортунино заболело сердце, и он закрыл глаза. Его отец говаривал: «С глаз долой, из сердца вон». Но сердце почему-то продолжало болеть.

— Все, свое она получила. Вот увидишь, какие завтра принесет красивые розы наша синьорина. Тут нужны твердая рука и неукротимая воля. Ясно тебе, Фортунино?

Оставшись один, Фортунино стал утешать розовый куст ласковыми словами, уверенный, что тот все поймет. Потом посыпал корни растолченным аспирином, чтобы кожица у цветка не так горела после порки.

«Но что будет завтра?» — с тревогой подумал он.

Увы, у него не было второй копилки с монетами. Пришлось Фортунино сесть на велосипед и поехать к шуруну, чтобы тот одолжил ему пять тысяч лир.

— К сожалению, я как раз сегодня утром заплатил очередной взнос за телевизор, — ответил шурин Филиппо. — У меня осталась всего тысяча лир. На, бери...

— Спасибо и на том, — вздохнув, сказал Фортунино.

Чтобы собрать пять тысяч лир, пришлось ему навеститься к двоюродному брату Риккардо и ко второму двоюродному брату Радамэсу (названному так в честь маэстро Джузеппе Верди, творца оперы «Аида»). Съездил Фортунино и к двоюродной сестре Бертолине, которая прочла ему целую лекцию о язве желудка, и к тетушке Бенедетте, которая долго у него допытывалась, какая разница между катаром желудка и катаром верхних дыхательных путей, к тетушке Энэй (названной так по ошибке — ее отец думал, что полководец Эней был женщиной).

Фортунино удалось вовремя примчаться к цветочнику и купить у него пять белых роз с Ривьеры. Ночью он вернулся в сад, привязал розы к ветвям и шепнул кусту:

— Будем надеяться, что синьору Мамбретти хватит пяти роз. При нынешних-то ценах больше я купить не смог. А ведь

я еще и налог уплатил. Вон Мамбретти тоже повысил цены на запасные части к штопорам.

Но синьору Мамбретти пяти роз оказалось мало.

— Я же сказал две дюжины!

— Этого вы не говорили!

— Ты еще смеешь мне перечить? Знай свое место, наглец.

И подай кнут.

— Нет, только не кнут!

— Сказано тебе, кнут подай!

Мамбретти сам схватил кнут и стал хлестать розу. Войдя в раж, он отхлестал и туйю, за то, что она с одного бока вдруг пожелтела, отлупил палкой кипарис, за то, что у него одна ветка кривая, отдубасил сосну-пинию, за то, что у нее шишки висят слишком высоко — их с лестницей не достанешь.

— Ну а эта плакучая ива почему не плачет? — бушевал Мамбретти. — А эта ель почему такая низкая? А вон тот ливанский кедр почему стоит один как перст?

— Довольно, хватит, — умолял его Фортунино со слезами на глазах.

— Да, с меня довольно! — завопил Мамбретти. — Ты и этот твой маэстро Верди! Ты уволен. Убирайся, можешь получить деньги в кассе.

Теперь уже Фортунино заплакал вместо плакучей ивы. Слезы мешали ему отыскать кассу, и он попадал не в те комнаты, откуда его гнали вон.

— Завтра я вернусь! — крикнул Мамбретти деревьям и цветам. — Посмотрю, поумнели ли вы за ночь. Если нет, берегитесь. Поставлю вам единицу по поведению и снова отхлестаю.

Спустился вечер, за ним спустилась ночь, как всегда минута в минуту. Сад утонул во тьме и в тишине. Но под землей, где переплетаются, вьются и сбегаются со всех сторон корни, слышался шепот и бормотание. Растения обменивались новостями и предложениями, разрабатывали планы и проекты. Люди ду-

мают, что корни — немые и бездыханные. А между тем корни живут, прячутся на разной глубине, но когда надо, собираются вместе. Все, даже самые крохотные корешки.

Всю ночь невидимые корни готовились к бунту. Им не могли помешать ни юркие полевые мыши, ни хлопотливые личинки, ни медлительные черви, рывшие ходы в чреве земли.

Утром Мамбретти спустился в сад, вооружившись кожаным хлыстом и твердой решимостью навести там порядок. Он, ничего не подозревая, осмотрелся, кинул взгляд на розу.

— Ни одного цветка,— констатировал он.— Отлично. Так я, по-твоему, глупец и болтун, бросающий слова на ветер! А может, я говорю по-турецки и меня не понять? Ошибаешься, милочка. Со мной шутки плохи, мне повинуются все и вся.

С этими словами Мамбретти грозно взмахнул хлыстом и направился к розе, чтобы хорошенько ее проучить.

Но на втором же шаге споткнулся о высунувшийся из-под земли корень плакучей ивы... Мамбретти уцепился за куст розы, но та вонзила в него шип величиною с нож, он вскрикнул и свалился на землю. Сосна тряхнула верхними ветвями и обрушила на голову Мамбретти полукилограммовую шишку. Шишка раскололась, из нее высыпались семена и покатались по тропинке. Белки тут же кинулись их собирать. Мамбретти вскочил и бросился с хлыстом на сосну:

— Наглое дерево, сейчас я с тобой расквитаюсь.

Сосна сбросила ему на голову вторую шишку. Затем третью, четвертую весом в целый килограмм. Тут уж синьор Мамбретти обратился в бегство. Кипарис ловко подставил ему подножку своей нижней веткой. Мамбретти упал спиной на землю. Груша, не имея больше плодов, кинула ему в глаз стрекозу.

— Это же бунт, вооруженное восстание, мятеж! — завопил синьор Мамбретти.

В ответ ель бросила ему в рот горсть своих иголок. Мамбретти выплевывал их целых двадцать минут.

А выплюнув последнюю, снова закричал:

— Мы еще встретимся! Я вас выполю, как сорную траву, разорву на куски и кусочки, а потом сожгу. От вас даже семян не останется.

Клен протянул свои ветви и схватил Мамбретти за горло. И не дал ему пошевелиться, даже когда мимоза принялась щекотать Мамбретти нос.

Наконец Мамбретти рывком удалось вырваться. Он вскочил на ноги и, убегая, крикнул:

— Помогите! Помогите! Фортунино, где ты?

— Меня здесь нет, — ответил Фортунино, который наслаждался этой сценой с каменной ограды сада. — Разве вы забыли — я уволен?! Сейчас на выходное пособие пойду в кино.

Синьор Мамбретти, примчавшись домой, закрыл дверь на цепочку. Потом подбежал к окну и посмотрел на сад. Там все было тихо, спокойно. Деревья мирно зеленели, притворяясь, будто ничего не произошло.

— Подлые шантажисты, — пробурчал Мамбретти и поплелся в ванную делать себе примочки.

Оглавление

Л. В е р ш и н и н. О Джанни Родари 5

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ЧИПОЛЛИНО

П о в е с т ь - с к а з к а

Перевод Э. Потаповой под редакцией С. Маршака

Глава первая, в которой Чиполлоне отдал ногу принцу Лимону	11
Глава вторая. Как Чиполлино заставил кавалера Помидора заплакать в первый раз	18
Глава третья, в которой рассказывается о профессоре Груше, о Луке Порее и о Тысяченожках	30
Глава четвертая о том, как Чиполлино одурачил пса Мاستино, которому очень хотелось пить	35
Глава пятая. Кум Черника вешает над дверью колокольчик для воров	41
Глава шестая, в которой рассказывается о том, как много хлопот и неприятностей доставили графиням их родственники — барон Апельсин и герцог Мандарин	47
Глава седьмая, в которой Вишенка не обращает внимания на объявления синьора Петрушки	56

Глава восьмая. <i>Как прогнали из замка доктора Каштана</i>	65
Глава девятая. <i>Мышиный главнокомандующий вынужден дать сигнал к отступлению</i>	70
Глава десятая. <i>Путешествие Чиполлино и Крота из одной тюрьмы в другую</i>	81
Глава одиннадцатая, <i>из которой видно, что кавалер По- мидор имеет обыкновение спать в чулках</i>	93
Глава двенадцатая, <i>в которой Лук Порей был награжден и наказан</i>	102
Глава тринадцатая <i>о том, как синьор Горошек спас жизнь кавалеру, сам того не желая</i>	109
Глава четырнадцатая, <i>в которой рассказывается, как синьор Горошек взошел на эшафот</i>	114
Глава пятнадцатая, <i>объясняющая предшествующую главу</i>	116
Глава шестнадцатая. <i>Приключения мистера Моркоу и со- баки Держи-Хватай</i>	121
Глава семнадцатая. <i>Чиполлино заводит дружбу с очень симпатичным Медведем</i>	140
Глава восемнадцатая. <i>Тюлень, у которого был слишком длинный язык</i>	146
Глава девятнадцатая. <i>Путешествие в веселом поезде</i>	156
Глава двадцатая. <i>Герцог Мандарин и желтая бутылка</i>	162
Глава двадцать первая. <i>Мистер Моркоу назначен иност- ранным военным советником</i>	169
Глава двадцать вторая, <i>о том, как барон погубил два- дцать генералов, сам того не желая</i>	177
Глава двадцать третья. <i>Чиполлино знакомится с пау- ком-почтальоном</i>	183
Глава двадцать четвертая. <i>Чиполлино теряет всякую на- дежду</i>	190
Глава двадцать пятая. <i>Приключения паука Хромонога и паука Семь с половиной</i>	194
Глава двадцать шестая, <i>в которой рассказывается о Ли- монишке, не знавшем арифметики</i>	203
Глава двадцать седьмая. <i>Гонки с препятствиями</i>	211
Глава двадцать восьмая. <i>Синьор Помидор устанавливает налог на погоду</i>	216

Глава двадцать девятая. Гроза, которая никак не может кончиться	225
Эпилог, в котором Помидор плачет второй раз	234

ПОЕЗД СТИХОВ

Переводы С. Маршака

Новогодние пожелания	249
Династия лентяев	250
Что читают кошки по воскресеньям	252
Стишок про летнюю жару и городскую детвору	254
Служанка	256
Чистильщик сапог	258
Открытки с видами городов	260
Площадь Мастаи	262
Зал ожидания	264
Детская железная дорога	266

Переводы Я. Акима

Первое мая	267
О начальниках станций	268
Песенка о песенке	270
Король и я	272
История рыбы-молота	274
Обед и ужин	275
История про осла	276
Седые волосы	278

РАССКАЗЫ ИЗ КНИГИ «НОВЕЛЛЫ НА ПИШУЩЕЙ МАШИНКЕ»

Переводы Л. Вершинина

Марко, Мирко и грозная банда	283
Марко и Мирко, дьявол и синьора де Маджистрис	295
Крокодил-знаток	305

Спасение Венеции, или Как стать рыбами	315
Мир в консервных банках и бутылках	327
Транзисторная кукла	337
Рыбак с моста Гарибальди	347
Ухожу к котам	357
Карлино, Карло, Карлино, или Как бороться со сквер- ными привычками у детей	369
Доктор вне дома	379
Хозяин и бухгалтер	391
Сад синьора Мамбретти	403

ДЛЯ МЛАДШЕГО ШКОЛЬНОГО
ВОЗРАСТА

Джанни Родари

**ЧИПОЛЛИНО И ДРУГИЕ
СТИХИ, СКАЗКИ, РАССКАЗЫ**

СОСТАВИТЕЛЬ ЛЕВ АЛЕКСАНДРОВИЧ
ВЕРШИНИН

ИБ № 3383

Ответственный редактор
Г. В. ЯЗЫКОВА

Художественный редактор
А. Б. САПРЫГИНА

Технический редактор
Л. П. КОСТИКОВА

Корректоры
Л. Г. ПЕТРОЧЕНКО и О. И. ИВАНОВА

Сдано в набор 29.03.83.

Подписано к печати 22.06.84.

Формат 84×100¹/₁₆. Бум. офс. № 1.

Шрифт обыкновенный. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 40,56. Усл. кр.-отт. 163,8.

Уч.-изд. л. 25,27. Тираж 100 000 экз.

Заказ № 2880. Цена 3 р. 20 к.

Орден Трудового Красного Знамени

и Дружбы народов издательство

«Детская литература» Государственного

комитета РСФСР по делам издательств,

полиграфии и книжной торговли.

103720, Москва, Центр, М, Черкасский пер., 1.

Ордена Трудового Красного Знамени

фабрика «Детская книга» № 1

Росглавополиграфпрома Государственного

комитета РСФСР по делам издательств,

полиграфии и книжной торговли.

Москва, Суцевский вал, 49.

Родари Дж.

Р60 Чиполлино и другие: Стихи, сказки, рассказы/
Пер. с итал.; Сост. Л. Вершинина; Рис. М. Майофи-
са.— М.: Дет. лит., 1984.— 414 с., ил.

В пер.: 3 р. 20 к.

Сборник произведений известного детского итальянского писателя. В книгу вошли широкоизвестная читателю повесть-сказка «Приключения Чиполлино», стихи, а также написанные им в последние годы жизни «Новеллы на пишущей машинке».

Р 4803020000—418
М101 (03) 84 415—83

И (Итал)

3р. 20к.

87

10

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА“